ТОМ 2, №1, 2024
eISSN 2949-1843
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Правовой порядок и правовые ценности

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частно-правовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

www.lawandorder-donstu.ru
DOI 10.23947/2949-1843

Правовой порядок и правовые ценности

Рецензируемый научно-практический журнал (издается с 2023 года)

eISSN 2949-1843
DOI: 10.23947/2949-1843

Том 2, № 1, 2024

Рецензируемый научно-практический журнал создан в целях информирования читательской аудитории о новейших достижениях, актуальных вопросах и перспективах в области юриспруденции.

В журнале публикуются результаты исследований, направленных на обеспечение преемственности фундаментальной и прикладной научной мысли, отражение уровня и степени научной разработанности различных тематик в области теории и истории государства и права, государственного управления, правотворчества и правоприменительной практики, отраслевых юридических наук, изучение и анализ тенденций развития российского законодательства для поиска эффективных методов правового регулирования; аргументацию новых гипотез и авторских выводов в области юриспруденции с обсуждением как глобальных вопросов, так и носящих региональный характер.

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
5.1.4 – Уголовно-правовые науки
5.1.5 – Международно-правовые науки

Индексация и архивация:	РИНЦ, CyberLeninka, CrossRef
Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 83924 от 16 сентября 2022 г, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель и издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ)
Периодичность	4 выпуска в год
Адрес учредителя и издателя	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail	pravonauka2022@donstu.ru
Телефон	+7 (863) 2–738–372
Сайт	https://lawandorder-donstu.ru
Дата выхода в свет	30.03.2024

Legal Order and Legal Values

Peer-reviewed scientific and practical journal (published since 2023)

eISSN 2949-1843
DOI: 10.23947/2949-1843

Vol. 2, no. 1, 2024

A peer-reviewed scientific and practical journal designed to inform the readers about the latest achievements, topical issues and prospects in the field of jurisprudence.

The journal publishes the results of research aimed at ensuring the consistency of the fundamental and applied science ideas; at reflecting the level and degree of scientific development of various topics in the field of the theory and history of state and law, state governance, law-making and law enforcement practices, sectoral legal sciences, study and analysis of the trends of the Russian legislation development for finding the efficient methods of legal regulation; at substantiating the new hypotheses and authors' conclusions in the field of jurisprudence including the discussion of both global and regional issues.

The journal structure is developed in compliance with the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118 "On Approval of the Nomenclature of Academic Specialities for Conferring the Academic Degrees, and Amendments to the Regulation on the Council for the Defence of Dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees Approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093" and includes the following academic specialities:

– Theoretical and Historical Legal Sciences
– Public Law (State Legal) Sciences
– Private Law (Civil Law) Sciences
– Criminal Law Sciences
– International Legal Sciences

Indexing and Archiving	RISC, CyberLeninka, CrossRef
Name of the Body that Registered the Publication	Extract from the Register of Registered Mass Media ЭЛ № ФС 77 – 83924 of September 16, 2022, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Founder and Publisher	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Don State Technical University (DSTU)
Periodicity	4 issues per year
Address of the Founder and Publisher	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
E-mail	pravonauka2022@donstu.ru
Telephone	+7 (863) 2–738–372
Website	https://lawandorder-donstu.ru
Date of Publication	30.03.2024

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Акопов Л.В., Левина Р.А. Философ права Н.Н. Алексеев о ценностях в праве 9

Саидов З.А., Мелихов А.И., Працко Г.С. Национальное мировоззрение как фактор национальной безопасности в классической и отечественной философской мысли 15

Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Теория и практика юридической ответственности за экологические правонарушения: региональный аспект 26

Берлявский Л.Г. Эволюция государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века 39

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности 47

Кузина С.И., Сагирян И.Г. Угрозы продовольственной безопасности российского государства в современных условиях 54

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Кузубов А.А., Максименко А.Н. Обеспечение принципа правовой определенности в качестве противодействия международному терроризму 64

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Akopov LV, Levina RA. Philosopher of Law N.N. Alekseev about Values in Law 9

Saidov ZA, Melikhov AI, Pratsko GS. National Worldview as the Factor of National Security in the Classical and Domestic Philosophical Thought 15

Anisimov AP, Isakova YI, Pratsko GS. Theory and Practice of Legal Liability for Environmental Offences: A Regional Aspect 26

Berlyavsky LG. Evolution of the State-Legal Foundations of the Soviet Agrarian System in the 20s of the XX Century 39

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Alekseeva MV, Filimonova EA. Topical Issues of Counteracting the Threats to National Security 47

Kuzina SI, Sagiryan IG. Threats to the Food Security of the Russian State in the Modern Settings 54

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Kuzubov AA, Maksimenko AN. Ensuring the Principle of Legal Certainty as a Way to Counteract the International Terrorism 64

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 340

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-9-14

EDN: TBFRIE

Философ права Н.Н. Алексеев о ценностях в праве

Л.В. Акопов , **Р.А. Левина** ✉
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ levina09011@mail.ru

Аннотация

Введение. Рассматривается вклад известного русского философа и правоведа Н.Н. Алексеева в учение о ценностях в праве с опорой на его монографию «Основы философии права». Подчеркивается, что, несмотря на повышенный интерес (особенно в последние годы) к теоретическому наследию Н.Н. Алексеева, актуальным остается анализ методологии его подхода к пониманию аксиологии права в комплексе научных, метафизических и религиозных объяснений. Философия права Н.Н. Алексеева играет значительную роль в укреплении в России правовых ценностей и утверждении правовой культуры, законности и правопорядка. Цель данного исследования — проанализировать философско-правовые идеи Н.Н. Алексеева о ценностях в праве, определить методологию его подхода к пониманию аксиологии права в комплексе научных, метафизических и религиозных воззрений и доказать прогностическое значение его авторской концепции.

Материалы и методы. Материалом исследования стали результаты анализа теоретических положений Н.Н. Алексеева, в частности главы книги «Основы философии права», посвященной проблематике правовых ценностей. В работе использованы диалектический метод познания как основной, общенаучные методы анализа, синтеза, формально-юридический метод. Реализуя исторический подход к оценке материалов, авторы придерживались всесторонности и объективности анализа. Авторы стремились показать как в целом логику философии права Н.Н. Алексеева, так и его воззрения относительно понимания аксиологии права в комплексе научных, метафизических и религиозных объяснений.

Результаты исследования. В представленной работе авторами проанализирована система взглядов русского философа и правоведа Н.Н. Алексеева, на протяжении большей части XX века обделенного вниманием в отечественной юриспруденции, относительно ценностей в праве. Подвергнуты осмыслению этико-правовые взгляды Н.Н. Алексеева и представленные в теоретических исследованиях различных ученых критические воззрения относительно данной проблематики. Особое внимание уделяется глубокой убежденности Н.Н. Алексеева в имманентной взаимосвязи главных проблем права с ценностными аспектами. В работе определено прогностическое значение авторской концепции философа и правоведа.

Обсуждение и заключение. Проведенный детальный анализ методологии философско-правовых воззрений Н.Н. Алексеева представляется важным для российской юридической науки. Многие идеи, содержащиеся в его трудах, существенным образом уже повлияли и продолжают оказывать свое влияние на исследования проблематики, связанной с аксиологией права, современных философов и правоведов. Провидческие для своего времени и сохраняющие актуальность выводы Н.Н. Алексеева о ценностных факторах развития будущего Российского государства представляют существенный интерес в свете дальнейшего развития России как правового государства.

Ключевые слова: философия права, ценности в праве, правопорядок, метафизика, религия, нравственность, социальная справедливость, правовое государство, нормативная система, аксиология, правовая система, абсолют, православие, позитивное право, свобода

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Акопов Л.В., Левина Р.А. Философ права Н.Н. Алексеев о ценностях в праве. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(1):9–14. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-9-14

Research article

Philosopher of Law N.N. Alekseev about Values in Law

Leonid V. Akopov, Raisa A. Levina ✉
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ levina09011@mail.ru

Abstract
Introduction. The contribution of the famous Russian philosopher and legal scholar N.N. Alekseev to the doctrine of the values in law is studied based on his monograph "Fundamentals of the Philosophy of Law". It is emphasised that, even though the interest (especially in recent years) to the theoretical heritage of N.N. Alekseev has increased, the analysis of the methodology of his approach to understanding the legal axiology in combination with the scientific, metaphysical and religious definitions is still required. N.N. Alekseev's philosophy of law plays a significant role in strengthening the legal values in Russia and affirming the legal culture, legitimacy and legal order. The aim of present research is to analyse N.N. Alekseev's philosophical and legal concepts concerning the values in law, to determine the methodology of his approach to understanding the legal axiology in combination with the scientific, metaphysical and religious views and to prove the prognostic importance of his original concept.
Materials and Methods. The research material comprised the results of the analysis of the theoretical provisions of N.N. Alekseev, more specifically the analysis of the chapter of the book "Fundamentals of the Philosophy of Law" dealing with the problems of legal values. The dialectical method of cognition was the main method used for the research, along with the general scientific methods of analysis, synthesis and the legalistic method. By implementing the historical approach to the evaluation of the materials, the authors adhered to the comprehensiveness and objectivity of the analysis. The authors strived to demonstrate both the holistic logic of N.N. Alekseev's philosophy of law and his understanding of the legal axiology in combination with the scientific, metaphysical and religious definitions.
Results. In the present work, the authors have analysed the mindset of the Russian philosopher and legal scholar N.N. Alekseev, whose views concerning the values in law were neglected in the national juridical science during most of the twentieth century. The ethical and legal concepts of N.N. Alekseev and the critical attitudes to this issue presented in the theoretical works of the various scientists have been reflected upon. Special attention has been given to the profound adherence of N.N. Alekseev to the idea of immanent interrelation of the main problems of law with the value aspects. The article defines the prognostic importance of the original concept formulated by the philosopher and legal scholar.
Discussion and Conclusion. The analysis of the methodology of N.N. Alekseev's philosophical and legal mindset is important for the Russian juridical science. Many of the ideas contained in his works have already had a strong impact and continue to affect the research of the modern philosophers and legal scholars concerning the topic of the legal axiology. The ahead of his time prescient conclusions of N.N. Alekseev about the role of value factors in the future development of the Russian state are of considerable interest in the context of the further development of Russia as a law-governed state.

Keywords: philosophy of law, values in law, legal order, metaphysics, religion, morality, social justice, law-governed state, regulatory framework, axiology, legal framework, absolute, Orthodoxy Christianity, positive law, freedom

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement have contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For citation. Akopov LV, Levina RA. Philosopher of Law N.N. Alekseev about Values in Law. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(1):9–14. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-9-14

Введение. Выдающийся русский правовед и философ Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) в своем исследовании «Основы философии права» посвятил специальную главу проблемам правовых ценностей. Книга впервые была опубликована сто лет назад — в 1924 году в Праге [1]. Характеризуя эту работу, Г.Г. Бернацкий и В.Г. Соболев писали: «На протяжении всей работы он (Н.Н. Алексеев, примечание наше, — Л.А., Р.Л.) постоянно подчеркивает связь чисто правовых проблем с проблемами ценностей. Алексеев считает, что только там, где ценности не искажены, может сложиться нравственная система права. Появление антиценностей приведет к искажению нравственного содержания права, более того, правовая система начинает как бы оправдывать

сложившиеся антиценности, способствуя их укоренению в обществе. Такое общество не в состоянии определить свои цели, осознать идеалы как нечто реальное, к чему можно и нужно стремиться» [1, с. 14]. Анализируя ту же работу, А.П. Альбов, Д.В. Масленников и М.Б. Ревнова пришли к выводу о максимальном влиянии феноменологии на учение Н.Н. Алексеева о ценностях в праве и отметили, что «обобщив обширный … материал по философии и теории права, русский правовед строит систему, основой которой делает три важнейших темы русской философии права: субъект права, ценность в праве, идеал правоотношений…» [2, с. 3]. И. Григорьев подчеркивает, что философия права Н.Н. Алексеева представляет собой яркий пример отношения к праву как социальной ценности высокого уровня [3]. Такие выводы современных авторов представляются весьма злободневными в свете концепции Н.Н. Алексеева о ценности в праве.

Цель данного исследования — проанализировать философско-правовые идеи Н.Н. Алексеева о ценностях в праве, методологию его подхода к пониманию аксиологии права в комплексе научных, метафизических и религиозных объяснений и доказать прогностическое значение его концепции.

Материалы и методы. Материалом исследования стали результаты анализа теоретических воззрений Н.Н. Алексеева, в частности, главы книги «Основы философии права», посвященной проблематике правовых ценностей. В работе использованы диалектический метод познания как основной, общенаучные методы анализа, синтеза, формально-юридический метод. Реализуя исторический подход к оценке материалов, авторы придерживались всесторонности и объективности анализа. Показана как в целом логика философии права Н.Н. Алексеева, так и его воззрения относительно понимания аксиологии права в комплексе научных, метафизических и религиозных объяснений.

Результаты исследования. Судя по краткому авторскому предисловию к вышеназванной книге, Н.Н. Алексеев считал парадигму «ценность в праве» исключительно философско-правовой проблематикой [1]. Симптоматично, что при этом он исходил из того, что общая теория социальных ценностей не может быть полноценной (в данном случае тавтология оправдана) без ее взаимной связи с метафизикой и религией (иными словами, с теорией общественных идеалов). Вот как писал об этом сам Н.Н. Алексеев: «…В мире ценностей мы всегда имеем дело с отношениями, с иерархическим порядком. Здесь нельзя отрывать один момент от другого, главное — от последних вершин всей системы. И если в метафизике и религии мы приближаемся к этим вершинам, то полный отрыв от них теории ценностей не может быть никак оправдан. Есть полное основание предполагать, что необходимость метафизического и религиозного объяснения неизмеримо более ощущается при познании ценностей, чем при познании простого безразличного бытия. Оттого теоретические науки о бытии более имеют право на независимое от метафизики и религии существование, чем теория ценностей» [1, с. 99]. Заметим здесь, что Н.Н. Алексеев, несомненно, развивает взгляды известного русского философа и церковного деятеля Н.О. Лосского, о чем он прямо заявил в предисловии к своему сочинению [1]. И действительно, в фундаментальной работе Н.О. Лосского «Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей» прямо утверждается: «Важнейшая задача аксиологии состоит в установлении существования абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма, т. е. учения, утверждающего, что все ценности относительны и субъективны» [4, с. 64]. В контексте этих своего рода аксиом известный современный ученый-юрист Г.В. Мальцев подчеркивал: «Для того, чтобы люди принимали, уважали и исполняли Право, оно должно выступать в ореоле священных понятий Истины, Добра, Справедливости, стать предметом знания и веры. В тесном единстве с религией и моралью право сможет не только успешно регулировать практику человеческих дел, но и придавать высший ценностный смысл этим делам, помочь человеку занять свое настоящее место в мире и обществе» [5, с. 541].

Фокусируя внимание на сути учений Платона и Плотина, Н.Н. Алексеев утверждает, что добродетели сохраняются и на земле, и на небе: «Так как соответствующие им ценности имеют не только посюстороннее, но и потустороннее значение… Тем более имеют потустороннее значение добродетели высшего порядка, достижение которых приносит нам истинное очищение — катарсис, как учил Плотин. Стремясь к ним, мы приближаемся к истинно духовной жизни, достижение которой приводит нас к соприкосновению с иными нездешними мирами» [1, с. 110].

Различные виды ценностей («ценностные модальности» в формулировке Н.Н. Алексеева) невозможно, по его мнению, классифицировать без привлечения соответствующих метафизических предпосылок [1]. Так, например, он полагает, что существование духовных ценностей основывается в конечном счете на религиозно-метафизической идее духа и духовной жизни. Деление ценностей на личные и сверхличные, по его убеждению, также основано на метафизических принципах. Задаваясь вопросом о существовании особых правовых ценностей и их носителях, Н.Н. Алексеев следующим образом отвечает на него: «…Правовой ценностью может быть не только личность, как единство возможных актов, но и личность в определенных конкретных проявлениях

ее внутреннего существа. Такой вывод … обыкновенно не вполне признается философией права. Часто упускают из вида, что не личность сама по себе, а определенные ее свойства являются предметом правовой защиты и правового признания. Так, например, правопорядок может признавать ценностью определенные нравственные качества личности — храбрость, проявленную на войне, умелость, сноровку и мудрость, выказанную в государственных делах (право на награду)» [1, с. 114]. Еще в лекциях, прочитанных в Таврическом университете свыше ста лет тому назад, ученый утверждал, что право и есть порядок, ценность же права есть абсолютная ценность закона и порядка в противоположность бесценности хаоса и анархии [6].

Подвергнув осмыслению этико-правовые взгляды Н.Н. Алексеева, А.В. Стукалов отмечает перспективность его теории в связи с решением им проблем соотношения нравственности и права в контексте научного синтеза идей русской философской и юридической мысли и идей западной философии (феноменологии, интуитивизма, философской антропологии), приходя к выводу о том, что основной проблемой философии права Н.Н. Алексеева стала проблема этического и аксиологического обоснования права [7]. Общий настрой философии права Н.Н. Алексеева названный автор усматривает в возведении психологических моментов права и нравственности на мировоззренческий уровень этического сознания и уровень духовных ценностей [7].

Отдельно анализируя идею справедливости, Н.Н. Алексеев считает ее основной правовой ценностью, воспроизводя при этом древнюю клаузулу «alterumnonlaedere suumcuiquetribuere» («воздавать всякому не в ущерб другому») и цитируя формулу из Дигесты.1.10: «Справедливость есть неизменная и постоянная склонность к возданию права всякому» [1, с. 119]. Далее он же постулирует: «Порядок справедливости как порядок правильного отношения ценностей есть порядок чисто идеальный: и потому чисто идеальной природой обладает и то целое, которое образуют правильно относящиеся ценности» [1, с. 120]. По его мнению, реальное справедливое общество есть общество, построенное на правильном соотношении благ, — соотношении, в основе которого лежит, как образец, идея справедливости [1].

Обсуждение и заключение. Весьма важны и значимы для сегодняшних реалий следующие слова Н.Н. Алексеева: «Нормальная правовая система должна предполагать, что установленный ею объективный порядок справедливости находит какое-то отражение во внутренней духовной жизни членов правового общества, что этот порядок согласуется как-то со справедливостью как внутренней добродетелью» [1, с. 127]. Всякое действующее право, по Н.Н. Алексееву, представляет собой продукт человеческой мысли и человеческой логики, «поэтому система законов не может не быть системой логической и разумной, системой, которая в идеале, по крайней мере, должна быть лишена противоречий и зияния» [6, с. 5]. Интерпретируя оценку Н.Н. Алексеевым самого права в качестве одной из приоритетных ценностей, И. Григорьев пишет: «Право, будучи важным элементом человеческой духовности, связывает деструктивные начала жизни и ведет общество по направлению к нравственному и религиозному совершенству... На этом пути право оказывается незаменимым средством позитивного воздействия на общество и человека» [3, с.119].

Общие законы справедливости в учении Н.Н. Алексеева сводятся к следующим постулатам:

«1) Каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей.

2) Каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей.

3) Каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия.

4) Отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства присущей каждой из ценностей.

5) Отношения эти составляют общий порядок реальной солидарности» [1, с. 122].

К ряду ценностных правовых принципов государства Н.Н. Алексеев относил и «принцип положительной свободы», в соответствии с которым государство должно создавать максимальное количество культурных и духовных благ, предпочтение и выбор которых предоставляется свободе всех и каждого, и при этом оно стремится к поддержанию условий, обеспечивающих такое положение, при котором свобода индивида не может быть использована в отрицательных целях [8].

«Первостепенную роль играла в нашей истории — писал Н.Н. Алексеев — русская вольница, которой русский народ присвоил имя «казачества», — явление не знакомое Западу, но составляющее типичную особенность Московской Руси» [9, с. 74]. И далее у него сказано следующее: «Изучая былинные представления нашего народа о государстве и князе, можно с полным правом говорить о казацком политическом идеале, который жил в душе нашего народа, представлялся стихией воли, свободы, известной реализацией народной мечты» [9, с. 102]. Причем, по его убеждению, понимаемый так казацкий идеал можно назвать идеалом народным, демократическим, из чего он заключает, что главная политическая сила — это «народ, олицетворенный в образе

мифической, богатырской силы, в образе крестьянского сына, вольного казака Ильи Муромца и других богатырей, символизирующих также народную, земскую мощь» [9, с. 106]. При этом Н.Н. Алексеев указывает на первобытный характер такой демократии, в которой нет места организующему началу и праву [9].

Существенный интерес представляют провидческие для своего времени и сохраняющие актуальность выводы Н.Н. Алексеева о ценностных факторах развития будущего Российского государства, а именно:

– возобладавшие в 1917 году идеи демократии, диктатуры и социальной справедливости должны остаться и стать основами будущего периода русской истории. Но они должны быть исправлены и преображены. Должны быть освобождены от материализма и преображены в смысле религиозном;

– будущее принадлежит православному правовому государству, которое сумет сочетать твердую власть… с народоправством… и со служением социальной правде [9].

В связи с упомянутым в данном случае изданием трудов Н.Н. Алексеева считаем необходимым и уместным высказать наше категорическое несогласие с необоснованным тезисом Александра Дугина из его предисловия к книге «Николай Алексеев. Русский народ и государство» (1998), в котором утверждается, что якобы «Алексеев — это русский Шмитт» [9, с. 12], имея в виду немецкого юриста Карла Шмитта — апологета Гитлера и его нацистского режима, прислужника Третьего рейха. Это, несомненно, оскорбляет память Николая Алексеева, который не только резко критиковал нацистов, но будучи профессором Белградского университета, активно участвовал в антифашистском Сопротивлении, а в 1945 году принял советское гражданство [10].

Возвращаясь к выводам из книги «Основы философии права», обратим особое внимание на глубокую убежденность Н.Н. Алексеева в имманентной взаимосвязи главных правовых проблем с проблемами ценностей. Не случайно он вполне обоснованно утверждает, что подлинно нравственная система права возможна только при строгом и не искаженном восприятии социальных ценностей. Исходя из этого, он полагает, что отличие правовых норм от других видов норм состоит в том, что они предполагают особого носителя («способность признания») и в них находят свое выражение реализованные ценности. И, наконец, анализируя понятие идеала в его различных значениях (глава VII упомянутой работы), Н.Н. Алексеев постулирует, что основа права должна проявляться не в искажении и разложении религиозного и нравственного отношения к миру, а выступать необходимой ступенью восхождения идей духовности, При этом целостность духовной жизни, по его мнению, немыслима без идеи права, без правового отношения к вещам и лицам, что обусловлено непосредственным отношением идеи права к идее ценности и из формулируемой им же в этой связи к идее справедливости, понятие которой неотделимо «эйдетически» с идеей ценности [1]. Достижение совершенного состояния права по его концепции возможно лишь при правильном познании ценностей, их взаимных отношений, их порядка и их иерархии.

Следует особо отметить, что многие идеи, содержащиеся в трудах Н.Н. Алексеева, существенным образом уже повлияли и продолжают оказывать свое влияние на исследования современных философов и правоведов вопросов, связанных с аксиологией права.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. *Основы философии права.* Санкт-Петербург: Издательство «Лань»; 1999. 256 с.
2. Альбов А.П., Масленников Д.В., Ревнова М.Б. *Николай Алексеев: между стихией и Логосом*. Вступит. статья. В: Алексеев Н.Н. Основы философии права. Санкт-Петербург; 1998. С. 3–20.
3. Григорьев И. Право как ценность (из теоретического наследия Н.Н. Алексеева). *Право и государство: теория и практика*. 2005;(2):114–119.
4. Лосский Н.О. *Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей.* Харьков: Фолио; 2000. 864 с.
5. Мальцев Г.В. *Нравственные основания права.* Москва: Изд-во СГУ; 2008. 552 с.
6. Алексеев Н.Н. *Общее учение о праве:* Курс лекций, прочитанных в Таврическом Университете в 1918/19 году. Симферополь: Русское книгоиздательство в Крыму; 1919. 162 с.
7. Стукалов А.В. *Этика права Н.Н. Алексеева.* Дис. канд. филос. наук. Тула; 2007. 192 с.
8. Томсинов В.А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. «Евразийская» теория государства и права Н.Н. Алексеева. *Законодательство.* 2002;(3):84–88;(4):86–90.
9. Алексеев Н. *Русский народ и государство.* Москва: «АГРАФ», 1998. 640 с.
10. Поляков А.В. *Разочарованный странник (Алексеев Н.Н. и идея государства)*. Санкт-Петербург: Издательство «Лань»; 2001. 368 с.

References

1. Alekseev NN. *Fundamentals of the Philosophy of Law*. St. Petersburg: "Lan'" Publ.; 1999. 256 p. (In Russ.).

2. Albov AP, Maslennikov DV, Revnova MB. Nikolay Alekseev: between the Element/Nature and the Logos. Foreword. In book: Alekseev NN. *Fundamentals of the Philosophy of Law*. St. Petersburg; 1998. P. 3–20. (In Russ.).

3. Grigorev I. Law as Value (from Theoretical Heritage N.N. Alekseev). *Law and State: The Theory and Practice*. 2005;(2):114–119. (In Russ.).

4. Losskii NO. *Value and Being: God and the Kingdom of God as the Basis of Values*. Kharkov: Folio; 2000. 864 p. (In Russ.).

5. Maltsev GV. *The Moral Foundations of Law*. Moscow: Saratov State University Publ.; 2008. 552 p. (In Russ.).

6. Alekseev NN. *The General Doctrine of Law*: a course of lectures delivered at the Taurida University in 1918/19. Simferopol: Russian Book Publishing House in Crimea; 1919. 162 p. (In Russ.).

7. Stukalov AV. *Ethics of Law by N.N. Alekseev*. Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation. Tula; 2007. 192 p. (In Russ.).

8. Tomsinov VA. The Legal Thought of Russian Post-Revolutionary Emigration. "Eurasian" theory of State and law of N.N. Alekseev. *Zakonodatel'stvo*. 2002;(3):84–88;(4):86–90. (In Russ.).

9. Alekseev N. *The Russian People and the State*. Moscow: "AGRAF" Publ., 1998. 640 p. (In Russ.).

10. Polyakov AV. *The Disappointed Wanderer (Alekseev N.N. and the Idea of the State).* St. Petersburg: "Lan" Publ.; 2001. 368 p. (In Russ.).

Об авторах:

Леонид Владимирович Акопов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, norin.gospravo@yandex.ru

Раиса Аркадьевна Левина, преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, levina09011@mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

Л.В. Акопов — формирование основной концепции, обзор и анализ научных источников, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Р.А. Левина — доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 22.02.2024
Поступила после рецензирования 18.03.2024
Принята к публикации 20.03.2024

About the Authors:

Leonid V. Akopov, Dr.Sci.(Law), Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, norin.gospravo@yandex.ru

Raisa A. Levina, Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, levina09011@mail.ru

Claimed contributorship:

LV Akopov: formulating the main concept, review and analysis of scientific sources, research methodology, formulating the research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

RA Levina: refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of interest statement: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Received 22.02.2024
Revised 18.03.2024
Accepted 20.03.2024

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 340.12

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-15-25

EDN: YTWGUL

Национальное мировоззрение как фактор национальной безопасности в классической и отечественной философской мысли

З.А. Саидов[1], А.И. Мелихов[2] ✉, Г.С. Працко[2,3]

[1] Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Российская Федерация

[2] Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

[3] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 m-13913@yandex.ru

Аннотация

Введение. Возможность самостоятельной реализации витальных потребностей многонационального народа России приобретает большое значение в современных условиях цивилизационного противостояния. Требование самостоятельности касается и философских учений, направленных на формирование национального мировоззрения в части установления целей, задач, методов и стратегий обеспечения народного самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства. Заимствованные зарубежные теории, как правило, не соответствуют национальным ценностям и объективным условиям существования нашего народа и закладывают «семена манипуляции» в отечественные системы обеспечения национальной безопасности. В этой связи становится актуальным отечественный опыт философских, религиозных и теоретических концепций, заложивших фундамент национального мировоззрения, поскольку, хотя институты негласной борьбы с внутренней энтропией имеют универсальное значение, в истории человечества их институциональное изучение требует выявления ментальных особенностей общества, в котором они существуют, так как у каждого общества и государства свой путь к устойчивому развитию. Цель исследования — освещение и актуализация классических философских и отечественных религиозных учений для формирования национального мировоззрения в части обеспечения национальной безопасности в современной России.

Материалы и методы. Материалом исследования стали результаты анализа и индексирования более 1 000 монографий и диссертационных исследований, посвященных вопросам национальной безопасности. Многогранность философских основ института национальной безопасности обусловила использование межнаучного и межотраслевого подходов, использование работ в области антропологии, философии, теологии, истории. Основным методом, использованным в исследовании, является пересмотр истории философских и религиозных учений через призму теории правового порядка общества и теории национальной безопасности. Авторы использовали также комплекс общенаучных и частнонаучных методов исследования — логический, системно-структурирующий, а также сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования. В представленной работе авторы обращаются к отечественным религиозным и классическим философским учениям как образцу единого мировоззрения, обеспечивающего выживание народа в череде исторических вызовов. Утверждается, что православию как религиозному учению, умножающему альтруизм народа, удалось создать соборность как единое церковное и мирское мировоззрение, ставшее частью эффективной системы обеспечения безопасности человека, общества и государства, что предопределило вовлечение в православие большей части населения России и других народов.

Обсуждение и заключение. Распространение в современном мире философии эгоизма как ведущей стратегии поведения в широких массах приводит к уничтожению коллективной формы их существования во времени и пространстве. Бытие современного человека вне рамок народа, формой существования которого он является, привело к его «неподлинному существованию». Объектом безопасности человека и его сообществ стало не прошлое и будущее его бытия в многонациональном народе РФ, а его повседневность — «вот–бытие», «здесь–бытие». Будучи эгоистом, не признавая себя формой существования чего-то большего, человек оторван от

бессмертия бытия своего народа. Попытка представить себя человеком без Родины, гражданином мира приводит его к отрыву от пространства и общества, в котором он живет. Такому человеку не нужно сохранять прошлое и думать о будущем. На современном этапе многонациональный народ Российской Федерации для своего эффективного самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства нуждается в едином национальном мировоззрении. С учетом отечественного опыта радикального эгоизма капитализма и расточительного альтруизма социализма национальное мировоззрение должно быть основано не на экономических теориях, а на традиционных религиях, общечеловеческих ценностях и общей истории существования народов на территории России.

Ключевые слова: национальное мировоззрение, национальная безопасность, многонациональный народ России, «Тайная Тайных», соборность, самосохранение, самоподдержание, самовоспроизводство

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Саидов З.А., Мелихов А.И., Працко Г.С. Национальное мировоззрение как фактор национальной безопасности в классической и отечественной философской мысли. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(1):15–25. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-15-25

Research article

National Worldview as the Factor of National Security in the Classical and Domestic Philosophical Thought

Zaurbek A. Saidov[1], **Aleksandr I. Melikhov**[2] ✉, **Gennady S. Pratsko**[2, 3]

[1] Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Russian Federation

[2] Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

[3] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ m-13913@yandex.ru

Abstract

Introduction. The opportunity of the multinational people of Russia to fulfil independently its vital needs becomes extremely important in the context of today's civilizational confrontation. The demand for independence also refers to the philosophical doctrines aimed at forming the national worldview in terms of setting the goals, objectives, methods and strategies of ensuring the national self-preservation, self-sustaining and self-reproduction. As a rule, the borrowed foreign theories do not correspond to the national values and objective conditions required for existence of our people and plant the "seeds of manipulation" into the domestic systems of ensuring the national security. Thus, studying the domestic background of philosophical, religious and theoretical concepts underlying the national worldview becomes relevant, because although the institutions of undeclared struggle against the internal entropy have the universal importance, their institutional study throughout the history of mankind requires revealing the mental features of the society where they exist, since each society and state has its own path to sustainable development. The present research aims at elucidating and updating the classical philosophical and domestic religious doctrines for forming the national worldview on ensuring the national security of contemporary Russia.

Materials and Methods. The research was based on the results of the analysis and index definition of more than 1 000 monographs and dissertations on the issue of national security. The multifacetedness of the philosophical foundations of the institution of national security induced application of the cross-scientific and cross-sectoral approaches, the use of the works on anthropology, philosophy, theology and history. The main method used in the research was reviewing the history of philosophical and religious doctrines through the prism of the theory of legal order of society and the theory of national security. The authors have also used a number of general scientific and specific scientific research methods — logical, system-structuring, as well as comparative legal methods.

Results. In the present work, the authors refer to the domestic religious and classical philosophical doctrines as a benchmark of the unified worldview that had ensured the survival of the people in a series of historical challenges. It is stated that the Orthodox Christianity, as a religious doctrine multiplying the altruism of the people, managed to create the conciliarity as the unified ecclesiastic and secular worldview, which became a part of the efficient system of ensuring the security of a human, society and the state, thus predetermined turning to the Orthodoxy of the majority of the population of Russia and other nations.

Discussion and Conclusion. In the modern world dissemination of the philosophy of egoism as a mainstream behavioural strategy among the masses of people has resulted in elimination of the collective form of their existence in time and space.

The beingness of a modern human outside the people's framework, whereas he is a form of the people's existence, has led to his "nongenuine existence". Neither the past or future of being within the multinational people of the Russian Federation have become the objects of security for a human and his communities, but his everyday life — "being there"(Da-sein), "being here". Due to his egoism, a human does not recognise himself a form of existence of something bigger, thus cuts himself off the immortality of his people's being. The attempt to present himself as a human without the Motherland, a citizen of the world, leads him to the breakaway from the environment and society where he lives. Such a human does not need to preserve the past and think about the future. At the current stage, the multinational people of the Russian Federation needs the unified national worldview for its efficient self-preservation, self-sustaining and self-reproduction. Taking into account the domestic experience of the radical egoism of the capitalism and the wasteful altruism of the socialism, the national worldview should be based not on the economic theories, but on the traditional religions, universal human values and the common history of existence of the peoples on the territory of Russia.

Keywords: national worldview, national security, the multinational people of Russia, "Secretum Secretorum", conciliarity, self-preservation, self-sustaining, self-reproduction

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions on their enhancement which have significantly fostered the quality of the article.

For citation. Saidov ZA, Melikhov AI, Pratsko GS. National Worldview as the Factor of National Security in the Classical and Domestic Philosophical Thought. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(1):15–25. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-15-25

Введение. Настоящая статья является логическим продолжением дискуссии о Родине как актуальном объекте обеспечения национальной безопасности и единственно возможной в современном мире форме коллективного выживания, начатой авторами в первом томе второго номера журнала за прошлый год [1].

Современные исследователи теории государства и права утверждают, что «подлинный суверенитет государства, прежде всего, предполагает его правовой суверенитет в области философско-правовых оснований» [2, с. 35]. «Без скорейшей разработки современной российской правовой идеологии и ее научной и мировоззренческой основы — оригинальной национальной философии права — вся система суверенитета российского общества и государства будет неустойчива и уязвима для внешнего влияния» [3, с. 78].

Философия есть ключ к пониманию национального мировоззрения, в том числе в области безопасности, поэтому изготавливать данный «ключ» у сторонних «мастеров» крайне опасно. Как справедливо утверждают С.И. Захарцев и В.П. Сальников, суверенитет государства невозможен, если его правовая система построена на принципах заимствованной философии права и без учета национальных традиций и нравственно-правовых ценностей [4].

Таким образом, достоверность и суверенность — важнейшие требования к отечественной философии безопасности как части научного национального мировоззрения. Национальное мировоззрение как важный фактор национальной безопасности должно быть сложно понимаемо, но легко распространяемо и усвояемо, а говоря современным языком — носить характер социопрограммирования.

Заимствованные зарубежные теории, как правило, не соответствуют национальным ценностям и объективным условиям существования нашего народа и закладывают «семена манипуляции» в отечественные системы обеспечения национальной безопасности. В этой связи становится актуальным отечественный опыт философских, религиозных и теоретических концепций, заложивших фундамент национального мировоззрения, поскольку, хотя институты негласной борьбы с внутренней энтропией имеют универсальное значение, в истории человечества их институциональное изучение требует выявления ментальных особенностей общества, в котором они существуют, так как у каждого общества и государства свой путь к устойчивому развитию.

Цель исследования — освещение и актуализация классических философских и отечественных религиозных учений для формирования национального мировоззрения в части обеспечения национальной безопасности в современной России.

Материалы и методы. Многогранность философских основ института национальной безопасности обусловила использование межнаучного и межотраслевого подходов, использование работ в области антропологии, философии, теологии, истории. В работе использованы разработанные авторами схемы и категории теории национальной безопасности и теории правового порядка общества Г.С. Працко [5], теории институциональных изменений Д. Норта [6]. С позиций этих научных теорий было проанализировано более 1 000 научных работ (преимущественно монографий и диссертационных исследований) в сфере национальной безопасности.

Основным методом, использованным в исследовании, является пересмотр истории философских и религиозных учений через призму теории правового порядка общества и теории национальной безопасности. Авторы использовали также комплекс общенаучных и частнонаучных методов исследования — логический, системно-структурирующий, а также сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования. В древнегреческой философии проблема безопасности возникла в связи с окончанием эпохи общинных «закрытых обществ» и неприменимости культурного наследия этих обществ к обеспечению безопасности в условиях столкновения с другими обществами. В античной философии уже осознаются стремление человека к самосохранению, необходимость профессионализации функции обеспечения безопасности, сложный и прогностический характер обеспечения безопасности, обусловленный прежде всего внутренним состоянием самого объекта безопасности. Эпикур в своей пирамиде ценностей ставит безопасность личности на первое место [7]. Стоики, возводя инстинкт самосохранения в ранг естественного закона, подчеркивают ценность именно коллективного механизма обеспечения безопасности, в то время как жизнь в «удалении от толпы» не дает гарантии безопасности [8]. Платон, обозначив зависимость индивидуальной защищенности от коллективной безопасности, рассматривал мораль, воспитание, благополучие граждан как факторы, влияющие на состояние безопасности [9]. Аристотель, справедливо указав, что истоки угроз безопасности объекта содержатся в его характеристиках, к угрозам на уровне общины и государства относил неправильное государственное устройство и имущественное расслоение граждан [10].

В дальнейшем категория «безопасность» в философии употребляется в контексте осмысления деятельности представителей государственной власти. Развитие государства и властных элит как новых субъектов и объектов безопасности подняло вопрос о соотношении безопасности государства, общества и личности, необходимости разделения безопасности государства как основного субъекта обеспечения защищенности общества и человека со стороны государства от внешних и внутренних угроз. Появление и развитие правовых институтов как средств предотвращения внутренних конфликтов в обществе поставило проблему охраны не только жизни, но и собственности, а также обеспечения защищенности ее владельцев [11]. В средние века «под безопасностью понимали спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности» [12, с. 86].

Западная философия безопасности постинквизиционных времен — это рефлексия об утрате единой мировоззренческой парадигмы, обеспечивающей самосохранение как личности, так и общества, и попытка найти их в иных общественных и государственных институтах.

Так, Н. Макиавелли в своих трудах полагал, что отрыв политики от культуры, а культуры от политики является первопричиной национальных трагедий. Основное противоречие безопасности следует искать в сфере формирования коллективной воли нации, с помощью которой можно не только создать единое государство, но и обезопасить его [13]. Необходимость обеспечения безопасности через культуру видел и Ф Бекон. [14]. В свою очередь, Т. Гоббс основ безопасности государства, общества и личности видит в исполнении естественных и моральных законов. В его трудах происходит осознание необходимости защиты общества от внутренних разрушительных процессов, представленная им как «война всех против всех», отождествление интересов общества и государства и признание главенствующей роли государства в обеспечении безопасности [15].

Дж. Локк указал на недопустимость применения властью насилия к подданным в целях обеспечения безопасности [16]. По его мнению, безопасность является очень важной категорией для благополучия общества, однако не менее ценным является свобода и развитие. Общественный договор заключается ради обеспечения безопасности общества, но если государство не в состоянии гарантировать безопасность, то оно само может превратиться в угрозу. Поэтому у Дж. Локка безопасность — это не самоцель, она достигается только при определенных условиях, включая необходимость разделения властей [17].

И. Кант, исследуя «безопасность», настаивает на необходимости разработки законодательных и исполнительных механизмов, выделения внутренней и внешней безопасности государства и «гражданского общества», выявление взаимозависимости каждого государства с безопасностью международного сообщества» [18, с. 24]. Б. Спиноза фактически возвращается к религиозным устоям, когда гражданский мир трактуется не просто как отсутствие войны, но и как единение душ, национальное согласие [19].

Стоит заметить, что одной из характерных черт исследования безопасности, начиная с Нового времени, стал акцент на социально-правовых вопросах обеспечения безопасности. Поставленные в ходе этих дискуссий вопросы обсуждаются и сегодня.

Философы христианской и иных мировых религий, увеличив альтруизм общества за счет идеализирования самопожертвования во имя общества, создали наиболее эффективную систему обеспечения безопасности человека и общества, что предопределило вовлечение в религию большей части населения. В дальнейшем в католической религиозной традиции интересы безопасности религии и государства воплотились в

политическую власть в ущерб населению, а в православной религии отразились в соборности как едином церковном и мирском мировоззрении, в том числе в области безопасности как самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства.

В России население полностью было охвачено соборностью как мировоззрением, объединяющим все слои общества, замещающим институты «вечевой» общественной власти, вплоть до церковного раскола в период царствования Алексея Михайловича. Религиозные механизмы обеспечения безопасности во взаимодействии с государством помогали не только обеспечивать внутреннюю стабильность, управляя и направляя внутренние энтропийные процессы, но и, подняв пассионарность народа, способствовали в условиях государственной княжеской раздробленности преодолению множества нашествий, а также восстановлению суверенной государственности после смутного времени.

Российское государство первым восприняло разделение властей, в то время как западная цивилизация только через геноцид инквизиции и раскол христианской религии пришла к необходимости соблюдения данного принципа и его дальнейшего теоретического обоснования в трудах М. Падуанского, Дж. Локка, Ш. Монтескье, А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея, А. де Токвиля и др.

В западной философской традиции проблемы безопасности переживались через призму потери веры в религию и осознание эгоистичной природы раннего средневекового государства, а также за счет ускоренного развития внецерковных знаний, обусловивших религиозный раскол христианства на ряд религиозных конфессий, и мировоззренческого разрыва общества и государственной элиты.

Дальнейшее развитие западной философии, основанное на «свободе» личности, только усилило цивилизационный раскол между западными и русскими традициями безопасности. Апогеем неприменимости западной философской мысли в России стало отвращение от нее убежденного западника А.И. Герцена, взявшего впоследствии за основу своих взглядов ряд славянофильских тезисов о народе. Подтверждая опасность негативной стороны свободы как неконтролируемой энтропии, он писал: «Что значат слова «человек родился свободным»? Я Вам их переведу, это значит: человек родился зверем» [20].

В этой связи авторы обратились к отечественным религиозным учениям, являющимися, на наш взгляд, образцом единого мировоззрения, обеспечивающего выживание народа в череде исторических вызовов [21, 22].

Важную роль в обеспечении безопасности народа в грядущем противостоянии с внешними врагами и внутренней энтропией, а также единства религиозной и светской власти сыграло православное учение «исихазма» (от греч. hesichia — отрешенность, покой, безмолвие) [23], побуждающее своих последователей к смирению и борьбе с внутренними недостатками, ставшее, по сути, прообразом современной регулярной государственной службы и создавшее базу человеческого ресурса для религиозного Московского государства. Черное монашество стало средством сублимации энтропийной энергии общества в волну альтруизма, предназначенного для созидания и обеспечения безопасности общества и государства. В этот период сокращается объем армии, но растет контингент «черного воинства», строится большое количество монастырей, в дальнейшем ставшими центрами борьбы со Смутой и возрождения российской государственности. Позже новое религиозное православное учение — паламизм — сумело сублимировать накопленную энергию исихазма из духовной сферы в социально-политическую, на защиту православной государственности от внутренних и внешних угроз.

Значимыми факторами развития российской государственности в области безопасности в противовес западной цивилизации стал компромисс между общественной и государственной властью в виде «какофонии духовной и светской власти», а также борьба с угрозами западной цивилизации как в реальном мире, так и с западным мировоззрением в мире духовном. Это расширило задачи обеспечения безопасности России необходимостью поддержания духовного мировоззренческого суверенитета. В период возрастания внешней угрозы духовной и земной жизни оборонительно-согласительная стратегия обеспечения безопасности, отразившаяся в учении нестяжателей, становится неактуальной, поскольку отказ от применения насилия в отношении врага, непротивления злу уже привела к утрате государственности балканские православные народы. Нестяжательство — это косвенная, вполне возможно подсознательная попытка остаться в парадигме обеспечения безопасности в «закрытых» обществах. Являясь религиозным учением, основанным на понятном и привлекательном для обывателя человеческом эгоизме, нестяжательство было направленно не на развитие государственных и общественных институтов, поднимающих в перспективе уровень удовлетворения потребностей население и обеспечивающих национальную безопасность в условиях открытого общества и столкновения цивилизаций, а на ограничение хозяйственной деятельности рамками своего потребления.

В противовес утверждается оборонительно-мобилизационная стратегия безопасности, духовно обоснованная в учениях стяжателей или иосифлян, направленная на необходимость альтруистичного поведения населения с

целью содержания национальной армии — дворян, обеспечиваемых за счет крестьянского труда. Иосиф Волоцкий отдавал политическое лидерство светскому государству, способному бороться с врагами веры, признавал нестяжание только в личной жизни, настаивая в отличие от своих оппонентов на необходимости поддержания институтов богатых и сильных государства и церкви в условиях постоянной внешней угрозы безопасности Московского царства.

Таким образом, в деле обеспечения внешней безопасности на первый план выходит государство. Духовный «человеческий» подход к межгосударственным отношениям с цивилизационными оппонентами в условиях отсутствия сдерживающих факторов показывает свою несостоятельность. В новой реальности соприкосновения цивилизаций для внешней безопасности требуются прагматический методы, основанные на государственном эгоизме.

В новой парадигме мышления, вызванной актуализацией внешних угроз, методы обеспечения внутренней безопасности преобладающего сельского населения, живущего в закрытых обществах — сельских общинах, остаются неизменными, однако поддержание данного состояния «неизменности» в условиях наличия внешней угрозы требует от государства затрат на содержание армии для обеспечения внешней безопасности. Данная потребность обусловливает появление государственного чиновника, который осуществляет функции сбора налогов и уголовного преследования за преступления против государства. Однако обеспечение внутренней безопасности, в том числе раскрытие и выявление преступлений против человека и общества, по-прежнему реально осуществляются религиозными и общинными методами. В сословной иерархии это отражено в названии большинства населения российского государства крестьянством, т. е. населением, чье мировоззрение, жизнь и отношения урегулированы нормами христианской религии и традициями общины. Данное положение дел, при котором внутренняя безопасность общества была делом самого общества и религии, просуществовало до отмены крепостного права и притока неконтролируемого секуляризированного населения в города.

Указанный факт подтверждается, например, воззрениями Ивана Грозного на систему сдержек и противовесов своей власти. Свою политическую власть он ставил лишь на пятое место по значимости, считая управление Божественного Промысла, представительство Богородицы, покровительство национальных святых и традиции предков первостепенными [24].

Политика государства же в основном направлена на отражение внешних угроз, но проявляющихся не столько в военных поползновениях, сколько в «мягкой силе» манипулирования внутренними делами российского общества и государства.

Крайнее проявление христианского учения — нестяжательство с его радикальной безгрешностью, требующей всепоглощающей толерантности и его «упованием на Бога», т. е. отказом от самостоятельного обеспечения безопасности, — привело к появлению альтернативных религиозных учений, примером которых может послужить дошедший до нас текст «Тайная Тайных». Указанный исторический источник направлен на царя как главу государства и представляет собой историческую фикцию — переписку Аристотеля и царя Александра с изложением воззрений на управление государством. В нем предлагается альтернативная традиционному православному мировоззрению модель устройства государства, имеющего элитарный, а не народный характер. Замещение духовного компонента власти властью денежной было вызвано необходимостью формирования новой нерелигиозной элиты [25]. Необходимо вспомнить, что одной из ранних византийских традиций было разделение светской и религиозной властей при их тесном взаимодействии. Их объединение и обособление экономической власти предрешило утрату Византийской Империей своего влиянии и последующую гибель. Те же деструктивные принципы подталкивали элиту молодого московского государства на путь, ведущий к повторению византийской трагедии.

Соответственно, перед государством встала новая задача — обеспечение духовной безопасности общества, традиционных ценностей и мировоззрения, но не столько населения страны, сколько царя и управляющей знати. По сути, указанное вероучение призывало к разрушению соборности как единства народа, формированию у народа двойной морали и альтруизма. Сомнения правящих групп в правильности религиозного мировоззрения, очевидно, привели бы к поиску новой жизненной парадигмы, уже подготовленной прозападными сектантами. Это бы вызвало внутреннюю энтропию элит и перехват управления государством на концептуальном уровне. Как отмечают исследователи, идея приоритета экономического подхода к ведению государственных дел над духовным мировоззрением захватила Ивана III и его окружение. «Только благодаря бдительности некоторых подвижников, таких как Иосиф Волоцкий или новгородский архиепископ Геннадий, ересь удалось изобличить. «Се есть сатанино воинство». Однако заветы «Тайная Тайных» были восприняты потомками и преемниками Ивана Грозного. Так, например, во исполнение установок этого документа Борис Годунов совещался не с духовенством, а с выписанным из Ливонии старым астрологом, с которым обсуждал всевозможные приметы и знамения [26].

Задача обеспечения духовного мировоззренческого компонента безопасности государства была решена в царствование Ивана Грозного. Объектом ее стали правящие боярские круги, отступившие от соборности как официального мировоззрения.

С позиций типологии общества правящие круги на западе также являются «закрытым обществом», где действуют свои правила и своя мораль, закрытая для остального населения. Реформы Ивана Грозного были направлены против отчуждения элиты от народа, означали мировоззренческий раскол общества и возникновение двойной морали, характерной для власти Запада. Прозападная парадигма мышления правящих властных слоев, проявившаяся в изменах (Андрей Курбский, Мазепа и др.), в условиях непрекращающейся военной интервенции Запада и необходимости расширения государственной территории всегда представляла серьезную латентную угрозу национальной безопасности. В правление Ивана VI четко обозначился разрыв между государством и личностью царя, произошло отделение безопасности государства и безопасности личности царя, появился новый вид преступления — государственная измена, в управлении состоялся переход от личных отношений к правовым.

Слабая политика последующих царей, поддавшихся мировоззрению «Тайная Тайных», привела к заигрыванию со своим элитным окружением и его реваншистскими настроениями; потере контроля над энтропийными процессами в обществе, ранее сублимированными на расширение и охрану границ государства; замещением религиозного надзора, воспринимаемого не как элемент системы обеспечения безопасности, а как конкурент светской власти, услугами западных иностранцев, в большинстве своем являющихся шпионами [27].

Очевидно, что отказ в государственной культивации отечественных органов негласного контроля в обществе стал причиной последующего посягательства на его суверенитет.

Достижение мировоззренческого единения и «закрытие» московского государства для накопления пассионарности и национального роста как залога национальной безопасности было прервано очередной внешней интервенцией с Запада, не позволившей укрепиться российской государственности. Причем основной целью и причиной интервенции была борьба за духовный мир населения, за его мировоззрение.

Позже религиозные православные учения о безопасности стали основой для развития философии И.А. Ильина [28].

В контексте сказанного отметим, что и Гегель высоко оценивал значение религии в истории человечества, отделяя ее от философии как продукта разума. Видимо, осознавая наличие объективных природных регуляторов в человеке и понимая их отражение в религии, Гегель в «Феноменологии духа» изобразил всю нищету «несчастного сознания» по сравнению с духом. Он не останавливается перед тем, чтобы критиковать эпоху Просвещения, которое, будучи «ограничено» рассудком (Verstand), не было в состоянии понять тайну религии. Гегель представлял философию и религию разными формами одного и того же содержания: философия использует понятия, а религия — представления.

Религия — короткий путь познания природы человека, который должен приниматься на веру. Но, как показывает жизнь, подсознательное усвоение непроверяемого позитивного алгоритма поведения необходимо в современном мире. Религия впитала в себя многие знания о физиологии, биологии и психологии человека и до сих пор не перестает удивлять нас своими тайнами. Поэтому религия в какой-то момент стала экспертом в области «человековедения» и смогла сформировать полезный и безопасный образ жизни и мысли (мировоззрение) для своих последователей. «С такой религией, как христианство, — писал Ф. Энгельс, — нельзя покончить только с помощью насмешек и нападок. Она должна быть также преодолена научно, т. е. объяснена исторически, а с этой задачей не в состоянии справиться даже естествознание» [29].

В отличие от православного христианства и других признанных мировых религий марксистско-ленинское учение с его экономическим механицизмом и опорой на рациональное поведение людей не учло всех витальных потребностей человека и поэтому не смогло в определенный момент стать прочной идеологической компонентой национального мировоззрения.

Таким образом, обратившись к отечественным религиозным и классическим философским учениям как образцу единого мировоззрения, обеспечивающего выживание народа в череде исторических вызовов, приходим к выводу, что православию как религиозному учению, умножающему альтруизм народа, удалось создать соборность как единое церковное и мирское мировоззрение, ставшее частью эффективной системой обеспечения безопасности человека, общества и государства, что предопределило вовлечение в православие большей части населения России и других народов.

Обсуждение и заключение. По прошествии веков подход к коллективному выживанию личности, общества и государства как к национальной безопасности возвращает нас к «соборности» как к мировоззрению, гармонизирующему интересы личности, общества и государства в вопросах общего выживания. Эгоистический западный подход к национальной безопасности как к государственной безопасности, безопасности элит, или

простой совокупности обеспечения безопасности отдельного человека, его сообществ и государства самым негативным образом отразился на национальной безопасности нашего многонационального народа РФ.

Распространение философии эгоизма как ведущей стратегии поведения в широких массах приводит к уничтожению коллективной формы их существования во времени и пространстве.

Хайдеггер отмечает, что существует такая озабоченность настоящим, которая превращает человеческую жизнь в «боязливые хлопоты», в прозябание повседневности. <…> Это приводит к размытости сознания, к невозможности обнаружить и достичь своей собственной сущности (самости) [30].

Бытие современного человека вне рамок народа, формой существования которого он является, привело к его «неподлинному существованию». Объектом безопасности человека и его сообществ стало не прошлое и будущее его бытия в многонациональном народе РФ, а его повседневность — «вот–бытие», «здесь–бытие». Будучи эгоистом, не признавая себя формой существования чего-то большего, человек оторван от бессмертия бытия своего народа. Попытка представить себя человеком без Родины, гражданином мира приводит его к отрыву от пространства и общества, в котором он живет. Такому человеку не нужно сохранять прошлое и думать о будущем. На современном этапе многонациональный народ Российской Федерации для своего эффективного самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства нуждается в едином национальном мировоззрении.

Список литературы

1. Мелихов А.И., Працко Г.С. Родина — форма коллективного выживания и актуальный объект обеспечения национальной безопасности. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2023;1(2):5–15. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-5-15
2. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. *Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права.* Монография. Москва: Юрлитинформ; 2023. 376 с.
3. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». *Правовое поле современной экономики.* 2015;(1):68–73.
4. Захарцев С.И., Сальников В. П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии. *Юридическая наука: история и современность.* 2020;(2):183–194.
5. Працко Г.С. *Порядок общества: теоретико-правовой и институциональный анализ.* Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Краснодар; 2007. 63 с.
6. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* Узланер Д., Марков М., Расков Д., Раскова А. (пер. с англ.). Москва: Изд. Института Гайдара; 2011. 480 с.
7. Рассел Б. *История западной философии.* Новосибирск; 1994. 540 с.
8. *Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий*. Сборник. Сапов В.В. (пер., сост.). Москва: Издательство «Республика»; 1995. 463 с.
9. Платон. *Диалоги.* Москва: Мысль; 1986. 607 с.
10. Аристотель. *Сочинения.* В 4 т. Т. 4. Доватур А.И. (общ. ред.). Москва: Мысль; 1983. 830 с.
11. Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Лосев А.Ф. (ред.). Москва: Мысль; 1986. 571 с.
12. Вечканов Г.С. Концептуальные аспекты экономической безопасности России. В кн.: *Социальные технологии и современное общество.* Санкт-Петербург; 2003. С. 86–89.
13. Макиавелли Н. *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия.* Избранные сочинения. Москва: Художественная литература; 1982. 503 с.
14. Бэкон Ф. *Опыт для наставления нравственные и политические.* Соч. в 2-х т. Том 1. Москва: Мысль; 1977. 593 с.
15. Гоббс Т. *Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского.* Ческис А. (ред.). Москва: Государственное социально-экономическое издательство; 1936. 502 с.
16. Локк Дж. *Послание о веротерпимости.* Соч. в 3-х т. Т. 3. Субботин А.Л. (ред.). Москва: Мысль; 1988. 668 с.
17. Моздаков А.Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии. *Вопросы философии.* 2008;(4):18–25.
18. Герасимов А.В. Феномен безопасности в социально-философском дискурсе. *Философская школа.* 2018;(4):23–31. https://doi.org/10.24411/2541-7673-2018-10411
19. Спиноза Б. *Политический трактат.* Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Москва: Политиздат, 1957. 728 с.
20. Герцен А.И. *С того берега.* Собр. соч. в 30 т. Т. 6. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml (дата обращения: 01.10.2023).

21. Мелихов А.И. Православные религиозные учения в истории обеспечения внутренней безопасности России. В: *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX международной научно-теоретической конференции.* В 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации; 2022. С. 1771–1779.

22. Мелихов А.И., Истратенков А.Ю., Працко Г.С. Значение национальных ценностей для национальной безопасности. В: *Актуальные проблемы частного и публичного права: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции.* Волгоград, 28 октября 2022 года. Выпуск 15. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации; 2023. С. 90–95.

23. Петрунин В.В. *Политический исихазм и его традиции в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»*. Дис. канд. философ. наук. Москва; 2002. 132 с.

24. Багдасарян В.Э. Национальный политический ритуал в контексте истории российской повседневности. *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса.* 2008;(3):3–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-politicheskiy-ritual-v-kontekste-istorii-rossiyskoy-povsednevnosti (дата обращения: 19.09.2023).

25. Лихачев Д.С., Дмитриев Л.А., Алексеев А.А., Понырко Н.В. (ред.). *Библиотека литературы Древней Руси*. В 20 т. Т. 9. *Тайная Тайных. Конец XV – первая половина XVI века*. Санкт-Петербург: «Наука»; 2006. С. 372–423.

26. Сулакшин С.С. (науч. ред.) *История России.* Учебник для учителя. URL: https://rusrand.ru/files/history/05-XV_vek.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

27. Буссов К. Московская хроника, 1584–1613. В: *Хроники Смутного времени.* Москва: Фонд Сергея Дубова; 1998. С. 9–162.

28. Ильин И.А. *Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 7. Лисица Ю.Т. (сост.). Москва: Русская книга; 1998. 608 с.

29. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* Т. 18. URL: http://www.uaio.ru/marx/18.htm (дата обращения: 01.02.2024).

30. Хайдеггер М. Бытие и время (Sein und Zeit). В кн.: *История философии: Энциклопедия.* Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом; 2002. 1376 с.

References

1. Melikhov AI, Pratsko GS. Motherland as a Form of Collective Survival and a Relevant Object of Ensuring the National Security. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):5–15. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-5-15 (In Russ.).

2. Zakhartsev SI, Maslennikov DV, Sal’nikov VP. *Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On The Issue of Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law*. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2023. 376 p. (In Russ.).

3. Kerimov DA. In the Development of Discussion Concerning Philosophy and Law. Review on the Monograph of Zakhartsev S.I. and Sal'nikov V.P. Philosophy. “Law Philosophy. Juridical Science”. *Pravovoe pole sovremennoi ehkonomiki*. 2015;(1):68–73. (In Russ.).

4. Zakhartsev SI, Sal’nikov VP. Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2020;(2):183–194. (In Russ.).

5. Pratsko GS. *The Order of Society: Theoretical, Legal and Institutional Analysis*. Extended Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar; 2007. 63 p. (In Russ.).

6. North DC, Wallis JJ, Weingast BR. *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpretating Recorded Human History.* Uzlaner D, Markov M, Raskov D, Raskova A (transl.). Moscow: Gaidar Institute Publ.; 2011. 480 p. (In Russ.).

7. Russell B. *A History of Western Philosophy*. Novosibirsk; 1994. 540 p. (In Russ.).

8. *Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius.* Collection of Works. Sapov VV (transl., ed.). Moscow: “Respublika” Publ.; 1995. 463 p. (In Russ.).

9. Plato. *Dialogues*. Moscow: Mysl' Publ.; 1986. 607 p. (In Russ.).

10. Aristotle. *Collected Works.* In 4 Vols. Vol. 4. Dovatur AI (ed.). Moscow: Mysl' Publ; 1983. 830 p. (In Russ.).

11. Diogenes Laertius. *About Lives, Doctrines and Sayings of Eminent Philosophers*. Losev AF (ed.). Moscow: Mysl' Publ.; 1986. 571 p. (In Russ.).

12. Vechkanov GS. Conceptual Aspects of Russia's Economic Security. In book: *Social Technologies and Modern Society*. St Petersburg; 2003. P. 86–89. (In Russ.).

13. Machiavelli N. *Reflections on the First Decade of Titus Livius.* Selected Works. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.; 1982. 503 p. (In Russ.).

14. Bacon F. *Essayes or Counsels, Civill and Morall.* Collected Works in 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.; 1977. 593 p. (In Russ.).

15. Hobbes T. *Leviathan or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil*. Ceskis A (ed.). Moscow: State Socio-Economic Publ.; 1936. 502 p. (In Russ.).

16. Locke J. *On Religious Toleration.* Collected Works in 3 Vols. Vol. 3. Subbotin AL (ed.). Moscow: Mysl' Publ.; 1988. 668 p. (In Russ.).

17. Mozdakov AYu. The Concept of Security in Classical and Modern Philosophy. *Voprosy Filosofii*. 2008;(4):18–25. (In Russ.).

18. Gerasimov AV. Phenomenon of Safety in the Social and Philosophical Discourse. *Philosophical School*. 2018;(4):23–31. https://doi.org/10.24411/2541-7673-2018-10411 (In Russ.).

19. Spinoza B. *A Political Treatise.* Selected Works. In 2 Vols. Vol. 2. Moscow: Politizdat, 1957. 728 p. (In Russ.).

20. Herzen AI. *From the Other Shore.* Collected Works. In 30 Vols. Vol. 6. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml (accessed: 01.10.2023). (In Russ.).

21. Melikhov AI. Orthodox Religious Doctrines in the History of Ensuring Russia's Internal Security. In: *State and Law: Evolution, Current State, Prospects of Development (to the 100th Anniversary of the Formation of the USSR): Proceedings of the XIX International Scientific and Theoretical Conference.* In 2 parts. Part 1. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2022. P. 1771–1779. (In Russ.).

22. Melikhov AI, Istratenkov AYu, Pratsko GS. The Importance of National Values for National Security. In: *Topical Problems of Private and Public Law: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Volgograd, October 28, 2022*. Issue 15. Volgograd: Volgograd State Academy of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2023. P. 90–95. (In Russ.).

23. Petrunin VV. *Political Hesychasm and Its Traditions in the "Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church"*. Extended Abstract of Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation. Moscow; 2002. 132 p. (In Russ.).

24. Bagdasaryan VE. National Political Ritual in the Historical Context of the Daily Life in Russia. *Universities of Tourism and Service Association Bulletin*. 2008;(3):3–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-politicheskiy-ritual-v-kontekste-istorii-rossiyskoy-povsednevnosti (accessed: 19.09.2023). (In Russ.).

25. Likhachev DS, Dmitriev LA, Alekseev AA, Ponyrko NV (eds.). *Library of Literature of Ancient Russia*. In 20 Vols. Vol. 9. *Secretum Secretorum. The End of the XV – the First Half of the XVI Century*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2006. P. 372–423. (In Russ.).

26. Sulakshin SS. (ed.) *History of Russia.* Textbook for a Teacher. URL: https://rusrand.ru/files/history/05-XV_vek.pdf (accessed: 01.10.2023). (In Russ.).

27. Bussov K. The Moscow Chronicle, 1584–1613. In: *Chronicles of the Time of Troubles*. Moscow: Sergey Dubov Foundation Publ.; 1998. P. 9–162. (In Russ.).

28. Il'in IA. *Collected Works.* In 10 Vols. Vol. 7. Lisitsa YuT (ed.). Moscow: Russkaya kniga Publ.; 1998. 608 p. (In Russ.).

29. Marx K, Engels F. *Collected Works.* Vol. 18. URL: http://www.uaio.ru/marx/18.htm (accessed: 01.02.2024). (In Russ.).

30. Heidegger M. Being and Time (Sein und Zeit). In book: *History of Philosophy: Encyclopedia*. Minsk: Interpresservis Publ.; 2002. 1376 p. (In Russ.).

Об авторах:

Заурбек Асланбекович Саидов, доктор юридических наук, профессор, ректор Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова (364024, РФ, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32), ORCID, z.saidov@chesu.ru

Александр Иванович Мелихов, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и административное право» Волгоградской академии МВД России (400075, РФ, г. Волгоград, ул. Историческая, 130), ORCID, m-13913@yandex.ru

Геннадий Святославович Працко, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, dasha_sam94@mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

З.А. Саидов — формирование основной концепции.

А.И. Мелихов — формирование методологии исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Г.С. Працко — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 16.01.2024
Поступила после рецензирования 20.02.2024
Принята к публикации 28.02.2024

About the Authors:

Zaurbek A. Saidov, Dr.Sci. (Law), Professor, Rector of the Chechen State University Named after A.A. Kadyrov (32, A. Sheripova St., Grozny, 364024, RF), ORCID, z.saidov@chesu.ru

Aleksandr I. Melikhov, Dr.Sci. (Law), Associate Professor of the Constitutional and Administrative Law Department, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (130, Istoricheskaya St., Volgograd, 400075, RF), ORCID, m-13913@yandex.ru

Gennady S. Pratsko, Dr.Sci. (Philosophy), Dr.Sci.(Law), Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, dasha_sam94@mail.ru

Claimed contributorship:
ZA Saidov: formulating the main concept.
AI Melikhov: forming the research methodology, preparing the text, formulating the conclusions.
GS Pratsko: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of interest statement: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Received 16.01.2024
Revised 20.02.2024
Accepted 28.02.2024

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья

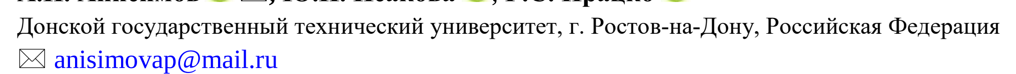

УДК 349.6

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-26-38

EDN: WLTSPN

Теория и практика юридической ответственности за экологические правонарушения: региональный аспект

А.П. Анисимов ✉, **Ю.И. Исакова** , **Г.С. Працко**

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ anisimovap@mail.ru

Аннотация

Введение. XXI век становится не только эпохой великих открытий и достижений, но и временем, когда антропогенное давление человека на различные экологические системы становится критичным. При этом ухудшается состояние всех компонентов природной среды (воды, лесов, земель, воздуха и т. п.), что отражается на жизни и здоровье человека, качестве продуктов питания, условиях его труда и отдыха. По мере осознания государством и обществом опасности этой тенденции стали приниматься различные правовые акты, регламентирующие негативное воздействие человека на природу и содержащие механизм гарантий экологических прав человека и гражданина. Одной из таких гарантий является институт юридической ответственности за экологические правонарушения, предусматривающий обязанность нарушителей экологического законодательства претерпевать определенные меры государственного принуждения (личного, имущественного или организационного характера). Настоящая статья посвящена исследованию эффективности функционирования данной гарантии. Цель статьи — рассмотреть общую теорию юридической ответственности за экологические правонарушения, высказать точку зрения авторов по дискуссионным вопросам совершенствования ее правового регулирования, а также показать динамику ответственности за экологические правонарушения на региональном уровне (в трех Прикаспийских регионах).

Материалы и методы. В процессе исследования использовались общепринятые в России методы научного познания: общенаучные (диалектический метод) и частнонаучные методы (анализ, синтез, конкретно-исторический, логический, сравнительно-правовой, системный методы и другие).

Результаты исследования. В ходе исследования проанализирована теория и практика юридической ответственности за экологические правонарушения (уголовно-правовая, административно-правовая, гражданско-правовая). Авторы обосновывают свою точку зрения по основным дискуссионным вопросам в рамках каждого вида юридической ответственности, высказывают ряд критических замечаний в отношении концепции самостоятельности эколого-правовой ответственности, заключающейся в возмещении экологического вреда. Приведены примеры судебной практики по экологическим правонарушениям на региональном уровне (трех Прикаспийских субъектов РФ — Астраханской области, Республиках Дагестан и Калмыкия), дана оценка выявленным тенденциям.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование представляется важным для российской правовой науки, поскольку эффективность действия института юридической ответственности за экологические правонарушения является условием достижения целей устойчивого развития и перехода к зеленой экономике, однако его современное состояние вызывает ряд доктринальных и практических вопросов. В их числе следует выделить недостаточную роль субъектов РФ в развитии субинститута административной ответственности за экологические правонарушения, сохранение проблем разграничения административной и уголовной ответственности, высокую латентность экологических преступлений, неэффективную работу правоохранительных органов, недостаточную проработку вопросов возмещения экологического вреда (например, вреда здоровью граждан, компенсации морального вреда, причиненного экологическим правонарушением и т. д.). Исследование судебной практики в трех Прикаспийских регионах дает возможность сделать вывод о том, что в их границах нет ярко выраженной специфики, полностью отсутствующей в других субъектах РФ, имеющих выход к морю или расположенных в

бассейнах крупных рек. Как и в других регионах, мы встречаем здесь достаточно массовые случаи загрязнения почв, водоемов и воздуха; браконьерство; нарушение режима охраны заповедников; бесхозяйственное отношение собственника к затонувшим судам; ограничения в доступе к берегам водных объектов и т. д. Специфика ответственности в данных регионах заключается не в статистике отдельно взятых правонарушений, а в необходимости борьбы с экологическими правонарушениями в масштабах всего Каспийского моря, что требует координации и политической воли со стороны руководства всех пяти прибрежных государств (России, Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Ирана).

Ключевые слова: юридическая ответственность, правонарушение, законодательство, экология, Прикаспийские регионы

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Теория и практика юридической ответственности за экологические правонарушения: региональный аспект. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(1):26–38. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-26-38

Research article

Theory and Practice of Legal Liability for Environmental Offences: A Regional Aspect

Aleksey P. Anisimov ✉, **Yulia I. Isakova**, **Gennady S. Pratsko**
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ anisimovap@mail.ru

Abstract
Introduction. The XXI century is becoming not only an era of great discoveries and achievements, but also a time of extreme anthropogenic pressure the humans have on the various ecosystems. Alongside, the condition of all the natural components of the environment (water, forests, lands, air, etc.) deteriorates, which affects the human life and health, food quality, working and resting conditions. As soon as the state and society became aware about the danger of this trend, the various legal acts regulating the negative impact of the humans on the nature and containing a mechanism of ensuring the ecological rights of a person and a citizen began to be adopted. One of such ensuring mechanisms is the environmental liability institution, which envisages the liability of the environmental law breakers to be subject to the certain measures of the state coercion (of personal, property or organisational nature). The present article studies the efficiency of this mechanism. The aim of the paper is to investigate the general theory of legal liability for environmental offences, to express the authors' point of view on the debatable issues of improving the regulation thereof, as well as to demonstrate the dynamics of the environmental liability at the regional scale (in three Caspian regions).
Materials and Methods. The research was carried out using the methods of scientific cognition commonly applied in Russia: general scientific (dialectical method) and specific scientific methods (analysis, synthesis, historical case-specific, logical, comparative legal, systemic methods and others).
Results. Within the research the theory and practice of legal liability for environmental offences (in the frame of the criminal, administrative, civil laws) have been analysed. The authors have substantiated their point of view on the main debatable issues in the frame of each type of legal liability, expressed a number of critical comments regarding the concept of independent environmental liability, implying reparation of environmental damage. Cases of judicial practice for the regional level environmental offenses (in three Caspian regions of the Russian Federation — the Astrakhan region, the Republics of Dagestan and Kalmykia) have been presented, the identified trends have been assessed.
Discussion and Conclusion. The conducted research is important for the Russian legal science, since the efficiency of functioning the environmental liability institution is a condition for achieving the sustainable development goals and transition to the green economy, however its current state arises a number of doctrinal and practical issues. Among them could be distinguished: the insufficient activity of the Russian Federation subjects in development of the administrative liability sub-institution for the environmental offences, on-going problem of differentiation between the administrative and criminal liability, high latency of the environmental crimes, inefficient work of the law-enforcement authorities, insufficient elaboration of the issues of environmental damage reparation (e.g., harm to the health of citizens, compensation for the moral damage caused by the environmental offense, etc.). The study of judicial practice of three Caspian regions made it possible to conclude that within their boundaries there is no distinct specificity that would differ them completely from the other subjects of the Russian Federation having access to the sea or located in the large river basins. The same as in the other regions, the cases of soil, water and air pollution; poaching; the nature reserve protection regime violations; negligence of the owners towards the sunken vessels; restricted access to the shores of water bodies,

etc. are quite widespread here. In these regions the specificity of liability lies not in the statistics of the separate offenses, but in the need to combat the environmental offences at the scale of the whole Caspian Sea, which requires coordination and political will of the Governments of all five littoral states (Russia, Kazakhstan, Turkmenistan, Azerbaijan and Iran).

Keywords: legal liability, offence of law, legislation, ecology, Caspian regions

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewer for the critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that have contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For citation. Anisimov AP, Isakova YI, Pratsko GS. Theory and Practice of Legal Liability for Environmental Offences: A Regional Aspect. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(1):26–38. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-26-38

Введение. XXI век становится не только эпохой великих открытий и достижений, но и временем, когда антропогенное давление человека на различные экологические системы становится критичным. При этом ухудшается состояние всех компонентов природной среды (воды, лесов, земель, воздуха и т. п.), что отразилось на жизни и здоровье человека, качестве продуктов питания, условиях труда и отдыха граждан. По мере осознания государством и обществом размаха и опасности этой тенденции появляются различные нормативные акты, регламентирующие негативное воздействие человека на природу и содержащие механизм гарантий экологических прав человека и гражданина. Одной из таких гарантий является институт юридической ответственности за экологические правонарушения, предусматривающий обязанность нарушителей экологического законодательства претерпевать определенные меры государственного принуждения (личного, имущественного или организационного характера). Несмотря на то, что первые составы экологических правонарушений были включены еще в советские кодексы (КоАП и УК), единства мнений относительно понятия юридической ответственности за экологические правонарушения до сих пор нет. Авторы таких определений в целом сходятся во мнении о том, что к правонарушителю применяются меры государственного принуждения. В остальном одни ученые делают акцент на том, что исследуемый институт ответственности носит комплексный характер [1]; другие рассматривают ответственность как правоотношение (а не правовой институт) и иногда упоминают в числе субъектов правоотношений не только государство, но и муниципальные образования [2]; третья группа авторов полагает, что экологическая ответственность — это не институт и не правоотношение, а комплексная обязанность (для государства — обеспечивать действие норм и принципов экологического права, а для граждан и юридических лиц — правонарушителей претерпевать индивидуальные лишения) [3]. На наш взгляд, все три указанных подхода не исключают друг друга, поскольку нормы о юридической ответственности действительно образуют комплексный (межотраслевой) институт права; данные нормы порождают правоотношения юридической ответственности в случае их нарушения; в рамках этих правоотношений их стороны имеют ряд прав и обязанностей. Обратим внимание на очень важный момент. Для отнесения правонарушения к категории экологических необходимо, чтобы объект посягательства в момент его совершения находился в системе экологических связей с окружающей средой. Этим обстоятельством экологическое правонарушение будет отличаться от нарушения права собственности на природные ресурсы, где объектом посягательства выступают правомочия собственника по поводу использования природного ресурса, находящегося в его собственности (например, земельного участка). Поэтому, если гражданин убьет животное в зоопарке, это не будет квалифицировано как «незаконная охота» (ст. 258 УК РФ), поскольку уничтожен объект не экологических, а гражданских (имущественных) правоотношений. Точно так же добыча рыбы (водных биоресурсов), выращиваемых в специальных водоемах гражданами или юридическими лицами, не будет экологическим правонарушением, но может квалифицироваться как хищение чужого имущества. Однако остается открытым вопрос о правовом режиме животных без владельца (бродячих животных). Если домашние животные не являются объектом экологического права (и экологических правонарушений), а дикие животные являются таковыми, то животные без владельца, хотя и являются с точки зрения биологии домашними животными, но обладают и признаком диких животных, т. к. они находятся в состоянии естественной свободы и без контроля человека. Этот двойственный режим животных без владельца до сих пор не получил должной правовой регламентации.

Цель статьи — рассмотреть общую теорию юридической ответственности за экологические правонарушения, высказать точку зрения авторов по дискуссионным вопросам совершенствования ее правового регулирования, а также показать динамику ответственности за экологические правонарушения на региональном уровне (в трех Прикаспийских регионах).

Материалы и методы. В процессе исследования были использованы:

– диалектический метод научного познания, позволяющий комплексно рассматривать динамику развития вопросов юридической ответственности за экологические правонарушения в Российской Федерации в целом, а также в ее отдельных регионах (их группах);

– частнонаучные методы: конкретно-исторический, позволивший показать последовательность формирования и развития института ответственности за экологические правонарушения; формально-логический, предполагающий исследование (посредством обобщения и типологии) сложного развивающегося объекта — системы правовых норм, определяющих особенности юридической ответственности (уголовной, гражданско-правовой, административной) за экологические правонарушения, позволяющий показать перспективы развития данного межотраслевого института, а также предложить меры по повышению эффективности ответственности за экологические правонарушения; сравнительно-правовой метод, с помощью которого были исследованы особенности юридической ответственности в отдельных регионах, которым была дана комплексная доктринальная оценка.

В качестве еще одного частнонаучного метода исследования в статье использован метод системного анализа, позволивший оценить эффективность правового регулирования отдельных видов юридической ответственности за экологические правонарушения, а также выявить их специфику в отдельных субъектах РФ (Прикаспийских регионах). Данный метод позволил установить такие свойства правовых норм, которые возникают при взаимодействии отдельных элементов единого целого — правовой системы России и ее составных частей (регионов).

Результаты исследования. Вопрос о том, сколько (и каких) существует видов юридической ответственности за экологические правонарушения, является не таким простым, как это может показаться на первый взгляд. Федеральный закон «Об охране окружающей среды»[1] упоминает в ст. 75 четыре вида ответственности: имущественную; дисциплинарную; административную и уголовную. Административная и уголовная ответственности в данном перечне не вызывают никаких возражений; относительно иных видов ответственности выскажем ряд соображений.

Во-первых, термин «имущественная ответственность» нельзя признать удачным, поскольку в других федеральных законах речь идет о гражданско-правовой ответственности, и такой термин будет более точным.

Во-вторых, вызывает сомнение целесообразность выделения дисциплинарной ответственности за экологические правонарушения, поскольку составов «экологических дисциплинарных проступков» нет и быть не может; работник привлекается к дисциплинарной ответственности за нарушение норм трудового права, содержащихся в Трудовом кодексе РФ[2], правилах внутреннего трудового распорядка организации и т. д., то есть за ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей. Никакой экологической специфики в этом нет.

В-третьих, Законом РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 г. (утратившим силу) предусматривалась также материальная ответственность за экологические правонарушения. Однако из действующего Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 декабря 2002 г. она обоснованно исключена [4]. Из этого вытекает логичное предложение некоторых авторов изложить ст. 75 Федерального закона «Об охране окружающей среды» надо в следующей редакции: «За нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливаются гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность» [5, с. 121].

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о том, существует ли международная ответственность за экологические правонарушения. Заметим, что такая ответственность предусматривается не внутригосударственным, а международным правом, поэтому и соотносить ее следует не с отдельными отраслевыми видами юридической ответственности, а с ответственностью по национальному праву в целом. Международная ответственность давно существует и достаточно хорошо исследована; к ней действительно иногда привлекаются государства как субъекты международного права. В рамках данного вида ответственности следует говорить о международных преступлениях и международных деликтах, а также о политической ответственности и возмещении ущерба (как правило, прямого ущерба) [6]. Таким образом, за экологические правонарушения наступают гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Уголовная и гражданско-правовая ответственность регулируются только федеральными законами. При привлечении лица к административной или уголовной ответственности с него также может быть взыскан вред, причиненный

[1] Об охране окружающей среды. Федеральный закон №- 7-ФЗ от 10.01.2002. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074303 (дата обращения: 23.02.2024).

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279 (дата обращения: 23.02.2024).

окружающей среде или жизни, здоровью, имуществу граждан. Одновременное привлечение к административной и уголовной ответственности невозможно.

Рассмотрим особенности отдельных видов ответственности за экологические правонарушения.

Административная ответственность за экологические правонарушения. Если не углубляться в практические особенности применения отдельных составов правонарушений КоАП[3], то наиболее интересными нам представляются следующие доктринальные проблемы.

Во-первых, это вопрос о возможности субъектов РФ принимать законы (кодексы) об административных правонарушениях, содержащие и экологические составы. Здесь следует заметить, что субъект РФ может включать в такие региональные кодексы только два вида санкций: предупреждение и штраф. Такие наказания могут быть предусмотрены только за нарушение экологических законов самого субъекта РФ, но не федеральных законов, и они не должны дублировать статьи КоАП РФ. Между тем у субъектов РФ крайне ограничен перечень вопросов, по которым они могут принимать собственные законы, устанавливая в них региональные экологические запреты и ограничения. Именно этот аспект сильно влияет на количество и качество составов административных правонарушений в законах субъектов РФ об административной ответственности.

Во-вторых, в теории экологического права до сих пор все еще нет единого мнения о классификации экологических правонарушений. Так, З.С. Хибиева полагает, что включенные в главу 8 КоАП РФ составы экологических проступков следует разделить на три группы:

– невыполнение экологических требований;

– нарушение правил и порядка использования природных ресурсов и объектов;

– причинение вреда, либо уничтожение природных ресурсов и объектов [7].

Признавая допустимость такого подхода, мы полагаем, что классификационные группы административных правонарушений должны совпадать с группами общественных отношений, составляющих предмет экологического права как отрасли права. В этом случае составы экологических правонарушений, за которые может наступить административная ответственность, объединяются в четыре группы:

– составы, устанавливающие ответственность за нарушение общих эколого-правовых требований, распространяющихся на все институты экологического права. К их числу относятся нарушение законодательства об экологической экспертизе (ст. 8.4), сокрытие или искажение экологической информации (ст. 8.5 КоАП) и т. д.;

– составы, устанавливающие ответственность за нарушение правил по охране отдельных природных объектов. В их числе порча земель (ст. 8.6), нарушение правил охраны атмосферного воздуха (ст. 8.21), нарушение правил охраны водных объектов (ст. 8.13), нарушение правил санитарной безопасности в лесах (ст. 8.31 КоАП) и т. д.

– составы правонарушений, устанавливающие ответственность за нарушение правового режима территорий с особым эколого-правовым режимом (например, нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях, ст. 8.39 КоАП). При этом заметим, что в КоАП РФ (в отличие от УК РФ) нет норм об ответственности за совершение экологических проступков в зоне экологического бедствия;

– составы, устанавливающие ответственность за нарушение требований в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной или иной деятельности (например, эксплуатация механических транспортных средств с превышением нормативов содержания загрязняющих веществ в выбросах либо нормативов уровня шума, ст. 8.23 КоАП). Есть также составы административных экологических правонарушений, устанавливающие ответственность за нарушение экологических требований в промышленности, сельском хозяйстве и т. д.

В-третьих, до сих пор остается открытым вопрос о критериях разграничения административной и уголовной ответственности, в том числе за экологические правонарушения. Понятно, что речь должна идти о разной степени общественной опасности конкретного противоправного деяния, однако с ее оценкой как раз и возникают практические проблемы. Дело в том, что большинство составов административных правонарушений и уголовных экологических преступлений во многом совпадают (например, порча земель), и возникает вопрос о том, к какому виду юридической ответственности должен быть привлечен правонарушитель. Мы полагаем, что их отличия заключаются в следующем: в конструкции объективной стороны (большая часть составов экологических преступлений носит материальный характер, а для аналогичных правонарушений КоАП характерен формальный состав); отграничение может происходить по способу и средствам совершения правонарушения, по месту его совершения (зоны чрезвычайной ситуации или зоны экологического бедствия, на территории заповедника или

[3] *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях*. Кодекс Российской Федерации № 195-ФЗ от 30.12.2001. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102128814&backlink=1&nd=102074277&rdk=0 (дата обращения: 23.02.2024).

заказника); субъектами административных правонарушений могут быть как физические, так и юридические лица (субъектами совершения преступлений — только физические лица); наличие последствий правонарушения или преступления (вред здоровью, смерть человека, массовая гибель животных, существенный вред и т. д.). Все это означает, что многие отличительные признаки в УК РФ[4] носят оценочный характер и часто сформулированы достаточно абстрактно и неконкретно. Такие недостатки юридической техники восполняются постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, в которых производится толкование норм уголовного права (главы 26 УК РФ) [8].

Уголовная ответственность за экологические преступления. В настоящий момент за экологические преступления привлекается менее 1 % от общего числа осужденных лиц, и еще меньше процент гражданских дел о возмещении экологического вреда в сопоставлении с общим количеством рассмотренных судами гражданских дел. Это обстоятельство часто влечет достаточно обоснованный вывод о почти 100 % латентности экологических преступлений [9]. При этом в числе раскрытых преступлений преобладают составы о незаконной рубке лесных насаждений, незаконном вылове водных биологических ресурсов и незаконной охоте. По всем остальным составам экологических преступлений (например, загрязнении водоемов или воздуха) случаи привлечения к уголовной ответственности за весь период действия УК РФ носят единичный характер. Такая сложившаяся ситуация требует ответа на вопрос о причинах неэффективности уголовной ответственности за экологические преступления. На наш взгляд, причин этого несколько, и все они имеют разноплановый характер.

Кроме отдельных недостатков юридической техники при конструировании формулировок статей главы 26 УК РФ, необходимо обратить внимание на то, что раскрытие экологических преступлений не является приоритетным в работе всех правоохранительных органов. В результате суды крайне редко назначают наказание в виде лишения свободы виновным в экологических преступлениях (ограничиваясь штрафом или лишением свободы условно), что часто вызвано объективными сложностями доказательной базы причинно-следственных связей между деянием и его последствиями. Другой блок (не юридических) причин обусловлен сложной социально-экономической ситуацией в стране, особенно в сельской местности. Многие граждане, осуществляющие незаконную рубку леса или занимающиеся браконьерством, не имеют постоянной работы, либо размер их заработной платы является небольшим. На это накладываются субъективные причины, связанные с низким уровнем эколого-правовой культуры правонарушителей, которые воспринимают природу как источник бесплатных материальных благ, относятся безразлично к состоянию природных объектов, считают их неисчерпаемыми, что говорит о деформации их экологического правосознания. Отчасти это обусловлено недостатками системы образования и информационной работы органов государственной власти с населением, низкой актуализацией экологических проблем в российских СМИ.

Таким образом, бедность, коррупция, безнаказанность и попустительство со стороны органов власти, несовершенство формулировок и излишний гуманизм главы 26 УК РФ делают исследуемую проблему в настоящий момент трудно решаемой. С другой стороны, это не означает, что в сложившейся ситуации совсем ничего нельзя сделать. Представителям юридической науки необходимо начать обсуждение

– более подходящих формулировок составов главы 26 УК РФ (включая степень ужесточения санкций);

– правовых способов решения проблемы доказательной базы причинно-следственных связей между противоправными деяниями и их последствиями;

– мер по повышению эколого-правовой культуры граждан, налаживанию взаимодействия правоохранительных и природоохранительных органов между собой, а также с гражданами и общественными экологическими объединениями;

– поиска новых способов и средств борьбы с современными угрозами (противодействие экологическому терроризму).

Отдельного обсуждения требует вопрос о недостаточном финансировании природоохранной деятельности государства, отсутствии надлежащих стимулов для хозяйствующих субъектов для перехода на новые технологии сокращения выбросов и/или сбросов, роли цифровизации в улучшении взаимодействия государства и общества (например, блокчейн технологий для обеспечения прозрачности экологической информации или искусственного интеллекта для анализа больших данных), необходимости повышения технической оснащенности правоохранительных органов. Очень важно в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения экологических преступлений назначать техническую, химическую, медико-санитарную и иные виды экспертиз, т. к. без специальных исследований расследование и раскрытие экологических преступлений затруднительно. Весьма перспективным будет появление экологической полиции (ее ранее пытались создать в нескольких регионах) и специализированных экологических судов (такой опыт есть в зарубежных странах), расширение

[4] *Уголовный кодекс Российской Федерации*. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 23.02.2024).

применения экологической медиации при разрешении экологических споров. Расширение сфер специализации сотрудников правоохранительных органов позволит им более эффективно решать задачи по охране природы, быстрее реагировать на экологические правонарушения.

Не менее важным доктринальным вопросом, который имеет и практическое значение, является ведущаяся уже много лет в российской правовой науке дискуссия о целесообразности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. В пользу такого решения говорит тот факт, что возможность привлечения предприятий — источников повышенной опасности не только к административной, но и уголовной ответственности за загрязнение окружающей среды, создаст для них дополнительные стимулы к предотвращению аварийных выбросов и сбросов. Сторонники данной концепции указывают на то, что юридические лица формально не являются субъектами преступления, однако фактически (и очень часто) совершают деяния, попадающие под признаки преступления; доказывается наличие негативных экономических, экологических и иных последствий из-за того, что коллективная ответственность не урегулирована должным образом; сложная структура управления некоторыми видами юридических лиц делает невозможным идентифицировать конкретных должностных лиц, причастных к совершению преступления; уголовно-правовые средства борьбы с преступностью более эффективны (чем административные или гражданско-правовые меры), но они должны применяться в случае, когда другие средства борьбы с правонарушениями не достигли цели; на международном уровне государства оказывают друг другу помощь, но только по уголовным делам, хотя преступления все чаще совершают транснациональные корпорации [10].

В качестве санкций для юридических лиц сторонники этой теории предлагают два основных вида наказания (штраф и ликвидацию юридического лица) и два дополнительных наказания (конфискацию имущества и лишение права заниматься определенной деятельностью) [11]. Против такой концепции говорит сложившаяся в России правовая традиция считать субъектом уголовной ответственности только физических лиц (поскольку у юридических лиц нет воли и интеллекта, а значит возникает проблема наличия вины); налагать штрафы на юридических лиц можно и в рамках административной ответственности, поэтому в случае необходимости следует просто увеличить их размер; упоминание лишь в главе 26 УК РФ юридических лиц разрушит всю концепцию УК РФ, поэтому даже если решаться на это, то не в рамках одних только экологических преступлений. И хотя аргументы противников данной концепции пока более убедительны, это еще не означает завершения дискуссии по этому вопросу.

Гражданско-правовая ответственность за экологические правонарушения. Экологический вред — это негативные изменения качества окружающей среды, обусловленные хозяйственной или иной деятельностью человека, выразившиеся в разрушении экологических связей, загрязнении, разрушении или истощении отдельных природных компонентов, которые могут причинить вред жизни, здоровью или имуществу граждан (имуществу юридических лиц). Вред может быть причинен компонентам природной среды — землям, водам, лесам и т.д. (первичный вред) и жизни, здоровью или имуществу граждан (вторичный или экогенный вред). Возмещение экологического вреда может производиться в натуральной или денежной форме. Такой вред может быть имущественным или неимущественным (моральный вред). Существует ряд особенностей возмещения вреда источником повышенной опасности, причем данную конструкцию ГК РФ[5] дополняет Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»[6], уточняя конкретные параметры и критерии экологически опасной деятельности. Исковая давность по делам о возмещении экологического вреда составляет 20 лет (против общего срока исковой давности в три года). Существует и специфика способов возмещения экологического вреда.

В случае, если вред причинен природному объекту, размер его возмещения рассчитывается по специально утвержденным таксам и методикам, а при их отсутствии — по фактическим затратам. Особый порядок предусмотрен для ликвидации объектов накопленного экологического вреда. В случае, если размер причиненного вреда был настолько велик, что его невозможно возместить без участия государства, применяются меры социальной защиты граждан с выплатой им специальных пособий (например, гражданам, пострадавшим в результате экологической катастрофы на Чернобыльской АЭС). По каждому из указанных аспектов теории и практики возмещения экологического вреда есть доктринальная оценка и судебная практика. Однако применительно ко всему субинституту деликтной экологической ответственности есть и одна общая дискуссия: ее инициатор М.М. Бринчук [12] поставил очень интересный теоретический вопрос о признании

[5] *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая.* Кодекс Российской Федерации № 14-ФЗ от 26.01.1996. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276 (дата обращения: 26.02.2024).

[6] *О промышленной безопасности опасных производственных объектов.* Федеральный закон № 116-ФЗ от 21.07.1997. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102048376 (дата обращения: 26.02.2024).

самостоятельности эколого-правовой ответственности. Его основные аргументы сводятся к следующему. Экологический вред причиняется вне рамок гражданского правоотношения, а в экологическом правоотношении, возникающем в ходе экологически значимой деятельности хозяйствующего субъекта, причем если правовой режим предприятий определяется гражданским законодательством, то требования к их деятельности носят публично-правовой (экологический) характер. При этом вред причиняется природным объектам, находящимся, главным образом, в публичной собственности и являющимся публичным благом. В случае нарушения охраняемых публичных экологических интересов (нарушения хозяйствующим субъектом экологических требований или при причинении вреда природным объектам) наступает эколого-правовая (самостоятельная) ответственность, а вовсе не гражданско-правовая (имущественная, деликтная) [12].

Другие сторонники данной концепции (например, Д.В. Спиридонов) обосновывают следующие причины выделения эколого-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности: значительный рост числа экологических правонарушений, требующий соответствующих санкций, направленных на восстановление нарушенного права; неспособность имеющихся форм гражданско-правовой ответственности полностью возместить причиняемый экологический вред, в первую очередь, в результате чрезвычайных происшествий; невозможность решения с помощью других видов юридической ответственности задач по полному возмещению экологического вреда и восстановлению природных объектов после противоправного посягательства [13]. Представители других научных школ (А.Я. Рыженков, С.А. Чаркин, И.Ю. Ребиков и др.) полагают, что в данном случае мы имеем частный случай специальных деликтов, прямо не поименованных в ГК РФ [14].

Возражая против признания эколого-правовой ответственности самостоятельным видом юридической ответственности, С.А. Боголюбов указывает на то, что данный вид ответственности уже охватывается существующими видами и формами юридической ответственности. «К тому же следует лучше использовать то, что уже есть вместо изобретений, которые лишь изображают движение к цели (обеспечению экологического правопорядка)» [15, с. 18].

На наш взгляд, в данном случае мы можем говорить лишь о специфике возмещения экологического вреда в рамках базовой гражданско-правовой конструкции, о том, что в данном случае деликтные отношения регулируются не только нормами гражданского права, но и нормами экологического права, и этот правовой субинститут имеет межотраслевой характер. Действительно, взыскание причиненного природным объектам вреда по таксам и методикам не имеет прямых аналогов в отношении других охраняемых правом объектов, однако для признания экологических деликтов отдельным и самостоятельным видом юридической ответственности этого недостаточно. Гражданское право в равной степени защищает семейные, трудовые и иные отношения, и каждый вид деликтов имеет те или иные особенности. Другими словами, деликтное право может защищать не только частные, но и публичные интересы и иметь определенную специфику во всех сферах жизнедеятельности, включая экологию. Это обстоятельство слабо отражено в ГК РФ, который требует дополнений. Например, в ст. 1064 ГК РФ, посвященную общим основаниям ответственности за причинение вреда, было бы логично добавить к перечисленным там объектам (личность, имущество гражданина, имущество юридического лица) еще и окружающую среду, которой тоже может быть причинен вред. Более того, ГК РФ прямо перечисляет ряд специальных деликтов (например, ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними), однако нет препятствий для того, чтобы в отдельной статье отразить особенности деликтных отношений в сфере охраны окружающей среды. В этом случае получится более логичная конструкция, чем сейчас. Есть общая норма ГК РФ об особенностях специальных экологических деликтов; она конкретизируется в ст.ст.77–79 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Во исполнение этих предписаний закона приняты подзаконные акты, регламентирующие порядок расчета вреда, причиненного природным объектам и комплексам, с помощью специальных способов — такс и методик исчисления размера вреда. Данный перечень проблем возмещения экологического вреда не является исчерпывающим. Давно ждут своего решения вопросы:

– правового регулирования расчета компенсации морального вреда, причиненного экологическим правонарушением;

– разработки специальной методики расчета возмещения вреда здоровью граждан, причиненного экологическим правонарушением (методики оценки ущерба компонентам природной среды (почвам, воздуху) уже давно существуют, а здоровью граждан — нет);

– обсуждения стратегии расширения форм государственно-частного партнерства в сфере охраны окружающей среды (например, в части ликвидации объектов накопленного экологического вреда для снижения расходов бюджета;

– целесообразности принятия специального федерального закона о возмещении экологического вреда и др.

Обратим внимание, что ст. 80 Федерального закона «Об охране окружающей среды» указывает на требования об ограничении, приостановлении или прекращении деятельности юридических и физических лиц, которые рассматриваются судами (арбитражными судами). Данное правило сформулировано весьма неконкретно. Дело в том, что приостановление деятельности является видом административных наказаний (ст. 3.12 КоАП) и может применяться, например, за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления (ст. 8.2 КоАП). Кроме того, в силу ст. 1065 ГК РФ, суд может приостановить или прекратить деятельность предприятия, если оно продолжает причинять вред (угрожает новым вредом). При этом примечательно, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»[7] дается интересное толкование норм ГК РФ в духе концепции устойчивого развития с указанием на необходимость поиска баланса экологических, экономических и социальных интересов. Пленум разъяснил судам, что при рассмотрении дел о приостановлении (прекращении) экологически опасной деятельности, следует учитывать баланс между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, с одной стороны, и решением социально-экономических задач, с другой. При этом судам следует принимать во внимание не только факторы, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность людей и организаций (например, применительно к деятельности градообразующих предприятий, теплоэлектроцентралей, очистных сооружений), но и соразмерность последствий прекращения (приостановления, ограничения) деятельности тому вреду природе, который может наступить как в результате продолжения данной деятельности, так и вследствие ее прекращения. На наш взгляд, все эти особенности приостановления и ограничения экологически опасной деятельности должны быть более подробно отражены в ст. 80 Федерального закона «Об охране окружающей среды».

Приведенные выше общетеоретические проблемы ответственности за экологические правонарушения имеют и ярко выраженную региональную специфику. Субъекты РФ расположены в разных природно-климатических зонах, поэтому набор экологических рисков в них может различаться. Например, для многолесных регионов Сибири и Дальнего Востока весьма актуальна проблема массовой незаконной вырубки леса и огромных по площади лесных пожаров; для многих малолесных (степных) регионов Юга России эта проблема значительно менее актуальна, однако там есть свои экологические проблемы и риски (опустынивание), менее важные для многолесных регионов. Понимание этого обстоятельства уже обусловило появление доктринальных предложений о том, чтобы «законодательно закрепить положения, обеспечивающие учет природно-климатических особенностей конкретных территорий и акваторий (в соответствии с природно-климатическим зонированием) для целей экологического нормирования и оценки воздействия на окружающую среду намечаемой хозяйственной деятельности. Такой дифференцированный подход будет направлен на повышение природоохранного потенциала указанных институтов, что будет способствовать реализации принципа предупреждения экологического вреда» [16, с. 12]. Учитывая это обстоятельство, попробуем рассмотреть проблемы ответственности за экологические правонарушения на примере трех Прикаспийских регионов (Астраханская область, республики Дагестан и Калмыкия).

Указанных три субъекта РФ объединяет общая черта — выход на побережье Каспийского моря, что налагает определенную специфику на их экологические проблемы и способы их решения правовыми средствами.

Одной из таких проблем является хищнический вылов рыбы и иных водных биоресурсов в нижнем течении реки Волга и в Каспийском море, что влечет резкое сокращение численности осетровых и иных видов ценных рыб. Наибольший размах браконьерство приобрело в Астраханской области в силу географических (природных) причин. В данном регионе браконьерство поставлено, можно сказать, на промышленную основу с использованием маломерных судов с мощными моторами иностранного производства. Это негативное явление давно уже не носит стихийного характера, поскольку сложились организованные преступные группы с распределением ролей по вылову, транспортировке и сбыту незаконно добытой икры и/или рыбной продукции. Наличие таких региональных проблем обусловило появление в научной литературе предложений по внесению изменений в российское законодательство о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов, включая принятие специальных федеральных законов по регулированию рыболовства и охране водных биоресурсов в конкретных водных бассейнах (например, реки Волги и Каспийского моря). Эффективность законодательства об охране рыбных запасов обусловлена местоположением водного объекта и другими факторами. В случае с Каспийским морем такими дополнительными факторами является необходимость совместного нормативно-

[7] *О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде*. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 49 от 30.11.2017. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283917/ (дата обращения: 26.02.2024).

правового регулирования охраны рыбных запасов согласованными действиями пяти стран, имеющих выходы к побережью Каспийского моря [17]. В частности, данный международный аспект проблемы заключается в том, что водные ресурсы Каспия (включая рыбу) естественным образом мигрируют по морю и впадающим в него рекам, игнорируя фактор государственных границ. Поэтому на сохранность прибрежных запасов рыбы каждого из пяти прикаспийских государств влияет эффективность экологической политики остальных стран, а также осуществление мер по борьбе с браконьерством в нейтральной части моря, не находящегося под юрисдикцией конкретного государства. Это требует координации политики национальных государств, координации их борьбы с браконьерством, влекущем экономические потери для всех них [18].

Приведем примеры наиболее типичных экологических правонарушений для Прикаспийских субъектов РФ:

– дела о взыскании ущерба Каспийскому морю как объекту охраны окружающей среды в результате затопления судов в российской части акватории Каспийского моря (рассчитывается по Методике исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утвержденной Минприроды РФ)[8]. Такие нарушения водного законодательства в Прикаспийских субъектах РФ происходят весьма часто[9];

– дела о сбросе загрязняющих веществ (сточных вод) с превышением нормативов допустимого воздействия в Каспийское море, например, муниципальными организациями водопроводно-канализационного хозяйства[10]. Такие дела носят весьма распространенный характер[11], и кроме взыскания вреда (по упомянутой выше Методике Минприроды РФ) виновные привлекаются еще и к административной ответственности по ст. 8.13 КоАП РФ. В некоторых случаях речь идет о сбросе сточных вод организациями, не имеющими разрешения на пользование водным объектом (Каспийским морем), то есть о самовольном использовании для этих целей водного объекта[12];

– устройство несанкционированных свалок бытовых и строительных отходов в водоохранных зонах[13];

– споры об установлении ограничений доступа к водоемам общего пользования (береговым полосам)[14];

– споры о нарушении правил ведения работ в рыбохозяйственных водоемах (реках, впадающих в Каспийское море) с нарушением режима хозяйственной и иной деятельности, влияющих на состояние береговой полосы[15];

– осуществление промышленного (прибрежного) рыболовства в Каспийском море в условиях отсутствия на рыбопромысловом участке и рыбоприемном пункте сертифицированного оборудования для взвешивания улова[16];

– осуществление ремонтных (дноуглубительных) работ в морской части Волго-Каспийского судоходного морского канала без правоустанавливающих документов на пользование водным объектом (в отсутствие решения о предоставлении водного объекта в пользование для сброса грунта, извлеченного при производстве работ)[17].

Сводный перечень экологических правонарушений и отчет о привлечении виновных к ответственности из трех Прикаспийских регионов наиболее полно представлен в Астраханской области. Отчеты содержат статистику экологических правонарушений в границах Астраханского биосферного заповедника (в 2021 году выявлено 55 правонарушений, наложено административных штрафов на сумму 203 000 рублей, предъявлено исков о возмещении ущерба на сумму 31,45 тыс. рублей, возбуждено 5 уголовных дел); привлекаются к ответственности граждане и юридические лица за причинение ущерба (порчи) почвам (размещение отходов, загрязнение солями тяжелых металлов), атмосферному воздуху (отсутствие разрешения на выброс загрязняющих веществ), превышение предельно допустимого содержания загрязняющих веществ при сбросе в море сточных вод и др.[18]

---

[8] *Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2021 по делу № 307-ЭС21-1344*. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03062021-n-307-es21-1344-po-delu-n-a21-42812018/ (дата обращения: 27.02.2024).

[9] *Постановление федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.12.2013 по делу № А15-2225/2012*. URL: https://clck.ru/39eRUr (дата обращения: 27.02.2024).

[10] Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.06.2022 по делу № А15-5534/2021. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=181110#V9yEo6U2b2NKSCSm1 (дата обращения: 27.02.2024).

[11] *Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.10.2021 по делу № А15-577/2021*. URL: *https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=aOV1Qg&page=splus&ts=AJjGo6UJuIkyV5cC* (дата обращения: 27.02.2024).

[12] *Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.02.2018 по делу № А15-2379/2017*. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=aOV1Qg&page=splus&ts=AJjGo6UJuIkyV5cC (дата обращения: 27.02.2024).

[13] *Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.12.2014 по делу № А15-1004/2013*. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=aOV1Qg&page=splus&ts=AJjGo6UJuIkyV5cC (дата обращения: 27.02.2024).

[14] *Постановление федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.06.2014 по делу № А15-2635/2013*. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=aOV1Qg&page=splus&ts=AJjGo6UJuIkyV5cC (дата обращения: 27.02.2024).

[15] *Постановление федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.01.2013 по делу № А15-1399/2012*. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=aOV1Qg&page=splus&ts=AJjGo6UJuIkyV5cC (дата обращения: 27.02.2024).

[16] *Постановление федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.04.2012 по делу № А15-1563/2011*. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=aOV1Qg&page=splus&ts=AJjGo6UJuIkyV5cC (дата обращения: 27.02.2024).

[17] *Постановление федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.03.2010 по делу № А53-17175/2009*. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=aOV1Qg&page=splus&ts=AJjGo6UJuIkyV5cC (дата обращения: 27.02.2024).

[18] *Доклад об экологической ситуации в Астраханской области в 2021 году*. URL: http://aonb.astranet.ru/informatsionnyie-resursyi.html (дата обращения: 27.02.2024).

Обсуждение и заключение. Современные процессы глобализации привели к усилению антропогенного давления на экологические системы, что обусловило поиск способов противодействия таким негативным процессам. Одним из таких средств противодействия, являющимся гарантией достижения целей устойчивого развития и перехода к зеленой экономике, является институт юридической ответственности за экологические правонарушения. В настоящий момент его эффективность вызывает ряд доктринальных и практических вопросов, связанных с недостаточной ролью субъектов РФ в развитии субинститута административной ответственности за экологические правонарушения, сохранением проблем разграничения административной и уголовной ответственности, высокой латентностью экологических преступлений и неэффективной работой правоохранительных органов, недостаточной проработкой вопросов возмещения экологического вреда (вреда здоровью граждан, компенсации морального вреда, причиненного экологическим правонарушением и т. д.). Существует и ряд доктринальных проблем, требующих дальнейшего обсуждения, которые могут способствовать решению задач по повышению эффективности института ответственности за экологические правонарушения:

– разработка концепции позитивной ответственности за экологические правонарушения (в данный момент подавляющее большинство научных работ посвящено только ее ретроспективному аспекту);

– обсуждение целесообразности уголовной ответственности юридических лиц;

– уточнение количества видов юридической ответственности;

– возможности признания возмещения экологического вреда в качестве самостоятельного вида юридической ответственности в России.

Необходимо дальнейшее исследование динамики взаимодействия (и взаимовлияния) на институт юридической ответственности за экологические правонарушения других эколого-правовых институтов (нормирования, контроля, мониторинга, экологического образования и эколого-правовой культуры и т. д.). Есть ряд предложений по развитию организационного механизма охраны окружающей среды (создание экологической полиции и экологических судов), что будет содействовать достижению поставленных сегодня перед страной эколого-правовых задач. Их решение невозможно только силами правоохранительных и природоохранительных органов — требуется более широкое информирование и вовлечение общественности в обсуждение и решение таких задач. Это потребует внесения изменений и дополнений в гражданское, экологическое и иное законодательство, например, в части дополнения ГК РФ нормами об экологических деликтах. Данная тенденция экологизации законодательства уже давно отмечается российскими исследователями, и она должна быть продолжена и далее.

В целях обеспечения благоприятного качества окружающей среды необходима разработка Концепции развития экологического законодательства Российской Федерации, один из разделов которой должен быть посвящен перечню мер по повышению эффективности всех видов ответственности за экологические правонарушения.

Такие меры должны учитывать региональный аспект, поскольку для отдельных субъектов РФ (их групп) могут быть в разной степени характерны те или иные виды экологических правонарушений в силу природно-климатических, экономических и иных объективных и субъективных причин. Исследование судебной практики в Прикаспийских регионах показывает, что нет ярко выраженной специфики, полностью отсутствующей в других субъектах РФ, имеющих выход к морю или расположенных в бассейнах крупных рек. Как и в других регионах, мы встречаем здесь достаточно массовые случаи загрязнения почв, водоемов и воздуха; браконьерство, нарушения режима охраны заповедников, бесхозяйственное отношение собственника к затонувшим судам; ограничения в доступе к берегам водных объектов и т. д. Специфика ответственности в данных регионах заключается не в статистике отдельно взятых правонарушений (микроуровне), а в координации борьбы с экологическими правонарушениями в масштабах всего Каспийского моря, что требует согласованной политической воли со стороны всех пяти прибрежных государств (макроуровень), а именно — России, Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Ирана. Исторически непростые отношения между ними все еще не позволяют окончательно определить международно-правовой режим Каспийского моря, а также согласовать порядок использования водных и биологических ресурсов, их охраны и ответственности за его нарушение.

Список литературы

1. Николаев А.В., Засорина Т.Д. Юридическая ответственность за нарушение экологического законодательства. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*. 2011;(1):156–166.

2. Странцов А.А. *Правовые последствия вреда, причиненного экологическим правонарушением: учебное пособие*. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России; 2016. 67 с.

3. Иванов А.А. Проблема экологической ответственности в современных юридических исследованиях. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2015;(4):27–34. URL: http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1543560

4. Иванов А.М., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В. Особенности применения норм об ответственности за экологические правонарушения. *E-Scio*. 2021;(2):40–47.

5. Рыженков А.Я. К вопросу о доктринальном понимании принципа ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды. *Аграрное и земельное право*. 2016;(7):116–122.

6. Карпова Д.Н. О некоторых проблемах международной ответственности за экологические правонарушения. *Аллея науки*. 2018;(4–5):343–346.

7. Хибиева А.З. Особенности юридической ответственности за экологические правонарушения. *Тенденции развития науки и образования*. 2023;(93–5):145–147.

8. Пикуров Н.И. Проблема отграничения экологического преступления от проступка нуждается в кардинальном разрешении. *Криминалистъ*. 2022;(2):56–63.

9. Швейгер А.О. *Уголовно-правовое и криминологическое противодействие загрязнению водных объектов и атмосферы (по материалам дальневосточного федерального округа)*. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва; 2013. 30 с.

10. Антонова Е.Ю. *Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности*. Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Владивосток; 2011. 55 с.

11. Умирбаева З.А. *Уголовно-правовые проблемы борьбы с экологическими преступлениями*. Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Бишкек; 2012. 52 с.

12. Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? *Экологическое право*. 2009;(2/3):16–23.

13. Спиридонов Д.В. К вопросу о состоятельности экологической ответственности как самостоятельного вида ответственности. *Аграрное и земельное право*. 2023;(12):68–73.

14. Ребиков И.Ю. *Возмещение вреда, причиненного природным объектам и комплексам*. Дис. канд. юрид. наук. Волгоград; 2011. 199 с.

15. Боголюбов С.А. *Актуальные проблемы экологического права.* Учебник. Москва; 2011. 607 с.

16. Синь М. *Предупреждение экологического вреда как принцип права Китая и России*. Дис. канд. юрид. наук. Москва; 2020. 201 с.

17. Корчагина И.В. *Административно-правовое регулирование рыболовства и охраны рыбных запасов Каспийского региона*. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону; 2010. 29 с.

18. Азимов Л.Э. Наиболее распространенные способы и средства подготовки и совершения незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Особенности их применения в Каспийском море. *Пробелы в российском законодательстве*. 2014;(4):178–182.

References

1. Nikolaev AV, Zasorina TD. Legal Liability for Environmental Violations Legislation. *Scientific Journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*. 2011;(1):156–166. (In Russ.).

2. Strantsov AA. *Legal Consequences of Harm Caused by an Environmental Violation. Tutorial*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016. 67 p. (In Russ.).

3. Ivanov AA. Problem of Ecological Responsibility in the Modern Legal Researches. *Vestnik volzhskogo universiteta im. V.N Tatishcheva.* 2015;(4(83)):27–34. URL: http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1543560 (In Russ.).

4. Ivanov AM, Fedoskin NN, Yagneshko MV. Features of Applying the Norms on Liability for Environmental Offenses. *E-Scio*. 2021;(2):40–47. (In Russ.).

5. Ryzhenkov AYa. To a Question of Doctrinal Understanding of the Principle of Responsibility for Violation of the Legislation in the Field of Environmental Protection. *Agrarian and Land Law*. 2016;(7):116–122. (In Russ.).

6. Karpova DN. On Some Problems of International Responsibility for Environmental Offences. *Alleya nauki.* 2018;4(5):343–346. (In Russ.).

7. Khibieva AZ. Features of Legal Liability for Environmental Offenses. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya.* 2023;(93–5):145–147. (In Russ.).

8. Pikurov NI. The Problem of Distinguishing an Environmental Crime from a Misconduct Needs to Be Radically Resolved. *Criminalist*. 2022;(2):56–63. (In Russ.).

9. Schweiger AO. *Criminal Law and Criminological Counteraction to Pollution of Water Bodies and the Atmosphere (Based on the Materials of the Far Eastern Federal District).* Extended Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2013. 30 p. (In Russ.).

10. Antonova EYu. *Conceptual Foundations of Corporate (Collective) Criminal Liability.* Extended Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Vladivostok; 2011. 55 p. (In Russ.).

11. Umirbaeva ZA. *Criminal and Legal Problems of Combating Environmental Crimes*. Extended Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Bishkek; 2012. 52 p. (In Russ.).

12. Brinchuk MM. Is there an Environmental and Legal Responsibility? *Environmental Law*. 2009;(2/3):16–23. (In Russ.).
13. Spiridonov DV. On the Question of the Viability of Environmental Responsibility as an Independent Type of Responsibility. *Agrarian and Land Law*. 2023;(12):68–73. (In Russ.).
14. Rebikov IYu. C*ompensation for the Damage Caused to Natural Objects and Complexes*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd; 2011. 199 p. (In Russ.).
15. Bogolyubov SA. *Topical Problems of Environmental Law.* Coursebook. Moscow; 2011. 607 p. (In Russ.).
16. Xin M. *Prevention of environmental harm as a principle of law in China and Russia.* Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2020. 201 p. (In Russ.).
17. Korchagina IV. *Administrative and Legal Regulation of Fishery and Protection of Fish Stocks in the Caspian Region*. Extended Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don; 2010. 29 p. (In Russ.).
18. Azimov LE. The Most Common Ways and Means to Prepare and Commit Illegal Extraction (Catch) Aquatic Biological Resources. Features of Their Application in the Caspian Sea. *Gaps in Russian Legislation*. 2014;(4):178–182. (In Russ.).

Об авторах:

Алексей Павлович Анисимов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ScopusID, ORCID, anisimovap@mail.ru

Юлия Игоревна Исакова, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, isakova.pravo@bk.ru

Геннадий Святославович Працко, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, dasha_sam94@mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

А.П. Анисимов — формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Ю.И. Исакова, Г.С. Працко — анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 28.02.2024
Поступила после рецензирования 20.03.2024
Принята к публикации 25.03.2024

About the authors:

Aleksey P. Anisimov, Dr.Sci.(Law), Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ScopusID, ORCID, anisimovap@mail.ru

Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, isakova.pravo@bk.ru

Gennady S. Pratsko, Dr.Sci (Law), Dr.Sci. (Philosophy), Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, dasha_sam94@mail.ru

Claimed contributorship:

AP Anisimov: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

YuI Isakova, GS Pratsko: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of interest statement: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Received 28.02.2024
Revised 20.03.2024
Accepted 25.03.2024

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 340.15

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-39-46

EDN: WQRXSU

Эволюция государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века

Л.Г. Берлявский[1,2]

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

berlg@yandex.ru

Аннотация

Введение. История советского государственного права вызывает живой интерес современных исследователей. Целый ряд аспектов разработки и реализации новой экономической политики в России представлен в работах историков, экономистов, политологов. При этом исследований правоведов, посвященных 20-м годам XX века, на наш взгляд, явно недостаточно. В статье исследована эволюция государственно-правовых основ советского аграрного строя, которая нашла отражение в Конституции СССР 1924 г., Конституции РСФСР 1925 г, Земельном кодексе РСФСР 1922 г., Общих началах землепользования и землеустройства СССР 1928 г., целом ряде декретов и иных нормативных правовых актов. Актуальность данной темы обусловлена теоретической и практической значимостью правового регулирования аграрной сферы общества, реформирования аграрной политики современной России. Актуальность темы объясняется, с одной стороны, необходимостью изучения переходного состояния советского аграрного законодательства, поскольку, по словам В.И. Ленина, новая экономическая политика (нэп) означала «переход от гражданской войны к гражданскому миру». С другой стороны, от многих принципов нэповского законодательства советское руководство отказалось в конце 20-х годов XX века. Однако они были успешно реанимированы и развиты в КНР в ходе экономической реформы спустя шесть десятилетий. Цель данного исследования — выявить особенности эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века.

Материалы и методы. Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, в числе которых историко-правовой и формально-юридический (догматический). В связи с быстро меняющимся в научном сообществе отношением к данным методам приоритет в исследовании отдавался современным источникам. Проанализированы концептуальные утверждения авторов, что в синтезе с собственным эмпирическим опытом позволило сформулировать ряд новых положений.

Результаты исследования. Рассмотрены основные акты, в которых были нормативно закреплены государственно-правовые основы советского аграрного строя в 20-е годы XX века. Значительный массив аграрного законодательства объясняется тем, что советское партийно-государственное руководство в начале 20-х годов приняло решение восстанавливать экономику именно с аграрной сферы — основы народного хозяйства того периода. Показана специфика нэпа не только как изменения экономического курса, но и как комплексной правовой политики, представляющей собой сочетание публично-правового и частноправового регулирования при безусловном превалировании публичных начал. Обосновывается, что переход к нэпу означал отмену аграрного законодательства времен «военного коммунизма» и возвращение к принципам крестьянского Наказа 1917 г. — важнейшего элемента Декрета о земле. Установлена глубокая противоречивость аграрного законодательства период нэпа, который никоим образом не следует характеризовать как время отказа от идеи и практики коллективизации сельского хозяйства. Партийно-государственное руководство продолжало рассматривать индивидуальное крестьянское землепользование как малоперспективное с экономической точки зрения и опасное для дела строительства социализма.

Обсуждение и заключение. Выявлены характерные черты и особенности эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века. В исследуемый период в нормативных правовых актах и

партийно-государственных документах предпочтение по-прежнему отдавалось коллективным хозяйствам с различной степенью обобществления земли и средств производства. Наиболее желательными считались коммуны, а также государственные сельхозпредприятия — советские хозяйства, совхозы — как хозяйства, в наибольшей мере соответствующие социалистическому идеалу. Симпатии властных органов привлекала и сельскохозяйственная кооперация, в качестве высших форм которой понимались колхозы. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что государственно-правовые основы социалистического аграрного строя были заложены в исследуемый период, когда в советском законодательстве был закреплен курс на коллективизацию и общественное земледелие, были разработаны правила и нормы создания, устройства, деятельности различных форм колхозов, среди которых наиболее близкой идеалам социализма считалась сельскохозяйственная коммуна. В этом плане перспективным представляется дальнейшее изучение процесса разработки примерных уставов коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли.

Ключевые слова: государственно-правовые основы, аграрный строй, декреты советской власти, единоличные хозяйства, товарищества по совместной обработке земли, сельскохозяйственные производительные коммуны

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Берлявский Л.Г. Эволюция государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(1):39–46. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-39-46

Research article

Evolution of the State-Legal Foundations of the Soviet Agrarian Systemin the 20s of the XX Century

Leonid G. Berlyavsky[1, 2]

[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation

berlg@yandex.ru

Abstract

Introduction. The history of the Soviet state law is of great interest to the modern researchers. A number of aspects of the New Economic Policy development and implementation in Russia are presented in the works of historical, economic and political science scholars. However, in our opinion, the number of research referring to the 20s of the XX century conducted by the legal science scholars is definitely not enough. The article investigates the evolution of the state-legal foundations of the Soviet agrarian system as reflected in the USSR Constitution of 1924, the RSFSR Constitution of 1925, the RSFSR Land Code of 1922, the USSR General Principles of Land Use and Land Management of 1928, and in a number of decrees and other normative legal acts. The relevance of this topic is induced by the theoretical and practical significance of the legal regulation of the agrarian sphere of the society and the reform of the agrarian policy of the modern Russia. On the one hand, the relevance of the topic lies in the need to study the transitional state of the Soviet agrarian legislation, since, according to V.I. Lenin, the New Economic Policy (NEP) implied “transition from the civil war to civil peace”. On the other hand, in the late 20s of the XX century the Soviet leadership had abandoned many of the NEP legislation principles. However, six decades later they were successfully revived and developed in the People's Republic of China during the economic reform. The aim of this study is to reveal the evolution features of the Soviet agrarian system state-legal foundations of the 20s of the XX century.

Materials and Methods. The research methodology comprises the general scientific and specific juridical methods, including the historical-legal and legalistic (dogmatic) methods. Due to the rapidly changing attitude towards these methods in the scientific community, the priority in the research has been given to the modern sources. The authors' concept statements have been analysed, which, in synthesis with the authors' empirical background, made it possible to formulate a number of new provisions.

Results. The main acts that had legally formalized the state-legal foundations of the Soviet agrarian system in the 20s of the XX century were studied. The huge number of the agricultural laws is explained by the decision of the Soviet party and state leadership of the early 20s to start the recovery of economics with the agrarian sector — the backbone of the national economy of that period. The features of the NEP are elucidated not only as the change of the economic policy, but as the integrated legal policy, being a combination of the public and private law regulation upon absolute predominance of the public principles. It has been substantiated that transition to the NEP entailed the abolishment of the agrarian laws of the times of “war communism” and return to the principles of the peasant Mandate of 1917 — the most important element of the Decree on Land. Deep controversy of the agricultural legislation of the NEP period has been

established, which in no way should be defined as a time of abandoning the concept and practice of the collectivization of agriculture. The party and state leadership continued to consider the individual peasant land use as having no economical prospect and dangerous for building socialism.
Discussion and Conclusion. The evolution features and distinctions of the Soviet agrarian system state-legal foundations of the 20s of the XX century have been revealed. In normative legal acts and party-state documents of the studied period, the preference continued to be given to the collective farms with the various degree of land and means of production collectivization. Communes and the state-owned agricultural enterprises, sovkhozs (Soviet farms), were considered the most desirable farms, as the ones most closely corresponding to the socialist ideal. The agricultural cooperation, which highest form were the kolkhozs (collective farms), was also appreciated by the authorities. The theoretical significance of the conducted research lies in the fact that the state-legal foundations of the socialist agrarian system had been set in the studied period, when the policy of collectivization and public agriculture was stipulated in the Soviet legislation, the rules and norms for creation, organization and operation of the various forms of collective farms were developed, wherein the agricultural commune was considered the form closest to the socialist ideals. Taking into account all the above, further investigation of the process of developing the model Charters of communes, artels and partnerships for joint cultivation of land seems a forward-looking objective.

Keywords: state-legal foundations, agrarian system, decrees of Soviet Power, individual farms, partnerships for joint cultivation of land, agricultural manufacturing communes

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions on their improvement that have significantly improved the quality of the article.

For citation. Berlyavsky LG. Evolution of the State-Legal Foundations of the Soviet Agrarian System in the 20s of the XX Century. *Legal Order and Legal Values.*2024;2(1):39–46. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-39-46

Введение. Переход к нэпу в 1921 г. стал серьезной уступкой сельскому населению, свидетельством того, что советское руководство, «победившее и белых, и внешнюю интервенцию, не выдержало силы крестьянского сопротивления и признало российское крестьянство автономным, могущественным и сплоченным социальным классом, пойдя на компромисс с ним» [1, с. 9].

К началу 1920-х гг. советский агитационно-пропагандистский аппарат сосредоточил усилия на донесении до земледельцев идеи о том, что колхоз представляет собой единственно правильную форму организации сельхозпроизводства, но вступление в коллективное хозяйство есть дело добровольное, принуждение здесь недопустимо.

По словам видного советского правоведа М.А. Рейснера, с переходом к нэпу немедленно за переломом в экономике следуют реформы организационного типа — в праве, государстве, управлении. «Начинается сооружение первого в мире государства, где государственный капитализм сочетается с классовым властвованием труда над капиталом» [2, с. 12–13].

Существенное изменение советской аграрной политики было осуществлено на основе программных установок X съезда РКП (б), в соответствии с которыми был принят Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г., цель которого заключалась в укреплении крестьянского хозяйства и поднятии его производительности (п. 1)[1]. Натуральный продналог на крестьянское хозяйство был примерно вдвое ниже продразверстки.

Переход к новой экономической политике означал возрождение рыночных отношений, частной хозяйственной инициативы, договорного регулирования, оживление кооперации. Все это дало стимул развитию не только аграрной сферы, но и иных отраслей народного хозяйства [3].

Разработка нового законодательства происходила в крайне сложных условиях, о чем свидетельствует, в частности, письмо председателя Совнаркома В.И. Ленина председателю ВСНХ П.А. Богданову от 23 декабря 1921 г. В нем резкой критике были подвергнуты бюрократические процедуры, связанные с принятием решения о производстве автоплугов системы Фаулера: «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это *поделом* повесят… Впредь будем сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно» [4, с. 86].

Новая экономическая политика внесла большие изменения в строительство колхозов: замена продразверстки более низким продналогом восстановила материальную заинтересованность крестьян в увеличении затрат труда в своем хозяйстве и возродила у части колхозников стремление к индивидуальному хозяйству. Они стали уходить из колхозов [5].

[1] *О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом.* Декрет ВЦИК от 21.03.1921. СУ РСФСР. 1921;26:147.

Отток из колхозов не смогли остановить даже меры, предпринимавшиеся властными органами с целью повысить привлекательность коллективных хозяйств в глазах сельского населения. Так, Декретом 17 ноября 1921 г. было постановлено уравнять коллективные организационно-правовые формы с единоличными хозяйствами с точки зрения налоговой политики и распоряжения произведенной продукцией [6].

Разумеется, данный декрет был направлен на то, чтобы повысить у коммунаров (колхозников) заинтересованность в результатах своего труда и придать колхозам привлекательность в глазах хлеборобов-единоличников, однако практическая ценность этого нормативного акта оказалась невелика.

В итоге, в 1921–1922 гг. были ликвидированы почти все коммуны и сельскохозяйственные артели [7]. Численность сохранившихся в РСФСР колхозов никак не могла быть названа значительной.

Цель данного исследования — выявить особенности эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века.

Материалы и методы. Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, к которым относятся историко-правовой и формально-юридический (догматический). Актуальность изучения историко-правовых источников обусловлена теоретической и практической значимостью темы данной статьи, необходимостью привлечения источников советского периода для ее раскрытия. На протяжении десятилетий советской истории идея множественности историко-правовых источников права отрицалась. Утверждалось, что нормативные акты в социалистическом обществе — единственный или основной носитель, форма бытия юридических норм. Однако постепенно к источникам права стали относить не только нормативные правовые акты, но и партийно-государственные документы, доктринальные источники.

Результаты исследования. Вынужденный отказ большевиков от повсеместной коллективизации, произошедший в начале 1920-х годов XX века, нашел отражение и в сфере законотворчества. Аграрное законодательство периода «военного коммунизма» было отменено. Решение сельскохозяйственных проблем строилось по модели крестьянского Наказа 1917 г., который являлся составной частью Декрета о земле [8].

В частности, в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. (далее — ЗК РСФСР) устанавливалось, что землепользование могло осуществляться либо «в составе земельного общества с подчинением установленному обществом порядку землепользования», либо же индивидуально, «без вхождения в состав земельного общества»[2].

Разработке ЗК РСФСР предшествовало принятие в мае 1922 г. Закона о трудовом землепользовании. В качестве дополнения к этому закону той же сессией ВЦИК был принят Закон о порядке разрешения земельных споров. Необходимость новой нормативной регламентации земельных отношений была настолько неотложной, что проект закона о трудовом землепользовании не успели провести через Совнарком и Президиум ВЦИК, а сразу поставили на обсуждение сессии ВЦИК [9].

В Постановлении ВЦИК о введении в действие Земельного кодекса (п. 8) устанавливалось: «Принимая во внимание, что вопросы землепользования и землеустройства теснейшим образом связаны с условиями и порядком использования лесного фонда, обязать Народный комиссариат земледелия разработать, по соглашению с надлежащими ведомствами, Лесной кодекс, рассматривая его, как продолжение Земельного кодекса» [10, с. 60].

В соответствии с ЗК РСФСР в каждом земельном обществе могли быть установлены те или иные способы землепользования:

– «общинный (с уравнительными переделами земли между дворами);

– участковый (с неизменным размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков);

– товарищеский (с совместным пользованием землею членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуну, артель или товарищество по общественной обработке земли)».

Содержание норм данного кодекса позволяет уверенно говорить о том, что партийно-государственным руководством было признано и юридически обосновано состояние многоукладности в сельском хозяйстве Советской России.

Оценивая Земельный кодекс РСФСР, специалисты констатируют, что принятые в 1922 г. кодексы законов отражали, с одной стороны, развитие рыночных частноправовых отношений, с другой — позволяли советским органам жестко их контролировать. Земельный кодекс исходил из того, что «земля является государственной собственностью, крестьянин же владеет ею на правах пользователя, при жизни он может передавать это право другим, допускалась аренда, но с ограничениями» [11, с. 35].

В 1922 г. с принятием Земельного кодекса законодательно была осуществлена программа крестьянской революции [12]. В 1922–1923 гг. была осуществлена кодификация законодательства, в итоге которой были приняты семь кодексов [13]. Кодификационная деятельность в начальный период нэпа рассматривалась в

[2] *Земельный кодекс РСФСР 1922 г.* СУ РСФСР. 1922;68:901.

непосредственной связи с разработкой государственно-правовых основ аграрного строя на X Всероссийском съезде Советов (декабрь 1922 г.) [14].

В 1924 г. была принята Конституция СССР, а в 1925 г. —Конституция РСФСР. Как отмечают Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин, наблюдается значительная преемственность положений Конституции 1924 г. и Конституции 1918 г. (ст. 20, 51) [15].

В отличие от Конституции РСФСР 1918 г., в которой РСФСР определялась как общество («свободное социалистическое общество всех трудящихся» — ст. 10), статья 2 Конституции РСФСР 1925 г. четко определяла ее как государство. При этом источником власти («носителем верховной власти») устанавливался не народ, а Всероссийский съезд Советов (ст. 3) [16].

Вместе с тем, исключительно классовое понимание прав и свобод человека превалировало в данный период у советских руководителей. Об этом свидетельствует ответ В.И. Ленина одному из лидеров «рабочей оппозиции» Г.И. Мясникову, выступавшему за самодеятельность крестьянства, свободу слова и печати. В письме от 5 августа 1921 г. председатель Совнаркома и лидер партии большевиков указал, что «мы над «чистой демократией» смеемся», призывал «не туманить себе голову «свободой печати», этим «блестящим» болотным огоньком» [17, с. 83].

В ряде нормативных актов (в частности, Декрет ВЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых законами и защищаемых судами РСФСР»[3], Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.[4]) закреплялся комплекс социально-экономических прав, связанных с реализацией новой экономической политики. Однако 20 февраля 1922 г. председатель Совнаркома В.И. Ленин настаивал на том, что «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это — мы, как сказано выше. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не corpus juris romani к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание...» [18, с. 396].

В день написания этого письма до сведения наркома юстиции Д.И. Курского были доведены предложения Ленина о том, что «НКюст должен быть ударным органом для травли частной торговли. НКюст должен ставить образцовые процессы и на этих процессах травить до конца, не ограничиваясь штрафами в сотни миллионов, брать до 90 % прибыли, а то и пустить по миру, чтобы до смерти помнили. Ловить, выслеживать, устраивать западни и ловушки» [11, с. 36].

Даже создатель меновой теории права, в значительной мере отражавшей рыночную форму экономических отношений периода нэпа, заместитель наркома юстиции СССР Е.Б. Пашуканис (1891–1937) утверждал, что «пролетарское государство допускает частную собственность и частный оборот, но с исключительной целью развития производительных сил. Это не что иное, как попытка перевести на язык юридических определений ту мысль, которая лежала в основе новой экономической политики» [19, с. 184–185]. В отличие от него, высланный из страны в административном порядке известный российский ученый, профессор Петербургского сельскохозяйственного института (1907–1922) Б.Д. Бруцкус отмечал, что в конце 1923 г., в разгар нэпа частное предпринимательство осталось без правовой защиты [20].

Видный деятель Всероссийского комитета помощи голодающим Н.М. Кишкин приступил к разработке схемы «российской конституции», которая должна выражать интересы всего населения и которую должны ввести в действие сами Советы [21].

Обсуждение и заключение. Различные аспекты эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя 20-х годов XX века активно обсуждались учеными (С.Н. Захарцев, И.А. Шаповалов, А.П. Угроватов, А.Б. Таранин, П.И. Стучка и др.) [2, 7, 19]. Так, была обоснована точка зрения о том, что нэп был движением страны по социал-демократическим ориентирам. В 20-е годы XX века начинают утверждаться правовые начала, законность и демократия [22]. На наш взгляд, подобные выводы нуждаются в уточняющих формулировках. В частности, Указом Президента РФ от 18 июня 1996 г. «О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов» (п.п. 1–3) осуждены политические репрессии в отношении крестьян – участников восстаний 1918–1922 гг. Подобные репрессии признаны нарушением основных прав человека и гражданина. Установлено, что эти крестьяне не могут быть признаны участниками бандформирований в трактовке пункта «в» статьи 4 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»[5].

Заместитель председателя Совнаркома и СТО Л.Б. Каменев в январе 1924 г. был особо озабочен возможными требованиями демократизации именно со стороны большинства населения — крестьянства: «А разве крестьянское море не может сказать нам: дайте демократию. Поэтому я не желаю сие припечатывать» [11, с. 134].

---

[3] *Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых законами и защищаемых судами РСФСР.* Декрет ВЦИК от 22.05.1922. СУ РСФСР. 1922;36:423.
[4] *Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.* СУ РСФСР. 1922;71:904.
[5] *О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов.* Указ Президента РФ от 18.06.1996. СЗ РФ. 1996;26:3059.

Согласно М.А. Рейснеру, нэп способствовал замедлению развития пролетарского революционного движения, поскольку пролетариату пришлось перейти к более длительной борьбе с буржуазией непосредственно на экономическом фронте [23]. Утверждалось, что «понять право можно, лишь исходя из изучения того классового общества, формой отношений которого является та или иная система права» [24, с. 14]. Как справедливо заключил Г.В. Мальцев, революционные деятели той эпохи не считали возможным тратить время на строительство государства и правовой системы России потому, что в основании нового строя праву места не было [18].

При всем этом специалисты, непосредственно вовлеченные в реализацию политики нэпа, не разделяли подобного нигилистического отношения к праву и правовым гарантиям экономической деятельности на селе. Например, один из лидеров организационно-производственной школы в экономической науке Н.Д. Кондратьев утверждал, что «мало предоставить хозяину свободу деятельности, необходимо создать твердую и ясную правовую гарантию его сельскохозяйственной инициативы» [25, с. 131].

В середине 1920-х гг. советское партийно-государственное руководство провозгласило возможность развития не только коллективных, но и индивидуальных крестьянских хозяйств. В случае, если эти последние представляли собой «передовые», «культурные» хозяйства, стремившиеся к рациональной организации производственного процесса под руководством агрономов и учреждений, они могли рассчитывать на поддержку и поощрение властей [8]. В определенной мере эти «передовые крестьяне» («крестьяне-культурники») некоторое время рассматривались представителями советской власти в качестве возможного дополнительного варианта развития и модернизации советской деревни наряду с колхозами.

На различных партийных и советских форумах, — съездах компартии и Советов, пленумах ЦК партии, правительственных совещаниях, — постоянно звучали программные заявления о безальтернативности кооперации и колхозного движения. Иногда в источниках встречаются и такие выражения, как «колхозовское движение», «коллективистическое движение» [5, с. 114].

III Съезд Советов Союза ССР (май 1925 г.) констатировал, что добровольные кооперативные объединения крестьян-производителей являются наиболее мощным и самым правильным способом поднятия крестьянского хозяйства и что только путем подобного кооперативного объединения мелкое крестьянское хозяйство может избежать закабаления его капиталом и принять активное участие в социалистическом строительстве.

В документах IV Съезда Советов Союза ССР (апрель 1927 г.) указывалось, что по-прежнему в центре внимания всех центральных и низовых органов должно стоять кооперирование крестьянского хозяйства. Развитие сельскохозяйственной кооперации должно обеспечить развитие производительных сил сельского хозяйства в социалистических, а не в капиталистических формах.

Партийные и советские органы РСФСР и СССР предпринимали активные меры для вовлечения крестьянско-казачьего населения в коллективные хозяйства [5]. Колхозам выделялись денежные кредиты и предоставлялись налоговые и иные льготы, чтобы поставить их в лучшие условия в сравнении с единоличными хозяйствами и тем самым заинтересовать крестьян к вступлению в те или иные формы сельскохозяйственных коллективов. Кредитование коллективных хозяйств проводилось под пониженный процент по сравнению с единоличниками. Колхозы облагались налогами (единым сельскохозяйственным налогом, ЕСХН) по сниженным ставкам по сравнению с индивидуальными хозяйствами крестьян. Землеустройство обходилось коллективным хозяйством бесплатно, соответствующие расходы брало на себя государство, проводилось оно вне очереди. Кроме того, колхозы пользовались «преимуществами в отношении качеств и расположении предоставляемых ими земель (право на лучшие и более удобно расположенные земли)» [6, с. 348–349].

Деревня постепенно привыкала к коллективным формам хозяйствования на земле, а некоторая часть крестьянства выражала заинтересованность во вступлении в те или иные коллективы, видя их преимущества перед единоличниками. Сложившуюся ситуацию достаточно точно отражают констатации Съезда колхозов Майкопского округа Северо-Кавказского края в июне 1925 г. о том, что «отношение населения к колхозам резко изменилось к лучшему … наблюдается интерес населения к колхозам и их внутренней жизни и, главное, к результатам их труда, т. к. для всего окружающего населения очевидно, что хозяйство в колхозах ведётся более интенсивно и рентабельно, чем в индивидуальных хозяйствах» [5, с. 116].

Все это проявилось в росте численности коллективных хозяйств. Если в 1922 г. в СССР насчитывалось 14039 различных колхозов (коммун, артелей, ТОЗов), то в 1923 г. — 15951, в 1924 г. — 16277, в 1925 г. — уже 21923» [6, с. 329]. То есть, менее чем за четыре года численность коллективных хозяйств в Советском Союзе выросла больше, чем на одну треть.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. колхозная система не только продолжила существование, но и в результате упорных и последовательных попыток советских властных органов проявить к ней симпатии крестьянства расширила свои количественные параметры. Развитие правовых основ российской колхозно-совхозной системы в период нэпа продолжилось.

Список литературы

1. Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905-1930 гг. *Социс.* 2002;1. URL: https://www.isras.ru/socis_2002_1.html (дата обращения: 24.01.2024).

2. Рейснер М.А. *Государство буржуазии и РСФСР.* Москва: Гос. изд-во; 1923. 419 с.

3. Исаев И.А. *История государства и права России.* Москва: Юрист; 2004. 797 с.

4. Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.И. Курскому 20 февраля 1922 г. В кн.: *Полное собрание сочинений. Издание 5. Том 44. Июнь 1921 – март 1922.* Москва: Политиздат; 1975. С. 396–400.

5. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. *Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя.* Напалкова И.Г., Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. (ред.). Москва: Юрлитинформ; 2020. 384 с.

6. Евтихиев И.И. *Земельное право*. Москва – Ленинград: Гос. сел.-хоз. изд-во «Новая деревня»; 1929. 437 с.

7. Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. *Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения.* Краткий очерк истории. Москва: Колос; 1982. 399 с.

8. Данилов В.П. *История крестьянства России в XX веке.* Избранные труды. В 2-х ч. Ч. 2. Вылцан М.А., Данилова Л.В., Данилова Е.В. (сост.). Москва: РОССПЭН; 2011. 831 с.

9. Чистяков О.И. *Избранные труды*. Москва: Норма; 2008. 416 с.

10. Природоресурсное и природоохранное законодательство РСФСР. В: *Памятники российского права.* В 35 т. Т. 25. Боголюбов С.А., Хачатуров Р.Л. (общ. ред.). Москва: Юрлитинформ; 2016. 446 с.

11. Гимпельсон Е.Г. *Нэп и советская политическая система*. Москва: Ин-т рос. истории РАН; 2000. 437 с.

12. Кондрашин В.В. *Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.* Москва: Янус-К.; 2001. 542 с.

13. Черногор Н.И., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права. *Журнал российского права*. 2017;(10(250)):5–13. https://doi.org/10.12737/article_59c4cb55295b01.61454320

14. *Десятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23-27 декабря 1922 года)*: Стенографический отчет с приложениями. Москва: ВЦИК; 1923. 226 с.

15. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. *Конституционное право России*: учебник. Москва: Юристъ; 2008. 585 с.

16. Краснов Ю.К. *Государственное право России. История и современность.* Москва: Юристъ; 2002. 733 с.

17. Ленин В.И. Г.И. Мясникову. 5 августа 1921 г. В кн.: *Полное собрание сочинений. Издание 5. Том 44. Июнь 1921 – март 1922.* Москва: Политиздат; 1970. С. 78–83.

18. Мальцев Г.В. *Понимание права: Подходы и проблемы.* Москва: Прометей; 1999. 419 с.

19. Пашуканис Е.Б. *Избранные произведения по общей теории права и государства*. Москва: Наука; 1980. 270 с.

20. Бруцкус Б.Д. О новой экономической политике. ЭКО. 1989;(10):84–93.

21. *Россия. XX век. Всероссийский комитет помощи голодающим.* Документы. Тополянский В.Д. (сост.). Москва: МФД; 2014. 667 с.

22. *Теория государства и права.* Корельский В.М., Перевалов В.Д. (ред.). Москва: Норма; 2002. 616 с.

23. Рейснер М.А. *Право: Наше право. Чужое право. Общее право.* Ленинград – Москва: Гос. изд-во; 1925. 276 с.

24. *Энциклопедия государства и права.* Т. 2. Стучка П.И. (ред.). Москва: Изд-во Коммунистической Академии; 1925–1927. 1456 стлб.

25. Голанд Ю. Политика и экономика: Очерки общественной борьбы 20-х годов. *Знамя.* 1990;(3):116–153.

References

1. Shanin T. Socio-Economic Mobility and History of Rural Russia 1905-1930. *Socis*. 2002;1. URL: https://www.isras.ru/socis_2002_1.html (accessed: 24.01.2024). (In Russ.).

2. Reisner MA. *The Bourgeois State and the RSFSR*. Moscow: State Publishing House; 1923. 419 p. (In Russ.).

3. Isaev IA. *History of the Russian State and Law*. Moscow: Yurist; 2004. 797 p. (In Russ.).

4. Lenin VI. On the Objectives of the People's Commissariat of Justice in the Context of the New Economic Policy. Letter to D.I. Kursky of February 20, 1922. In book: *The Complete Works. Edition 5. Volume 44. June 1921 – March 1922*. Moscow: Politizdat; 1975. P. 396–400. (In Russ.).

5. Berlyavsky LG, Bondarev V.A. *The Formation of the State-Legal Foundations of the Soviet Agrarian System*. Napalkova IG, Berlyavsky LG, Bondarev VA (eds.). Moscow: Yurlitinform; 2020. 384 p. (In Russ.).

6. Evtikhiev II. *Land Law*. Moscow – Leningrad: State Agricultural Publishing House “Novaya derevnya”; 1929. 437 p. (In Russ.).

7. Vyltsan MA, Danilov VP, Kabanov VV, Moshkov YuA. *Collectivization of Agriculture in the USSR: Ways, Forms, Achievements*. A Brief Essay. Moscow: Kolos; 1982. 399 p. (In Russ.).

8. Danilov VP. *The History of the Peasantry of Russia in the XX Century*. Selected Works. In 2 Parts. Part 2. Vyltsan MA, Danilova LV, Danilova EV (eds.). Moscow: ROSSPEHN; 2011. 831 p. (In Russ.).

9. Chistyakov OI. *Selected Works*. Moscow: Norma; 2008. 416 p. (In Russ.).
10. Natural Resource and Environmental Legislation of the RSFSR. In: *Monuments of the Russian Law. In 35 Vols. Vol 25*. Bogolyubov SA, Khachaturov RL (eds.). Moscow: Yurlitinform; 2016. 446 p. (In Russ.).
11. Gimpelson EG. *NEP and the Soviet Political System*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 2000. 437 p. (In Russ.).
12. Kondrashin VV. *The Peasant Movement in the Volga Region in 1918-1922*. Moscow: Yanus-K.; 2001. 542 p. (In Russ.).
13. Chernogor NI, Pashentsev DA. The October Revolution and the Evolution of Russian Law. *Journal of Russian Law*. 2017;(10(250)):5–13. https://doi.org/10.12737/article_59c4cb55295b01.61454320 (In Russ.).
14. *The Tenth All-Russian Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army's and Cossacks' Deputies (December 23-27, 1922)*: Verbatim Records with Appendices. Moscow: VTSIK; 1923. 226 p. (In Russ.).
15. Kozlova EI, Kutafin OE. *Constitutional Law of Russia: Coursebook*. Moscow: Yurist; 2008. 585 p. (In Russ.).
16. Krasnov YuK. *State Law of Russia. History and Modernity*. Moscow: Yurist; 2002. 733 p. (In Russ.).
17. Lenin VI. To G.I. Myasnikov. August 5, 1921 In book: *The Complete Works. Edition 5. Volume 44. June 1921 – March 1922*. Moscow: Politizdat; 1970. P. 78–83. (In Russ.).
18. Maltsev GV. *Understanding Law: Approaches and Problems*. Moscow: Prometei; 1999. 419 p. (In Russ.).
19. Pashukanis EB. *Selected Works on the General Theory of Law and the State*. Moscow: Nauka; 1980. 270 p. (In Russ.).
20. Brutskus BD. *On the New Economic Policy*. ECO. 1989;(10):84–93. (In Russ.).
21. *Russia. XX century. All-Russian Famine Relief Committee.* Documents. Topolyanskii VD (ed.). Moscow: MFD; 2014. 667 p. (In Russ.).
22. *Theory of State and Law*. Korelskii VM, Perevalov VD (eds.). Moscow: Norma; 2002. 616 p. (In Russ.).
23. Reisner MA. *Law: Our Law. Other People's Law. Common Law*. Leningrad – Moscow: State Publishing House; 1925. 276 p. (In Russ.).
24. *Encyclopedia of State and Law*. *Vol. 2*. Stuchka PI (ed.). Moscow: Publishing House of the Communist Academy; 1925–1927. 1456 column. (In Russ.).
25. Goland Yu. Politics and Economics: Essays on the Social Struggle of the 20s. *Znamya*. 1990;(3):116–153. (In Russ.).

Об авторе:

Леонид Гарриевич Берлявский, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), ORCID, berlg@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 29.01.2024
Поступила после рецензирования 21.02.2024
Принята к публикации 27.02.2024

About the Author:

Leonid G. Berlyavsky, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, RF), ORCID, berlg@yandex.ru

Conflict of interest statement: the author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Received 29.01.2024
Revised 21.02.2024
Accepted 27.02.2024

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Научная статья

УДК 342.5
https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-47-53

EDN: IRAXCX

Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности

М.В. Алексеева[1, 2], Е.А. Филимонова[1] ✉

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
[2] Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ lenarnd1008@mail.ru

Аннотация

Введение. Одним из первостепенных объектов обеспечения национальной безопасности любого государства, как независимого и самостоятельного субъекта в мировой политической системе координат, является его суверенитет. Категория суверенитета является основополагающей в формулировании принципов национального конституционного права и международного права. Обеспечение суверенитета является одной из важнейших функций и задач современного российского государства. В статье анализируются государственная политика и ее правовая основа по обеспечению национальной безопасности, заостряется внимание на угрозах и кризисе в системах как международной, так и национальной безопасности. Актуальность исследования обусловлена избирательным подходом со стороны некоторых государств к выполнению взятых на себя обязательств по соблюдению общепризнанных принципов международных взаимоотношений. Отмечается, что принцип национального суверенитета государств формально сохраняется, но постоянно нарушается по средневековому «праву сильного» в отношении более слабых государств. Рассматриваются актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности. Акцентируется внимание на необходимости выработки мер, направленных на своевременное и эффективное их предотвращение. Цель исследования — проанализировать понятие «суверенитет», выявить внешние и внутренние угрозы суверенитету России и выработать рекомендации относительно стратегических национальных приоритетов.

Материалы и методы. Исследование проводилось с применением общенаучных и частнонаучных методов научного познания, в частности, диалектического метода, контент-анализа нормативных правовых актов, юридической компаративистики, а также системный, структурно-функциональный, логический и другие методы.

Результаты исследования. В ходе исследования проанализированы такие понятия, как «суверенитет», «национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты». Дана оценка современному состоянию миропорядка, а также рассмотрены направления и тенденции его реформирования. Выявлены внешние и внутренние угрозы суверенитету России и обозначены стратегические цели в сфере обеспечения национальной безопасности.

Обсуждение и заключение. По результатам проведенного исследования доказано, что необходимо качественно изменить методологические и концептуальные основы национальной и международной безопасности. Следует четко придерживаться национальных приоритетов, целей и выработанной стратегии для противодействия различным угрозам национальной безопасности. Данная работа представляется значимой для российской юридической науки, а также субъектов правотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: национальная безопасность, международная безопасность, суверенитет, противодействие угрозам национальной безопасности, национальные интересы, глобализация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(1):47–53. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-47-53

Research article

Topical Issues of Counteracting the Threats to National Security

Marina V. Alekseeva[1, 2], **Elena A. Filimonova**[1]
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation
lenarnd1008@mail.ru

Abstract

Introduction. One of the primary important objects for ensuring the national security of any state, as an independent and self-sustained subject of the system of global policy coordinates, is its sovereignty. The sovereignty is the fundamental category in formulating the principles of the national constitutional and international law. Ensuring the sovereignty is one of the most important functions and tasks of the modern Russian state. The article analyses the state policy and its legal basis for ensuring the national security, it focuses on the threats and crises in both the international and national security systems. The research is relevant due to studying the selective approach of some states to fulfilling their obligations to adhere to the commonly recognised principles of the international relations. It is emphasised, that although formally observed, the principle of national sovereignty of the states is constantly violated when referred to the weaker states according to the medieval "right of the strong". The topical issues of counteracting the threats to national security are investigated. Attention is focused on the need to develop the measures aimed at timely and efficient prevention thereof. The aim of the study is to analyse the concept of "sovereignty", identify the external and internal threats to the sovereignty of Russia and develop recommendations on the strategic national priorities.

Materials and Methods. The research was conducted using the general and specific methods of scientific cognition, in particular, the dialectical method, content analysis of the normative legal acts, juridical comparativistics, as well as systemic, structural-functional, logical and other methods.

Results. Within the research such concepts as "sovereignty", "national interests of the Russian Federation and strategic national priorities" have been analysed. The assessment of the current state of the world order is given, as well as the directions and trends of its reform are studied. The external and internal threats to the sovereignty of Russia have been identified and strategic goals in the field of ensuring the national security have been outlined.

Discussion and Conclusion. Based on the results of the conducted research, it was proved that the qualitative change of the methodological and conceptual foundations of the national and international security is required. To counteract the different national security threats, it is necessary to adhere to the national priorities, goals and the developed strategy. The present paper deems to be important for the Russian juridical science, as well as for the subjects of lawmaking and law enforcement.

Keywords: national security, international security, sovereignty, counteracting the threats to national security, national interests, globalization

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions for their improvement that have contributed to enhancement of the quality of the article.

For citation. Alekseeva MV, Filimonova EA. Topical Issues of Counteracting the Threats to National Security. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(1):47–53. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-47-53

Введение. В условиях глобализации вынуждены констатировать, что Вестфальская система межгосударственных отношений (поствестфальский мир) претерпевает изменения, можно сказать, что находится в критическом состоянии. Большинство национальных государств как основных субъектов международных отношений и процессов по-прежнему стремятся соблюдать заложенный Вестфальским договором принцип «каждой нации — государство». За почти четыре века, вплоть до настоящего времени, основой мирового порядка был принцип невмешательства во внутренние дела других государств, признание их суверенитета.

Понятие суверенитета появилось задолго до заключения Вестфальского мира, — его сформулировал французский политик и философ XVI века Ж. Боден, — как постоянную, абсолютную и неделимую верховную власть над гражданами (или поданными) государства, управляющую домохозяйствами и общим имуществом; власть не может одновременно принадлежать и монарху, и народу [1].

Однако планы господства одной цивилизации над другой привели в действие силы, появившиеся в ответ на слом всего уклада жизни народов Ближнего и Среднего Востока. Характеристикой современного мира, к сожалению, стал терроризм, появление государства, претендующего на силу, с которой должны считаться другие государства.

Под процессы насильной «демократизации» государства, ее осуществляющие, стремятся подвести идеологическую платформу, т.е. придать военному вмешательству во внутренние дела других государств легитимный характер. Идеологию гегемонизма составляют концепции о необходимости «демократизации» всего мира, о расширении Североатлантического альянса. США говорят о приоритете обеспечения своих национальных интересов перед интересами остального мира, для чего приняли доктрину превентивных войн и др. США считают себя самой великой страной, навязывают эту идею всем остальным государствам. Принцип вестфальского мира (равно как и международная норма) невмешательства во внутренние дела других государств стал заменяться на принцип «гуманитарной интервенции». Идеологема «гуманитарной интервенции» включала в себя оправдание необходимости вмешательства из-за случаев нарушения прав граждан в этой стране до степени гуманитарной катастрофы. Видимо, идеологи такого вмешательства не считали гуманитарной катастрофой распад страны, последующие хаос, потоки беженцев, терроризм, рост преступности.

Политика ядерного сдерживания позволяет миру балансировать на грани ядерного коллапса, не давая ему скатиться в пропасть всепланетарной гибели. Но конфликтный потенциал в отношениях между нациями и народами сохранился, перейдя в локальную форму. И очень часто, как свидетельствует история, конфликты на этнической или религиозной почве перерастали во внутригосударственные и межгосударственные войны.

Неурегулированный конфликтный потенциал содержится в принципах международного права, таких как «принцип территориальной целостности государств» и «право народов на самоопределение». В Хельсинкском акте, принятом в 1975 году на Заключительном совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, говорится, что государства обязуются уважать суверенитет друг друга и право каждого государства на территориальную целостность, политическую независимость. Государства также будут воздерживаться от применения силы против территориальной целостности государств. Право народов на самоопределение как таковое не было провозглашено, но записано в Хельсинском заключительном акте как «равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой»[1]. Однако факты говорят об избирательном подходе со стороны некоторых государств к выполнению взятых на себя обязательств по соблюдению принципов международных взаимоотношений.

Таким образом, принцип национального суверенитета государств формально сохраняется, но постоянно нарушается по средневековому «праву сильного» в отношении более слабых государств. Что привело к заявлениям о необходимости если не отмены, то ослабления принципа суверенитета государств, об узаконивании силового вмешательства во внутренние дела тех стран, которые объявляются «государствами – неудачниками», по мнению отдельных мировых лидеров-гуру, под предлогом того, что там якобы нарушаются права граждан, согласно шкале западноевропейских ценностей, которые объявлены общечеловеческими.

Цель исследования — проанализировать понятие «суверенитет», выявить внешние и внутренние угрозы суверенитету России и выработать рекомендации относительно стратегических национальных приоритетов.

Материалы и методы. Исследование проводилось с применением общенаучных и частнонаучных методов научного познания, в частности, диалектического метода, контент-анализа нормативных правовых актов, юридической компаративистики, а также системный, структурно-функциональный, логический и другие методы.

Использование структурно-функционального метода способствовало выявлению угроз национальной безопасности (внешних и внутренних) и степени их влияния на деятельность органов государственной власти Российской Федерации. С помощью анализа и логического метода были изучены понятие и содержание национальной безопасности, суверенитета, показан механизм действия актов стратегического планирования в сфере национальной безопасности. Синтез позволил раскрыть национальную безопасность как явление, включающее безопасность человека, государства и общества.

Результаты исследования. Одним из первостепенных объектов обеспечения национальной безопасности любого государства является его суверенитет как независимого и самостоятельного субъекта в мировой политической системе координат. Обеспечение суверенитета является одной из важнейших функций и задач современного российского государства.

[1] *Хельсинкский заключительный акт от 1 августа 1975 г.* URL: https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505 (дата обращения: 02.02.2024).

В Стратегии национальной безопасности РФ от 2021 года расширено и конкретизировано такое понятие, как «национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты» — это:

1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений[2].

Как видно из положений, особый акцент сделан на обеспечении суверенитета и территориальной целостности российского государства.

Отечественными учеными, сделавшими вклад в теорию обеспечения суверенитета российского государства в дореволюционный период, были В.В. Ивановский [2], Н.И. Палиенко [3] и другие.

Крупнейшим представителем отечественной дореволюционной науки в области политической социологии и государственного права был В.В. Ивановский, который называл себя социологом-государствоведом. Особую известность получили его труды по сравнению самоуправления в России и за рубежом, а также по взаимоотношениям власти и общества. В.В. Ивановский придерживался твердого убеждения, что в основе государственной власти как политической организации лежит принцип принуждения, что и обеспечивает суверенитет государства. Но в государственной системе есть два базовых элемента: народ и верховная власть, которые не могут существовать изолированно, их взаимодействие и поддерживает состояние суверенного государства [2].

Н.И. Палиенко является одним из российских ученых, который разработал широкую теорию суверенитета, начиная с его исторических корней в античную эпоху, проведя исследование его разнообразия, в зависимости от типов государств. Он провел анализ существовавших на начало XX века теорий суверенитета и дал свое определение его как правового понятия, в основе которого лежит верховенство высшей власти на территории государства. Ученый считал, что пока существуют власть и право, будет существовать и суверенитет, но отрицательно относился к пониманию суверенитета как неограниченного свойства власти [3].

Вклад в развитие теории суверенитета сделали такие советские ученые, как Г.В. Игнатенко [4], И.Д. Левин [5] и другие.

Г.В. Игнатенко формулировал понятие суверенитета как верховенства государственной власти на территории государства и по отношению к гражданам страны, а также как полную независимость в отношениях с другими государствами [4].

И.Д. Левин определял суверенитет как полновластие государства, подчеркивая его механизм принуждения и неограниченность власти [5]. Современники критиковали подход автора к некоторым его позициям. Так, прокурор СССР А.Я. Вышинский, известный своим участием в сталинских репрессиях 1937–1939 гг., считал, что принуждение имеют право применять и другие организации, кроме государства [5]. Учитывая, что монография И.Д. Левина «Суверенитет» была написана в 1949 году, в период тотального давления коммунистической идеологии, приходится согласиться с автором предисловия к монографии, что утверждение о неограниченности власти государства является неоднозначным, так как должны существовать такие ее ограничители, как закон и справедливость.

Категория суверенитета является основополагающей в формулировании принципов национального конституционного права и международного права. Государство самостоятельно принимает решения во взаимоотношениях с другими субъектами международных отношений. Принцип суверенитета, закрепленный в

[2] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (дата обращения: 02.02.2024).

Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 3)[3], означает верховенство государственной власти на всей территории государства, ее независимость и самостоятельность. На территории государства осуществляется судебная, исполнительная и законодательная власть во всей ее полноте.

Статья 79 Конституции РФ закрепляет за государственной властью функцию участия России в международных организациях, передачу определенных полномочий от имени государства при заключении международных договоров при соблюдении основ конституционного строя России и исключения нарушения прав и свобод человека и гражданина.

При определении угроз суверенитету России в первую очередь следует выделить внешнюю угрозу, проявляющуюся как в деятельности отдельных иностранных государств, так и военных блоков. Североатлантический альянс (НАТО) расширяется на восток и принимает в свою организацию государства, граничащие с Россией. В настоящее время продолжаются попытки НАТО полностью поставить под свой контроль страны постсоветского пространства, имеющие общую границу с Россией.

В числе внутренних угроз суверенитету России как федеративному государству находятся притязания некоторых субъектов федерации на собственный государственный суверенитет. В этом вопросе еще в 1992 году годы был определен правовой порядок, требовавший соблюдения Конституции РФ. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении по Республике Татарстан отметил, что «… Декларация о государственном суверенитете Татарстана совершенно не упоминает о том, что республика состоит в Российской Федерации. Декларация о государственном суверенитете Татарстана совершенно не упоминает о том, что республика состоит в Российской Федерации»[4]. Органам власти Татарстана было предложено привести нормативные акты в соответствие с федеральным законодательством, что впоследствии и было сделано.

Главной и конечной целью обеспечения национальной безопасности в политической сфере является обеспечение внешнего и внутреннего суверенитета Российской Федерации. Данная цель определяет и структуру системы национальной безопасности, и применяемые политико-правовые механизмы ее обеспечения. Национальную безопасность зачастую трактуют как способность государства обеспечивать защиту своих граждан [6]. Действительность диктует условия, при которых ни один аппарат национальной безопасности не имеет возможности самостоятельно справляться и предусматривает сотрудничество между государствами и грамотно стратегически выстроенную международную политику.

Одной из основных проблем, с которыми приходится сталкиваться в области обеспечения национальной и глобальной безопасности, является ситуация, в которой решение проблем обеспечения национальной безопасности конкретного государства тесно взаимосвязано с тем фактом, что потребности в безопасности одного государства не могут быть реалистично рассмотрены без учета потребностей в безопасности других государств [7]. Решение данной проблемы напрямую связано с реализацией мер в рамках международной политики, направленных на достижение конструктивного, взаимовыгодного консенсуса как среди политических лидеров, так и со стороны агрессоров, намеревающихся затронуть национальные интересы оппонента.

Помимо вышеуказанной проблемы существует непостоянная, но более ощутимая и актуальная — это проблема разоружения и необходимости нераспространения оружия массового поражения, ядерного оружия. Жесткая позиция многих государственных деятелей в области разоружения требует развития морального сознания мировой общественности, подкрепленное сотрудничеством на международном уровне. Но, к сожалению, это — идеальная модель взаимопонимания и содействия, оторванная от существующих реалий. Недоверие на глобальном уровне, даже после окончания «холодной войны», заставляет думать, что, возможно, она на самом деле не закончилась, а просто видоизменилась. В настоящее время изменилось отношение и к киберзащищенности как элементу национальной безопасности. Вопросу обеспечения информационной безопасности во всем мире уделяется повышенное внимание.

Обсуждение и заключение. Непрерывные и значительные политические, экономические, социальные и экологические изменения будут отмечены в ближайшие годы во всем мире. Передовые информационные технологии усилят дисгармонию в таких обстоятельственных характеристиках, как неравенство, глобализация, политика и коррупция. В свою очередь возникновение дисбаланса в системе государственного управления спровоцирует протесты и насильственную мобилизацию.

[3] *Конституция Российской Федерации.* Принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595%20(дата обращения: 02.02.2024).

[4] *По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР», Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года «О референдуме Татарской ССР», постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан.* Постановление Конституционного Суда РФ № 3-П от 13.03.1992.URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1675704/#ixzz5gR7MWwl3 (дата обращения: 02.02.2024).

Сегодня, несмотря на появление и развитие новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексную структуру, наблюдается укрепление позиций России в геополитическом пространстве. Для предотвращения и парирования угроз национальной безопасности необходимо выстраивание международных отношений, прежде всего направленных на защиту национальных интересов России. Наша страна показывает свою готовность к защите прав и свобод граждан, в том числе вне пределов её территории. Защита суверенитета, независимости, территориальной целостности государства остаются незыблемыми и неизменными.

В связи с нарастающей тенденцией потери духовно-нравственных ориентиров, Россией принято решение о возрождении традиционных ценностей. Совершенствование государственной системы патриотического воспитания подрастающего поколения должно стать основой Российской государственности. Ключевым аспектом является формирование патриотических чувств и уважения к стране в процессе изучения истории России.

Приоритетными направлениями при становлении и консолидации элементов и структур гражданского общества являются традиционные семейные ценности, а также свобода и гуманизм. Для укрепления межнационального согласия и развития этнополитического взаимодействия возрождается идея о дружбе и единстве народов страны.

Крайне важно в сложившихся условиях адекватно оценивать ситуацию и состояние международных отношений и применять эффективные меры, делать последовательные шаги к развитию многополярности международной системы. Упорядочению деятельности субъектов государственного управления по обеспечению национальной безопасности будет способствовать дальнейшее изучение правового режима противодействия факторам-угрозам национальной безопасности [8].

Таким образом, необходимо качественно изменить методологические и концептуальные основы национальной и международной безопасности [9]. Следует четко придерживаться национальных приоритетов, целей и выработанной стратегии для противодействия различным угрозам национальной безопасности.

Список литературы

1. Баязитова Г.И. *Политико-правовые воззрения Жана Бодена.* Дис. канд. ист. наук. Тюмень; 2006. 204 с.

2. Ивановский В.В. *Административное устройство наших окраин.* Казань: Тип. имп. ун-та; 1891. 47 с.

3. Палиенко Н.И. *Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение.* Ярославль: Тип. Губ. правл.; 1903. 591 с.

4. Игнатенко Г.В., Карташкин В.А., Клименко Б.М., Лукашук И.И., Мовчан А.П., Мюллерсон Р.А. и др. *Курс международного права: Основные принципы международного права.* В 7 т. Т. 2. Лукашук И.И. (отв. ред.). Москва: Наука; 1989. 239 с.

5. Левин И.Д. *Суверенитет.* Монография. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс»; 2003. 373 с.

6. Чикенёва И.В., Гильмуллина Д.А. Правовые Основы национальной безопасности Российской Федерации. *Известия ОГАУ.* 2013;(6(44)):236–238.

7. Юрков Н.К. *К проблеме обеспечения глобальной безопасности.* В: Труды международного симпозиума «Надежность и качество». В 2 т. Т. 1. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та; 2012. С. 6–8.

8. Путинцев А.В. *Правовой режим противодействия факторам-угрозам национальной безопасности России.* Дис. канд. юрид. наук. Казань; 2021. 222 с.

9. Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. *Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат.* Москва: АНО ЦСОиП; 2021. 172 с.

References

1. Bayazitova GI. *Political and Legal Views of Jean Bodin*. Cand.Sci. (History) Dissertation. Tyumen; 2006. 204 p. (In Russ.).

2. Ivanovskii VV. *The Administrative Structure of Our Suburbs*. Kazan: Imperial University Publ.; 1891. 47 p. (In Russ.).

3. Palienko NI. *Sovereignty. The Historical Development of the Idea of Sovereignty and Its Legal Significance*. Yaroslavl: Tipografiya Gubernskogo pravleniya; 1903. 591 p. (In Russ.).

4. Ignatenko GV, Kartashkin VA, Klimenko BM, Lukashuk II, Movchan AP, Myullerson RA, et al. *The Course of International Law: The Basic Principles of International Law.* In 7 Vols. Vol. 2. Lukashuk II (ed.). Moscow: Nauka Publ.; 1989. 239 p. (In Russ.).

5. Levin ID. *Sovereignty*. Monograph. St. Petersburg: Law Center Press Publ.; 2003. 373 p. (In Russ.).

6. Chikeneva IV, Gilmullina DA. Legal Foundations for the National Security of the Russian Federation. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2013;(6(44)):236–238. (In Russ.).

7. Yurkov NK. On the Problem of Ensuring Global Security. In: *Proceedings of the International Symposium “Reliability and Quality”*. In 2 Vols. Vol. 1. Penza: Penza State University Publ.; 2012. P. 6–8. (In Russ.).

8. Putintsev AV. *The Legal Regime for Countering Threats to National Security of Russia*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kazan; 2021. 222 p. (In Russ.).

9. Grinyaev SN, Mareev PL, Medvedev DA. *National Security of Russia: Essence, Types, Conceptual Apparatus.* Moscow: Autonomous Non-Profit Organization “Center of Strategic Assessments and Forecasts” Publ.; 2021. 172 p. (In Russ.).

Об авторах:

Марина Владимировна Алексеева, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Буденновский, 20), ORCID, ScopusID, alekseeva80@yandex.ru

Елена Александровна Филимонова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, lenarnd1008@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М.В. Алексеева — формирование основной концепции, подготовка текста, формирование выводов.

Е.А. Филимонова — определение методологии исследования, анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 05.02.2024
Поступила после рецензирования 04.03.2024
Принята к публикации 11.03.2024

About the authors:

Marina V. Alekseeva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), Associate Professor of the State Legal Disciplines Department, Rostov branch of the Russian Customs Academy (20, Budennovskii Ave., Rostov-on-Don, 344002, RF), ORCID, ScopusID, alekseeva80@yandex.ru

Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, lenarnd1008@mail.ru

Claimed contributorship:

MV Alekseeva: formulating the main concept, preparing the text, formulating the conclusions.

EA Filimonova: defining the research methodology, analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of interest statement: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Received 05.02.2024
Revised 04.03.2024
Accepted 11.03.2024

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Научная статья

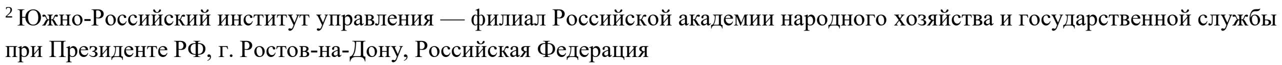
УДК 342.5:338.246

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-54-63

EDN: KWPYCH

Угрозы продовольственной безопасности российского государства в современных условиях

С.И. Кузина[1,2] ✉, **И.Г. Сагирян**[1]

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[2] Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ svivk@yandex.ru

Аннотация

Введение. Национальная безопасность любого государства обеспечивается развитием разных сфер его жизнедеятельности — духовной, политической, военной, экономической и других сфер. Однако базовой областью существования любого общества является наличие качественно и количественно доступного гражданам продовольствия. Поэтому целью государственной социально-экономической политики России является обеспечение продовольственной безопасности населения. В статье анализируется государственная политика и практика России по парированию угроз продовольственной безопасности страны в современных сложных геополитических условиях. Актуальность исследования системы продовольственной безопасности российского государства заключается в том, что одним из приоритетов государственной социально-экономической политики является разработка мер по предотвращению и отражению угроз продовольственной безопасности как базового условия существования любого общества. Целью исследования является анализ критериев эффективности государственного управления по обеспечению продовольственной безопасности страны, рассмотрение современной ситуации и выявление существующих угроз в этой области, а также предложение мер по их парированию.

Материалы и методы. Исследование проводилось с применением методов структурно-функционального, статистического анализа, с помощью контент-анализа нормативных правовых актов, регулирующих сферу продовольственной безопасности как национального, так и международного уровней, историко-сравнительного метода, компаративистики и других.

Результаты исследования. Проанализировано современное состояние системы продовольственной безопасности в России как составляющей национальной безопасности государства. Рассмотрены нормативные документы и статистические данные о состоянии продовольственной безопасности в России. Предложены меры по обеспечению продовольственной безопасности Российской Федерации за счет расширения отечественного производства экологически чистой и безопасной для здоровья людей продукции и других направлений, что является необходимым условием сохранения населения нашей страны, природы и достойного уровня жизни россиян.

Обсуждение и заключение. Уровень обеспечения продовольственной безопасности государства существенно вырос, но не достиг нормативных пороговых значений по всему перечню товаров. Обеспечение россиян качественным продовольствием в его ценовой доступности остается рискогенным фактором. Экономические санкции, введенные против России западными странами, являются новой формой гибридной войны. Сделанные в результате исследования выводы призваны дополнить и расширить научное знание об условиях обеспечения продовольственной безопасности российского государства, что является важнейшей заботой правительства, так как пища является базовым условием существования всего живого на планете. От обеспечения продовольственной безопасности зависит независимость государства, его национальный суверенитет.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, национальная безопасность, качество пищевой продукции, ценовая доступность продуктов питания, угроза продовольственной безопасности

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Кузина С.И., Сагирян И.Г. Угрозы продовольственной безопасности российского государства в современных условиях. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(1):54–63. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-54-63

Research article

Threats to the Food Security of the Russian State in the Modern Settings

Svetlana I. Kuzina[1, 2], **Inga G. Sagiryan**[1]

[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

svivk@yandex.ru

Abstract

Introduction. National security of any state is ensured through development of the various spheres of its life — spiritual, political, military, economic and others. However, the fundamental factor ensuring existence of any society is availability of accessible quality and quantity of food to the citizens. Therefore, the goal of the state socio-economic policy of Russia is to ensure people's food security. The article analyses the state policy and practices of Russia in countering the threats to the food security of the country in the modern difficult geopolitical settings. The relevance of studying the food security system of the Russian state is induced by one of the priorities of the state socio-economic policy implying the development of the food security threat preventing and countering measures as the fundamental condition of existence of the society. The aim of the study is to analyse the criteria of the state governance efficiency on ensuring the food security of the country, to study the state of the art in this field as well as to identify the existing threats and propose the countering measures.

Materials and Methods. The research was conducted using the methods of structural-functional and statistical analysis, content analysis of the normative legal acts in the field of food security, at both national and international levels, the comparative-historical method, comparativism and other methods.

Results. The state of the art of the food security system of Russia, which is an integral part of the national security of the state, has been analysed. The regulatory documents and statistical data on the state of the art of the food security of Russia have been investigated. The measures for ensuring the Russian Federation food security have been proposed through expansion of the domestic production of the environmentally friendly and safe for the human health products and other kind of products that is a necessary condition for preserving the population and the nature of our country and the decent standard of living of the Russian citizens.

Discussion and Conclusion. The degree of ensuring the state food security has significantly improved, but has not reached the normative threshold values for the whole range of goods. Provision of the high-quality affordable food to the Russian citizens remains a riskogenics factor. The economic sanctions imposed by the Western countries against Russia are a new form of the hybrid warfare. The conclusions drawn upon the research aim to supplement and expand the scientific knowledge on the conditions of ensuring the food security of the Russian state that is the most important concern of the government, because food is the basic condition for existence of all the living beings on the planet. The independence of the state and its national sovereignty depend on ensuring the food security.

Keywords: food security, national security, quality of food products, affordability of food products, threat to the food security

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions on their improvement which have fostered the quality of the article.

For citation. Kuzina SI, Sagiryan IG. Threats to the Food Security of the Russian State in the Modern Settings. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(1):54–63. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-54-63

Введение. Начало 20-х годов XXI века были для мира достаточно сложными: пандемия нарушила цепочки продовольственных поставок, и геополитические конфликты последних лет усугубили ситуацию угрозы голода для населения многих странах. Проблема продовольственной безопасности становится одной из важнейших для развития мирового сообщества [1, 2]. Для современного государства в его деятельности по обеспечению национальной безопасности важным является соотношение сфер обеспечения разных видов безопасности — продовольственной, экологической, военной, духовной и других, и это соотношение не является статичным. В деятельности государства по обеспечению национальной безопасности должны соблюдаться определенные приоритеты при сохранении разумного баланса между видами. Представляется, что одним из приоритетов

государственной социально-экономической политики является обеспечение продовольственной безопасности как базового условия существования любого общества.

Приоритетом обеспечения продовольственной безопасности страны является такой уровень собственного производства продуктов питания, который может дать или полное самообеспечение, или поддержание критического порога наличия собственного производства. Вторым приоритетом считается максимальное обеспечение экологически чистой продукции. Экологическая безопасность России в настоящее время выходит на уровень продовольственного самообеспечения. И по основным продуктам этот уровень достаточно высок. Также одной из задач, решаемых российским государством, является физическая и ценовая доступность продовольственных продуктов для населения. Достижение поставленных целей является одним из решающих условий сохранения населения нашей страны, ее природных ресурсов, обеспечение суверенитета и национальной безопасности России. В настоящее время существуют научно разработанные критерии предельно-критических объемов и качества продовольственных продуктов, исключающие зависимость государства от политической ситуации на внешнем рынке и обеспечивающие национальную безопасность страны.

Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в сфере обеспечения населения продовольствием требуют принятия превентивных и оперативных мер в самых разных отраслях как экономического, правового, так и административного характера. Меры по парированию таких угроз должны иметь под собой обоснование, быть прогнозируемы на основе текущей ситуации путем экстраполирования ее на определенный предстоящий период.

Безопасности государства, общества и личности посвящено достаточное количество работ таких зарубежных авторов, как Э. Гидденс, Дж.С. Милль [3, 4] и других; отечественных — Ю.И. Авдеев, А.В. Возженков, М.Ю. Зеленков, Р.А. Явчуновская [5–8] и других. Продовольственной безопасности посвятили свои исследования И. Ушачев, Т.В. Ускова [9, 10] и другие авторы.

Мировые процессы, международные отношения в настоящее время характеризуются высоким уровнем сложных взаимосвязей и непредсказуемости. Глобальные торговые связи были подвержены рискам разрушения цепочек поставок, что повлекло за собой кризисные явления в области продовольственной безопасности во всем мире. До недавнего времени научная мысль в области обеспечения национальной безопасности России занималась в основном оборонной, региональной, глобальной сферами. Но по мере нарастания санкционного давления на Россию, роста числа блокировок взаимодействия экономических субъектов, запрета импорта техники и технологий в нашу страну, начиная с 2014 года, угрозы продовольственной безопасности и зависимости от импортных поставок резко выросли. Российские власти в полной мере осознали опасность и приняли ряд превентивных мобилизационных мероприятий (нормативных актов, национальных программ и др.) для снижения уровня внешней продовольственной зависимости. Как показывает анализ ситуации с продовольствием в стране в настоящее время, прогностические сценарии, разработанные в соответствии с научной методологией и реализованные предупредительные меры в области развития агропромышленного комплекса, дали свои успешные результаты — катастрофы в области обеспечения продовольственными продуктами населения в условиях специальной военной операции (СВО) не произошло.

Экспоненциальный рост населения планеты поставил перед человечеством проблему обеспечения ресурсами, в первую очередь, продовольственными. В течение нескольких лет (с 1996 г. по 2009 г.) государствами был принят ряд международных документов, обязывающих правительства обеспечить население доступом к качественной пище, искоренить голод в мире[1]. На основании международных деклараций многие страны приняли национальные нормативные акты по обеспечению продовольственной безопасности, особенно в случае чрезвычайной ситуации. Российская государственная политика мобилизационного характера была направлена в последние годы на восстановление и развитие агрокомплекса, что, по сути, и обеспечило уровень продовольственной безопасности в условиях СВО.

Целью исследования является анализ критериев эффективности государственного управления по обеспечению продовольственной безопасности страны, рассмотрение современной ситуации и выявление существующих угроз в этой области, а также предложение мер по их парированию.

Материалы и методы. В исследовании использованы комплексные методы анализа понятия, сущности и содержания продовольственной безопасности как вида национальной безопасности, официальных правовых документов, а также статистический, исторический, компаративистский и другие методы.

[1] *Римская декларация о Всемирной продовольственной безопасности и План действий Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия.* Рим, 13.11.1996. URL: http://www.rau.su/observer/N3-4_97/019.htm (дата обращения: 06.10.2023); *Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности.* Принята на Всемирном саммите по продовольственной безопасности. Рим, 16–18 ноября 2009 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 15.10.2023).

XXI век для России стал временем становления российской государственности, институциональной трансформации общественной системы государства, принятия новых правовых норм, программ развития социально-экономической сферы, укрепления системы обеспечения продовольственной безопасности страны. Российская власть законодательно оформляла регулирование сферы обеспечения продовольственной безопасности государства как составляющей политики по защите политического суверенитета, экономической независимости России.

Одновременно с принятием международных норм по продовольственной безопасности[2], начиная с конца XX века, в научных и политических кругах России началась дискуссия о категории «продовольственная безопасность». В ходе дискуссии выявилось два основных подхода к данному понятию.

Первый подход исходил от отечественных производителей, которые настаивали на том, что продовольственная безопасность — это когда страна может себя обеспечить продуктами питания полностью. Но так как реформы 90-х нанесли большой ущерб сельскому хозяйству (и не только, промышленное производство техники для села тоже практически остановилось), то для подъема агропромышленного комплекса необходима поддержка государства в виде аграрной инвестиционной политики.

Второго подхода придерживалось либеральное крыло российского истеблишмента, куда входили и политики, и экономисты. Их позиция состояла в отказе от государственного протекционизма сельскохозяйственных производителей, что соответствовало политике Всемирного банка и ФАО (FAO)[3]. ФАО, безусловно, проводило интересы западных производителей, стремящихся завоевать российский рынок с помощью демпинга цен. Это привело бы к разорению российских аграриев и последующему захвату всего рынка зарубежными «инвесторами» и установлению их монополии в торговле продовольствием. Что давало в последующем возможности внешним силам наращивать цены, контролировать политическую ситуацию в Россию, и управлять ею.

Но к 2010 году ситуация с обеспечением собственной сельскохозяйственной продукцией стала постепенно выравниваться, в то же время была принята Доктрина продовольственной безопасности РФ[4] и другие нормативные акты. С 2020 года и по настоящее время в России действует Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации[5] (далее — Доктрина), в которой дано определение продовольственной безопасности[6].

Доктриной предусмотрены пороговые значения объемов производства отечественной сельскохозяйственной продукции, достижение которых позволит обеспечить продовольственную безопасность и продовольственную независимость России (раздел III, п.п. 8, 9). Пороговые значения определяются в процентах как отношение объема производимой продукции к объему их внутреннего потребления в отношении следующих стратегически значимых продуктов:

а) зерна — не менее 95 процентов;
б) сахара — не менее 90 процентов;
в) растительного масла — не менее 90 процентов;
г) мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) — не менее 85 процентов;
д) молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) — не менее 90 процентов;
е) рыбы и рыбопродуктов (в живом весе — весе сырца) — не менее 85 процентов;
ж) картофеля — не менее 95 процентов;
з) овощей и бахчевых — не менее 90 процентов;
и) фруктов и ягод — не менее 60 процентов;
к) семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции — не менее 75 процентов;
л) соли пищевой — не менее 85 процентов[7].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ, в 2020 году обеспечение отечественными продуктами питания по основным показателям достигло требуемого уровня, а по отдельным превысило его (таблица 1).

---

[2] Там же.

[3] ФАО — Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (FAO — Food and Agriculture Organization of United Nations).

[4] *Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации*. Указ Президента Российской Федерации № 120 от 30.01.2010 (утратил силу). URL: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/ (дата обращения: 08.10.2023).

[5] *Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 20 от 21.01.2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106/page/2 (дата обращения: 22.09.2023).

[6] Продовольственная безопасность Российской Федерации (далее — продовольственная безопасность) — состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни (раздел I, п.2, п.п. а).

[7] *Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 20 от 21.01.2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106/page/2 (дата обращения: 22.09.2023).

Таблица 1

Уровень самообеспечения основными продуктами питания (в процентах)[8]

Зерно	165,6
Мясо	100,1
Молоко	84,0
Яйца	97,4
Картофель	89,2
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	86,3
Фрукты и ягоды	42,4
Сахар	99,9
Соль поваренная	65,5*
Масло растительное	200,0*
Рыба и рыбопродукты в живом весе (весе сырца)	160,7

В октябре 2022 года Совет Федерации РФ на своем заседании рассмотрел доклад Министерства сельского хозяйства о результатах выполнения Доктрины продовольственной безопасности и принял постановление, в котором говорится, что «Российская Федерация в 2021 году достигла пороговых значений показателей продовольственной независимости по многим ключевым направлениям (по зерну, сахару, растительному маслу, мясу и мясопродуктам, рыбе и рыбопродуктам), однако еще предстоит обеспечить достижение указанных показателей по молоку и молокопродуктам, картофелю, овощам и бахчевым, фруктам и ягодам, соли пищевой, семенам основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции»[9]. Для выполнения поставленных задач законодателями принят ряд нормативных актов и дополнительных мер.

Обеспечение продовольственной безопасности как одной из составляющих национальной безопасности РФ предусмотрено в более общем виде в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой 02.07.2021. В разделе IV «Обеспечение национальной безопасности» в рамках стратегических национальных приоритетов (п. 27) предусмотрено решение целей и задач в сфере «сбережения народа России и развития человеческого потенциала». Достижение целей государственной политики в данной сфере предусмотрено путем реализации нескольких направлений (п. 33), одним из которых является (п. 10) повышение физической и экономической доступности безопасной и качественной пищевой продукции[10].

В сложных условиях санкционного давления Россия смогла обеспечить не только свою продовольственную безопасность, но и нарастила экспортный объем продукции. Как отметила вице-премьер Правительства Российской Федерации, курирующая вопросы агропромышленного комплекса (АПК), В. Абрамченко на Петербургском всемирном экономическом форуме (ПМЭФ) в июне 2023 года, Россия смогла сделать вклад в обеспечение мировой продовольственной безопасности, увеличив агроэкспорт с 16,3 млрд долларов в 2013 году до 41,5 млрд в 2022 году. Остро актуальными остаются вопросы экологии, сохранения здоровья земли, ее плодородия, что в настоящее время стало критическим фактором уровня производительности АПК. Россия является крупным поставщиком минеральных удобрений. Участник ПВЭФ, профессор Университета Тушия (Италия), лауреат Нобелевской премии мира 2007 года Р. Валентини отметил, что «…у России есть огромный потенциал, так как российские удобрения свободны от опасных концентраций токсичных веществ, таких, как кадмий. Это действительно уникальный вклад в восстановление почв, охрану окружающей среды и улучшение здоровья сельскохозяйственных культур»[11]. В настоящее время российские удобрения поставляются в шестьдесят стран [11].

Результаты исследования. Результаты государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности России в соответствии с задачами, поставленными на доктринальном и законодательном уровне, можно проследить на основе статистических данных, опубликованных Федеральной службой государственной статистики РФ (составлено авторами по данным Росстата) (таблица 2 и таблица 3).

[8] *Уровень самообеспечения основными продуктами питания (в процентах).* В: Сельское хозяйство в России. 2021: Стат. сб. Москва: Росстат; 2021. С. 20.
[9] *О реализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации.* Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 19.10.2022. URL: http://council.gov.ru/activity/documents/139304/ (дата обращения: 22.09.2023).
[10] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1 (дата обращения: 24.09.2023).
[11] *Виктория Абрамченко в рамках ПМЭФ обсудила вклад России в обеспечение мировой продовольственной безопасности.* 16 июня 2023 г. URL: http://government.ru/news/48792/ (дата обращения: 23.09.2023).

Таблица 2

Производство продуктов животноводства в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий в сельскохозяйственных организациях Российской Федерации за 2000–2022 годы[12]

	2000	2010	2020	2021	2022[13]	2022 в % (в разах) к 2000
Скот и птица на убой (в живом весе), тонн	1,7	5,0	10,7	10,8	11,4	670,6 (в 6,7 раза)
Молоко, тонн	9,4	11,7	15,7	16,0	16,9	179,8 (в 1,8 раза)
Яйца[14], тыс. штук	59,4	97,7	117,9	121,3	124,3	209,2 (в 2,1 раза)

Таблица 3

Урожайность сельскохозяйственных культур по Российской Федерации (в сельскохозяйственных организациях; центнеров с одного гектара убранной площади) за 2000–2021 годы[15]

	2000	2010	2020	2021	2021 в % (в разах) к 2000
Зерновые и зернобобовые культуры	15,9	19,0	31,0	28,5	179,2 (в1,8 раза)
Картофель	104	136	271	265	254,8 (в 2,5 раза)
Овощи открытого грунта	134	199	285	262	195,5 (в 1,9 раза)

Таким образом, за последние два десятилетия Россия активно занималась вопросами количественного обеспечения своей продовольственной безопасности. Производство мяса выросло в 6,7 раза, — в 1,8 раза, яиц — в 2,1 раза. Также значительно повысилась урожайность сельскохозяйственных культур.

Однако на повестке дня остался вопрос качества продуктов питания населения России, и этот вопрос является настолько важным, что его не обошел своим вниманием Совет Федерации РФ. В Постановлении о реализации Доктрины обеспечения продовольственной безопасности отмечалось: «… не в полной мере решены вопросы качественного улучшения и формирования здорового типа питания населения, повышения физической и экономической доступности безопасной, качественной пищевой продукции, в том числе органической, самообеспечения продовольственными товарами, предотвращения выбытия из оборота земель сельскохозяйственного назначения. Не удалось осуществить импортозамещение семян ряда важнейших видов сельскохозяйственных культур, племенной продукции (материала)»[16].

Продовольственная безопасность, как и национальная безопасность, в которую она входит как вид, также условно разделяется по источнику угроз на внутреннюю и внешнюю. Внутренние угрозы безопасности содержат в себе ухудшение ценовой и количественной доступности продуктов, а также качественные характеристики продуктов. Но эти угрозы тесно переплетены с внешними рисками: зависимостью от импорта жизненно необходимых продуктов, демпинговой политикой, протекционизмом продукции не отечественного, а иностранного производства под давлением внешних лоббистов, инвестиции иностранного капитала, устраняющие российских конкурентов, экономические и политические санкции, нарушающие цепочки международных поставок и др.

Проблема качества продовольствия заключается в недостаточном преодолении кризисных проявлений в животноводстве — в продолжении использования производителями пальмового масла, различных добавок, генетически модифицированной продукции, фальсификации продуктов [12].

На качество продовольствия влияет распространенное во всем мире применение генетически модифицированных организмов (далее — ГМО). ГМО впервые были получены в конце XX века и почти сразу стали применяться в сельскохозяйственном производстве. Многие ученые предупреждали, что применение ГМО недостаточно изучено, результаты непредсказуемы, и может нести в себе отложенную опасность для человечества. В научной литературе появлялись данные об ухудшении физиологического состояния и поведения

[12] *Производство продуктов животноводства в расчете на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий (пашни, посевной площади зерновых культур)*. Федеральная служба государственной статистики. Эффективность экономики России. Сельское хозяйство. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11186 (дата обращения: 23.09.2023).

[13] Данные без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

[14] В расчете на 100 га посевной площади зерновых и зернобобовых культур.

[15] *Урожайность сельскохозяйственных культур в сельскохозяйственных организациях.* Федеральная служба государственной статистики. Эффективность экономики России. Сельское хозяйство. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11186 (дата обращения: 23.09.2023).

[16] *О реализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации.* Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 19.10.2022. URL: http://council.gov.ru/activity/documents/139304/ (дата обращения: 22.09.2023).

животных, указывалось на патологические изменения во внутренних органах, нарушение репродуктивных функций животных и недоразвитие потомства при добавлении в корм ГМО, бесплодие почвы после применения ГМО-семян. Но есть и аргументы об отсутствии вреда от ГМО. Споры по поводу генно-модифицированной (ГМ) еды продолжаются уже много лет, и за этими спорами, очевидно, стоят бизнес-интересы крупных конкурирующих компаний-производителей. Разные страны по-разному относятся к законодательному оформлению распространения ГМО-продуктов: одни требуют обязательной маркировки о наличии ГМО на упаковке продуктов, другие не требует этого, третьи (в том числе Россия) запрещают производство трансгенных культур, но разрешают ввоз импортной ГМО-продукции. Растет популярность «чистых», натуральных биопродуктов. В России с 2016 года Федеральным законом № 358[17] запрещен ввоз и использование для посева семян ГМ-растений, а также, за исключением научно-исследовательских целей, запрещено выращивать ГМ-растения и разводить ГМ-животных. В 2019 году Правительство подписало Постановление (ПП-479 от 22.04.2019 г.), в котором говорилось об «увеличении производства генетически модифицированных культур и расширении областей применения генетических технологий»[18], то есть мы можем создавать свои ГМО. Но методы создания ГМО на сегодняшний день во всех странах одни и те же.

Важным фактором обеспечения продовольственной безопасности является экономическая и физическая доступность продовольственных продуктов для населения, определяемая уровнем доходов граждан. К сожалению, в последние годы дифференциация доходов населения продолжает расти [13]. Разрыв в потреблении мяса, фруктов, молочных и рыбопродуктов наиболее и наименее обеспеченными слоями россиян достиг двукратной величины. Бедные слои населения потребляют большую долю углеводной пищи в общей потребительской продовольственной корзине в ущерб продукции, содержащей необходимые витамины и минералы, что отражается на здоровье значительной части населения России [14]. Еще одним рискогенным фактором продовольственной безопасности является количество бедных россиян, у которых доля расходов на продукты питания составляет около 50% всех расходов семьи, хотя в среднем по стране эта цифра составляет свыше 20 %, но это по-прежнему превышает показатели некоторых экономически развитых стран [15, 16].

Экономические санкции, введенные против России странами западного глобалистского мира, морская и авиационная блокада привели к удорожанию продовольственных грузов, появились проблемы с их страхованием, что, по сути, явилось новой формой необъявленной войны [17].

Обсуждение и заключение. Неравномерность развития мировой системы государств проявляется и в рисках обеспечения продовольственной безопасности всего человечества. В среднем на планете производится достаточное количество продовольственных товаров, чтобы обеспечить все ее население. Дихотомия положения заключается в том, что часть человечества голодает, а в другой ее половине идет перепотребление пищи, часто недоброкачественной. Парадоксально, но число голодающих и число страдающих ожирением в мире примерно одинаково. Главными вызовами для продовольственной безопасности России остаются экологическая — истощение почвы, рисковая зона земледелия, охрана и использование животного мира [18] и др., и технологическая — недостаток квалифицированных кадров, уровня механизации, по-прежнему еще высокая доля импорта кормов и семян, физическая и экономическая труднодоступность продуктов питания для большой части населения.

Для преодоления рисков продовольственной безопасности многие направления, по которым принимаются предупредительные меры, необходимо сохранить и в будущем, и разработать принципиально новые. Необходимо продолжить развитие агропромышленного комплекса, создание стратегических продовольственных запасов, воссоздание технического парка и технологий. Также необходима корректировка таможенного и налогового законодательства, его изменения в пользу отечественного производителя, усиление контроля качества производимой пищевой продукции, поощрение производителя натуральной, экологически чистой продукции, ужесточение природоохранных законов и др.

В условиях западных санкций, по сути, экономической войны против России, обеспечение ее независимости от мирового рынка продовольствия стало важнейшим фактором в ситуации решения задачи сохранения российской нации. Дальнейшее укрепление системы обеспечения продовольственной безопасности заключается в продолжении количественного обеспечения пищевыми продуктами и наращивании успехов в области создания экологически здоровой продукции.

[17] *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности.* Федеральный закон № 358-ФЗ от 03.07.2016. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607040147?index=5&rangeSize=1 (дата обращения: 08.10.2023).

[18] *Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы.* Постановление Правительства РФ № 479 от 22.04.2019. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904230021 (дата обращения: 08.10.2023).

Список литературы

1. Маслова Е. *Продовольственный аспект национальной безопасности России*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prodovolstvennyy-aspekt-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/ (дата обращения: 06.10.2023).

2. Маланьина А.А., Раздобреева Р.А. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. В*: Экономика и управление: теория и практика: сборник статей*. Чебоксары: ИД «Среда»; 2018. С. 82–85. https://doi.org/10.31483/r-21533

3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. *THESIS*. 1994;(5):107–134.

4. Милль Дж.С. *О свободе.* URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O%20svobode.pdf (дата обращения: 06.10.2023).

5. Авдеев Ю.И., Аленкин С.В., Алешин В.В., Опалев А.В. *Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации*. Монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2012. 514 с.

6. Возженников А.В. *Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения.* Москва: РАГС; 2002. 424 с.

7. Зеленков М.Ю. *Основы теории национальной безопасности*. Москва; 2015. 253 с.

8. Явчуновская Р.А. Современное видение международной безопасности. *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2017;12(1):199–202.

9. Ушачев И.Г., Чекалин В.С. Новая Доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений. *АПК: экономика, управление*. 2020;(4):4–12.

10. Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Анищенко А.Н., Чекавинский А.Н. *Продовольственная безопасность региона*: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН; 2014. 102 с.

11. Абрамов Д. *Российские удобрения покупают почти 60 стран*. URL: https://ria.ru/20231001/udobreniya-1899705035.html (дата обращения: 02.10.2023).

12. Бутова Т.Г., Данилина Е.П., Белобородов А.А., Белобородова Ю.С., Лобачева Н.И. Безопасность пищевых продуктов в концепции медицинской продовольственной безопасности России в современных условиях. *Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции*. 2021;(3):130–137.

13. Минакова И.В., Кузьмичева И.Г., Галигузов В.И. Роль государства в обеспечении социально-экономического развития: мировой опыт и российская практика. *Управленческий учет.* 2021;(6):675–683.

14. Афанасьева Д.А. Современное состояние продовольственной безопасности в России как фактор политического риска в аграрном комплексе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2020;10(1):72–76. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-1-72-76

15. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления. *Вестник Московского университета. Серия 5. География.* 2019;(2):61–68.

16. Ушачев И.Г., Колесников А.В. Экономическая доступность продовольствия для населения Российской Федерации. *Вестник Института экономики Российской академии наук.* 2021;(4):59–77.

17. Кузина С.И., Хагуш С.Л. Новые виды войн в процессах глобальной конкуренции государств. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2017;(3):160–164.

18. Иванова С.В. Объекты правоотношений: отраслевой подход. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(3):13–19.

References

1. Maslova E. *Food Aspect of National Security of Russia*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prodovolstvennyy-aspekt-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/ (accessed: 06.10.2023). (In Russ.).

2. Malan'ina AA, Razdobreeva RA. Problems of Ensuring Food Security of the Russian Federation. In: *Collected Works. Economics and Management: Theory and Practice.* Cheboksary: Publishing House “Sreda”; 2018. P. 82–85. https://doi.org/10.31483/r-21533 (In Russ.).

3. Giddens A. Fate, Risk and Security. *THESIS*. 1994;(5):107–134. (In Russ.).

4. Mill JS. *On Liberty*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O%20svobode.pdf (accessed: 06.10.2023) (In Russ.).

5. Avdeev YuI, Alenkin SV, Aleshin VV, Opalev AV. *Legal Base of National Safety Protection of the Russian Federation.* Monograph. Moscow: YUNITI-DANA; 2012. 514 p. (In Russ.).

6. Vozzhennikov AV. *National Security of Russia: Research Methodology and Ensuring Policy*. Moscow: RAGS; 2002. 424 p. (In Russ.).

7. Zelenkov MYu. *Fundamentals of the Theory of National Security*. Moscow; 2015. 253 p. (In Russ.).

8. Yavchunovskaya RA. Modern Vision of International Security. *Russia: Trends and Development Prospects*. 2017;12(1):199–202. (In Russ.).

9. Ushachev IG., Chekalin VS. The New Doctrine of Food Security and Measures to Implement Its Main Provisions. *Agro-Industrial Complex: Economics, Management*. 2020;(4):4–12. (In Russ.).

10. Uskova TV, Selimenkov RYu, Anishchenko AN, Chekavinsky AN. *Food Security of the Region*. Monograph. Vologda: ISERT RAS; 2014. 102 p. (In Russ.).

11. Abramov D. *Russian Fertilizers are Bought by almost 60 Countries*. URL: https://ria.ru/20231001/udobreniya-1899705035.html (accessed: 02.10.2023). (In Russ.).

12. Butova TG, Danilina EP, Beloborodov AA, Beloborodova YuS, Lobacheva NI. Ensuring Food Safety within the Concept of Medical Safety in Modern Conditions in Russia. *Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment*. 2021;(3):130–137. (In Russ.).

13. Minakova IV, Kuzmicheva IG, Galiguzov VI. The Role of the State in Socio-Economic Development: World Experience and Russian Practice. *Management Accounting*. 2021;(6):675–683. (In Russ.).

14. Afanaseva DA. The Current State of Food Security in Russia as a Factor of Political Risk in the Agricultural Sector. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):72–76. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-1-72-76 (In Russ.).

15. Zubarevich NV, Safronov SG. The Share of Food in Total Consumption of the Population of Russian Regions as an Indicator of the Standard of Living and Consumption Modernization. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*. 2019;(2):61–68. (In Russ.).

16. Ushachev IG, Kolesnikov AV. Economic Availability of Food for the Population of the Russian Federation. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. 2021;(4):59–77. (In Russ.).

17. Kuzina SI, Hagush SL. New types of wars in the processes of global competition of states. *State and Municipal Management. Scholar Notes. SRIM RANEPA*. 2017;(3):160–164. (In Russ.).

18. Ivanova SV. Objects of Legal Relationships: Sector-Specific Approach. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(3):13–19. (In Russ.).

Об авторах:

Светлана Ивановна Кузина, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70), ScopusID, ORCID, svivk@yandex.ru

Инга Григорьевна Сагирян, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ScopusID, ORCID, sagiryan@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

С.И. Кузина — формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

И.Г. Сагирян — обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 09.01.2024
Поступила после рецензирования 12.02.2024
Принята к публикации 15.02.2024

About the Authors:

Svetlana I. Kuzina, Dr. Sci. (Political Sciences), Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), Professor of the Political Science and Ethnopolitics Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, RF), ScopusID, ORCID, svivk@yandex.ru

Inga G. Sagiryan, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ScopusID, ORCID, sagiryan@yandex.ru

Claimed contributorship:
SI Kuzina: formulating the main concept, research methodology, setting the research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.
IG Sagiryan: review and analysis of the scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of interest statement: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Received 09.01.2024
Revised 12.02.2024
Accepted 15.02.2024

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 341

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-64-73

EDN: CPJSQB

Обеспечение принципа правовой определенности в качестве противодействия международному терроризму

А.А. Кузубов , **А.Н. Максименко** ✉
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ manzel@yandex.ru

Аннотация

Введение. Терроризм, являясь антисоциальным и деструктивным явлением, представляет особую угрозу общественной, национальной и международной безопасности. Это явление относится к одной из самых глобальных проблем современности. Терроризм приводит к росту напряженности, имеет высокий уровень конфликтного потенциала, а также играет крайне негативную роль в развитии и жизнедеятельности общества, отдельного государства и мирового сообщества в целом. Сотрудничество между национальными государствами и международными организациями в борьбе с международным терроризмом чаще всего ограничивается конкретными ситуациями. При таких условиях особую остроту и актуальность приобретают принципы права, которые в концентрированном виде воплощают универсальные ценности и идеалы, формирующие основу правового регулирования общественных отношений. Целью статьи является анализ теоретических и практических аспектов принципа правовой определенности в противодействии международному терроризму.

Материалы и методы. Объектом исследования является принцип правовой определенности как средства противодействия международному терроризму. В исследовании был применен диалектический метод познания как основной, общенаучные методы анализа, синтеза, специальные юридические методы — эмпирические и формально-юридический.

Результаты исследования. Доказано, что распространение экстремизма и терроризма является угрозой для современного международного и национального правопорядков. Обоснована необходимость формулирования единого обобщенного определения понятия «терроризм» и реализации принципа правовой определенности в противодействии международному терроризму.

Обсуждение и заключение. Выявлена необходимость оптимального и эффективного решения вопроса применения принципа non bis in idem (лат. «не дважды за одно и то же») в отношении террористических преступлений (прежде всего, международного характера), наделение их универсальной юрисдикцией, которая позволит осуществлять уголовное преследование преступников независимо от их места нахождения, гражданства или территории, на которой было совершено конкретное преступление. Теоретическое и практическое значение полученных результатов заключается в том, что они могут быть использованы как в научно-исследовательской сфере для дальнейшего теоретического изучения проблем противодействия международному терроризму, так и в правотворческой сфере — с целью совершенствования антитеррористического законодательства РФ. В перспективе дальнейших исследований особое внимание следует уделять оптимизации правового поля, усовершенствованию нормативно-правовых механизмов с целью оптимального предотвращения международного терроризма как социального явления.

Ключевая слова: принцип права, правовая определенность, терроризм, non bis in idem, уголовное преследование, международный терроризм, противодействие международному терроризму

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Кузубов А.А., Максименко А.Н. Обеспечение принципа правовой определенности в качестве противодействия международному терроризму. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(1):64–73. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-64-73

Research article

Ensuring the Principle of Legal Certainty as a Way to Counteract the International Terrorism

Alexey A. Kuzubov, **Aleksandr N. Maksimenko** ✉
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ manzel@yandex.ru

Abstract
Introduction. Due to its antisocial and destructive nature, terrorism constitutes a particular threat to the public, national and international security. It is one of the global problems of our time, which leads to the increased tension, has the high conflict potential and extremely negative effect on development and life of a society, a separate state and the global community on the whole. Cooperation between the national states and the international organisations for combating the international terrorism is most often restricted to the individual cases. In this context, the principles of law, which represent the concentrated essence of the universal values and ideals underlying the legal regulation of the social relationships, become particularly acute and relevant. The present article aims to analyse the theoretical and practical aspects of the principle of legal certainty in counteracting the international terrorism.
Materials and Methods. The object of the study is the principle of legal certainty as a tool of counteracting the international terrorism. The dialectical method of cognition was used as the main research method, the general scientific methods of analysis, synthesis and the specific legal methods (empirical and legalistic) were also used.
Results. It has been proved that the spread of extremism and terrorism constitutes a threat to the present day international and national legal order. The necessity to formulate a unified general definition of the concept of “terrorism” and to implement the principle of legal certainty in counteracting the international terrorism has been substantiated.
Discussion and Conclusion. The research has revealed the need for an optimal and efficient solution for implementation of the *non bis in idem* (“not twice for the same”) principle with regard to the terrorist crimes (primarily of the international nature), endowing the universal jurisdiction over them, which allows criminal prosecution of the criminals regardless of their location, citizenship or territory, where the individual crime has been committed. The theoretical and practical value of the results obtained is the capacity thereof to be used both in the field of scientific research (for further theoretical study of the problems of counteracting the international terrorism) and in the field of law-making (for improving the Russian Federation legislation on counteracting terrorism). Bearing in mind future research, the special attention should be paid to the optimisation of the legal framework, enhancement of the regulatory legal mechanisms aiming to prevent in an optimal way the international terrorism as a social phenomenon.

Keywords: principle of law, legal certainty, terrorism, *non bis in idem*, criminal prosecution, international terrorism, counteracting the international terrorism

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for the critical assessment of the materials and making suggestions on their improvement that had significantly fostered the quality of the article.

For citation. Kuzubov AA, Maksimenko AN. Ensuring the Principle of Legal Certainty as a Way to Counteract the International Terrorism. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(1):64–73. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-64-73

Введение. В условиях глобализации, когда мир стал более взаимосвязанным и взаимозависимым, быстрыми темпами распространились многочисленные вызовы и угрозы, такие как:

– терроризм — национальный, религиозный и другие формы экстремизма;
– торговля наркотическими средствами, оружием;
– транснациональная организованная преступность;
– региональные конфликты и угроза распространения оружия массового поражения;
– чрезмерное материальное обогащение и концентрация финансового капитала отдельными лицами и группировками;
– финансово-экономические кризисы;
– экологические катастрофы;
– упадок традиционной морали духовности, подмена общечеловеческих ценностей и культурных достояний человечества общественными искажениями индивидуального сознания и субкультуры.

Кроме того, негативным достоянием глобализации, наряду с появлением новых проблем, стала трансформация традиционных угроз как военного, так и невоенного характера (политическое давление на

государства с отличающейся от других идеологией, использование методов недобросовестной конкуренции в экономических отношениях), неконтролируемое распространение этих угроз и их превращение в системную практику решения геополитических стратегических задач, которые предстают перед национальными государствами на современном этапе их развития.

В условиях дальнейшего расширения глобализации, которая приводит к качественной трансформации или даже разрушению социальных, экономических, политических и правовых структур, повышается роль и значение принципов права, которые в концентрированном виде воплощают универсальные ценности и идеалы, определяющих содержательный характер системы права, направления ее дальнейшего развития, а также распространения их использования. «Тенденция роста роли и значение принципов права, которые выступают в форме принципов-норм, общеправовых принципов, отраслевых, межотраслевых, более четко выявляется на глобальном и региональном уровнях, в отношениях между государствами, между государствами и транснациональными корпорациями, другими субъектами и институтами, причастными к процессу глобализации» [1, с. 27].

В контексте противодействия современным угрозам, с которыми сталкиваются государства, особую роль играет принцип правовой определенности, которую следует рассматривать в качестве фонда ментального самостоятельного принципа правовой системы.

В то же время, диалектический характер правовой определенности, в основе которой, по мнению П.М. Родригеза, лежит как политический (провозглашение и защита эффективности установленных правил поведения и правовых норм), так и субъективный (установление ограничений и индивидуальных гарантий в ходе реализации соответствующих правовых положений) аспекты. В отдельных случаях парадоксально может иметь следствием возрастание значения неопределенности [2]. С учетом этого положения важное значение приобретает поиск оптимального соотношения между этими двумя категориями, особенно в процессе решение проблем правового регулирования, связанных с противодействием негативным явлениям, невозможности или минимизации негативных последствий глобальных вызовов и угроз, в частности противодействия терроризму, обеспечения международного и национального правопорядков.

Целью статьи является анализ теоретических и практических аспектов принципа правовой определенности в противодействии международному терроризму.

Материалы и методы. Методологическую ценность в исследовании правовой определенности имеют достижения таких ученых, как И.В. Рехтина, М.А. Боловнев [3], А.Р. Султанов [4], О.В. Кузьмина [5], Д.С. Велиева, М.В. Пресняков [6], Д.С. Милинчук [7] и другие. В трудах указанных ученых обоснован ряд важных положений и выводов относительно понятия и содержания правовой определенности. Тем не менее, распространение негативных тенденций глобализации и рост количества вызовов и угроз, с которыми сталкиваются национальные государства, приобретают глобальный характер, что обусловливает необходимость исследования принципа правовой определенности как средства противодействия международному терроризму, обеспечения международного правопорядка и противодействия глобальным вызовам и угрозам. Объектом исследования является принцип правовой определенности как средства противодействия международному терроризму. В исследовании был применен диалектический метод познания как основной, общенаучные методы анализа, синтеза, специальные юридические методы — эмпирический и формально-юридический.

Результаты исследования. Важной проблемой современного международного правопорядка является распространение экстремизма и терроризма, которые в последние годы вышли далеко за пределы национальных государств и превратились в глобальную угрозу. В контексте указанного внимания заслуживают данные Глобального индекса терроризма (Global Terrorism Index) [8], который измеряет уровень террористической активности внутри той или иной страны по четырем основным показателям: 1) количество террористических инцидентов; 2) количество погибших; 3) количество пострадавших, 4) уровень материального ущерба. Кроме того, при агрегировании Индекса анализируется ряд других факторов, которые могут быть опосредованно связаны с террористической активностью. Согласно индексу, пик распространения терроризма пришелся на 2014–2015 гг. и связан с военной террористической организацией «Исламское государство» в Сирии и Ираке, на подконтрольных территориях которых даже было объявлено о создании так называемого «халифата». По данным австралийского Института экономики и мира, от террористических атак в 2014 г. погибло 33,438 человек, что составляет абсолютный максимум. В период до 2019 г. наблюдалось замедление указанной тенденции. В 2019 г. эта цифра составила 13,826 человек, что на 15,5 % меньше, чем в 2018 г. (более 16 тыс.), и на 59 % меньше, чем в 2014 г., несмотря на это, в целом террористическая угроза остается актуальной для большинства стран мира [4].

Для высокоразвитых стран мира проблема терроризма не исключение. Так, за период с 2002 по 2019 гг. в ЕС было зарегистрировано 4 531 актов, подпадающих под категорию терроризм. В результате этих действий погибло 2 558 человек. В целом за 2002–2019 годы страны ЕС ухудшили свой рейтинг в Глобальном индексе терроризма на 0,483 балла, то есть уровень террористических актов за этот период вырос. Самыми безопасными странами являются Португалия, Румыния, Словения, Люксембург и Мальта [9].

Позиции России в индексе стремительно менялись. В рейтинге терроризма по итогам 2014 года Россия занимала 11 место. По итогам 2015 г. Россия заняла 23 место, 2017 г. — 33 место, 2018 г. — 34 место, 2019 г. — 37 место, в 2022 г. — 44 место [4]. Анализируя ситуацию, эксперты IEP отмечают, что в целом по Евразии уровень терроризма все еще остается высоким несмотря на то, что на протяжении последних 10 лет он стремительно снижался. Максимальная террористическая активность в России пришлась на 2010 год, в котором погибли 273 человека, в 2022 году в России погибли только 2 человека [10].

Глобальность распространения терроризма, обретения им новых форм и проявлений, а также вред, который наносит террористическая активность жизни и здоровью людей и международному правопорядку в целом, обусловливает необходимость проведения государствами совместной, хорошо скоординированной контртеррористической деятельности, направленной на устранение причин и предпосылок терроризма, минимизацию влияния террористических организаций на людей, предупреждение террористических актов.

Вместе с тем практика убедительно демонстрирует, что на современном этапе развития международной системы взаимодействие национальных государств в этой сфере недостаточно эффективно, осуществляется по большей части ситуативно и находится в зависимости от политических факторов и интересов сторон.

Например, в 2015 году Франция разорвала дипломатические отношения с Сирией и ликвидировала посольство в Дамаске, учитывая генеральную внешнеполитическую линию власти, которая не признавала Б. Асада легитимным главой государства. Прекращение обмена информацией, в т. ч. в сфере борьбы с терроризмом, а также потеря кадров внешней разведки в арабской республике оказали значительное влияние на качество работы французских спецслужб, которые в итоге не смогли предотвратить масштабные теракты в Париже 13 ноября 2015 г.

Важным источником неопределенности в контртеррористической сфере является отсутствие консенсуса относительно сущности понятие «терроризм» и содержания террористической деятельности.

Политики, ученые-юристы и правозащитники часто имеют противоположные подходы к тому, что следует считать терроризмом и кого называть террористами. Как точно отмечается зарубежными учеными, «на протяжении многих лет люди привыкли узнавать, что один и тот же человек может быть «террористом» или «борцом за свободу». Вместе с тем, одним из основных элементов концепции правовой определенности является принцип международного права nullum crimen sine lege, в соответствии с которым, уголовное преследование и наказание лица возможно только за преступления, предусмотренные уголовным законодательством конкретной страны. При этом правовые нормы, изложенные в таком законодательстве, должны быть сформулированы с достаточной степенью четкости и точности, а также соответствовать требованиям предсказуемости, т. е. предоставлять человеку возможность регулировать свое поведение и предусматривать, в т. ч. с использованием необходимой правовой помощи, ее последствия. В таких условиях закрепление универсального определения терроризма как сложного социально политического явления, которое раскрывало бы его основные признаки и давало возможность проецировать их на уголовно-правовой уровень с высокой степенью определенности, приобретает особое значение.

Основная роль в формировании нормативно-правового порядка борьбы с международным терроризмом принадлежит ООН. С 1963 г. под эгидой этой международной организации было принято 16 международных договоров, среди которых наиболее значимыми являются:

– Конвенция о праве нарушения и некоторые другие акты, совершенные на борту воздушных судов 1963 г.;

– Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.;

– Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.;

– Конвенция о предупреждении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентств 1973 г.;

– Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.;

– Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.;

– Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.;

– Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

Указанные международные нормативные акты базируются на отраслевом подходе к определению сущности терроризма, в основе которого лежит предположение, что некоторые правонарушения могут быть признаны сами

по себе как нарушение международного правопорядка, независимо от наличия в них специфического террористического намерения или цели [11]. Вместе с тем большинство названых нормативных актов касаются только отдельных видов или сторон терроризма, не охватывающих всех его проявлений, не дают его однозначного толкования и понимания, допускающее возможность их неодинакового или произвольного применения.

Попытки урегулировать проблемные аспекты определения терроризма и террористической деятельности, которые не нашли отражения в универсальных нормативных актах, были осуществлены в рамках регионального сотрудничества государств. Так, в преамбуле Конвенции Совета Европы о предотвращении терроризма 2005 г., которая является одним из основных актов в контртеррористической сфере в пределах Европейского правового пространства, отмечается, что по своему характеру и сути акты терроризма имеют целью

– запугивание населения или

– противоправное принуждение того или иного правительства или международной организации к совершению каких-либо действий, или

– серьезную дестабилизацию, или

– разрушение основополагающих политических, конституционных, экономических или социальных структур той или иной страны или международной организации [12]. При этом такие преступления не могут квалифицироваться в качестве политических или связанных с политической сферой, имеющей следствием отнесения терроризма к категории сугубо криминальных явлений.

Более конкретизированы данные положения, изложенные в директиве Европейского парламента и Совета ЕС о борьбе с терроризмом, в которой в ст. 2 перечислены основные признаки террористических преступлений, а именно: 1) умышленная форма вины; 2) деяния, по характеру или в силу обстановки которые способны повлечь серьезный вред стране или международной организации; 3) цель — серьезное запугивание населения или неправомерное вынуждение публичной власти или международной организации совершить определенное действие или воздержаться от его совершения, или серьезно дестабилизировать или разрушить основные политические, конституционные, экономические или социальные структуры государства или международной организации[1].

Из приведенного следует вывод. Несмотря на высокий интерес со стороны европейских институтов, на законодательном уровне пока отсутствует обобщенное определение терроризма, сущность которого раскрывается большей частью через смежные понятия (или путем перечисления его признаков), допускающего возможность широкого толкования. Однако квалификация конкретного деяния в качестве преступного (террористического) остается вопросом внутренней компетенции национальных государств, взгляды которых могут существенно отличаться в рамках даже одного региона, вносящего элемент неопределенности как в правовое регулирование указанных отношений, так и в практическую их реализацию.

Противоположный подход к определению терроризма демонстрируют страны Восточного цивилизационного типа. Так, п. 2 ст. 1 Арабской конвенции (Конвенции Лиги арабских государств) о предотвращении терроризма 1998 г. непосредственно вводит как юридическую дефиницию понятие «терроризм». Терроризм — любой акт или угроза насилия, которые совершаются одним лицом или преступной группой, наводят ужас среди населения, причиняют ему вред, подвергают опасности жизни и свободе людей, направлены на причинение вреда окружающей среде, общественным или частным зданиям или имуществу, а также осуществляют захват этих зданий или причиняют вред всей нации [13]. Данное определение допускает широкое значение терроризма как социального явления, причем в отличие от европейского подхода, он квалифицируется как угроза в первую очередь нации и населению и, как следствие, основной акцент делается именно на его социальных последствиях. Кроме того, положительный момент Арабской конвенции — разграничение понятий терроризма и террористического действия, последнее из которых является лишь одним из проявлений терроризма как социального явления.

Внимания заслуживает и дефиниция, закрепленная в Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, которая определяет терроризм как идеологию насилия и практику влияния на принятие решений органами власти или международными организациями путем совершения или угрозы совершения насильственных и (или) других преступных действий, связанных с запугиванием населения и направленных на причинение вреда личности, обществу и государству [14]. Данное определение весьма метко характеризует терроризм именно как социальное явление, которое по своей сути является значительно шире, чем террористическая преступность и непосредственно акты терроризма, что позволяет учитывать различные его проявления и создать правовую основу для их надлежащей профилактики и борьбы.

[1] *Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2017/541 от 15 марта 2017 г. о противодействии терроризму, о замене Рамочного Решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета ЕС.* URL: https://base.garant.ru/71927820/ (дата обращения: 18.01.2024).

Различия в толковании терроризма можно наблюдать и на уровне национальных государств, каждое из которых определяет его в зависимости от внутренней ситуации, распространенных на ее территории форм и видов его проявлений, целей, которые ставят перед собой имеющиеся террористические организации, а также в зависимости от политической конъюнктуры и нередко от геополитических интересов.

Анализ юридической литературы и нормативной базы о противодействии контртеррористической деятельности, позволяет выделить два основных подхода к определению сущности терроризма:

1) индуктивный (inductive or multi-definitional approach) — терроризм рассматривается в качестве многозначного понятия, определение которого зависит от конкретного его проявления, проблемы, которая рассматривается (Конвенции ООН), или компетенции и специфики деятельности органов государственной власти, в первую очередь, законодательных и исполнительных (США). Для такого подхода характерными являются: а) отсутствие широкой гипотезы; б) гипотеза основана на наблюдениях и исследованиях и должна соответствовать реальности; в) определение охватывает, как правило, лишь одну специфическую ситуацию; г) существование нескольких отдельных определений, которые применяются к различным ситуациям [16, p. 415–416].

Лорд Ллойд в 1996 г. в своем отчете об изучении законодательства о борьбе с терроризмом насчитал четыре определения терроризма в законодательстве США, в частности: дедуктивный (deductive — закрепление единого, обобщенного определения терроризма, которое в ходе практической деятельности приспосабливается к конкретной ситуации. Такое определение включает в себя три элемента:

а) объективный — перечень деяний, которые считаются террористическими актами. Как правило, к таким деяниям относят применение противоправного насилия против лица, государства (государственных объектов, инфраструктуры, коммунальных учреждений, транспортной и информационной системы) и власти. При этом последние две составляющие объектной стороны террористической деятельности остаются дискуссионными, поскольку ряд теоретиков и практиков высказывают опасение, что их легитимация может привести к неисправимому расширению полномочий правоохранительных органов в части применения репрессивных мер к другим законным формам публичного протеста [16].

Широкое толкование террористической деятельности является обоснованным, поскольку, как свидетельствует практика, большинство терактов совершаются не только и не столько с целью массового убийства населения. В этом случае критерием отграничения теракта от законного протеста служит проявление специфического мотива.

б) субъективный — мотивация и намерения, которые лежат в основе акта. Традиционным элементом субъективной стороны террористической преступности является цель — запугивание населения, утверждение атмосферы страха и недоверия. Кроме того, ряд государств признает важным для квалификации террористических преступлений наличие специфических идеологических, религиозных и / или политических целей, мотивов, причин [16]. События последних лет убедительно демонстрируют, что на первый план в структуре мотивации деятельности террористических организаций выходят именно политические мотивы, которые не ограничиваются требованиями к государствам предпринять конкретные действия, а преследуют широкомасштабные политические цели, вплоть до создания собственного государства.

в) юрисдикционный — обобщенное не запрещенное международное право государства, на которое направлен теракт, свободно отказываться или устанавливать отличительные правила с юридическим содержанием, в том числе и в рамках другой страны.

Среди ученых отсутствует единое мнение относительно оптического подхода к определению понятия «терроризм». Сторонники индуктивного метода указывают на то, что преимущественное фокусирование на насилии как основной характеристике данного явления и исключения из него политического аспекта позволяет избежать политического конфликта относительно ключевых принципов и достичь текстуальной согласованности. Тем не менее применение такого подхода существенно усложняет правовое регулирование соответствующих отношений, не обеспечивает надлежащей стабильности правового статуса лица и предоставляет значительную свободу усмотрения органам публичной власти, которые, пользуясь вариативностью подходов, в конечном счете получают возможность произвольного их применения. Кроме того, утверждение является спорным в части устранения политического момента: как свидетельствует практика, такая неопределенность парадоксально имеет следствием надменную политизацию проблемных аспектов контртеррористической деятельности, которая превращается в способ борьбы с политическими и особенно геополитическими противниками.

В связи с этим соглашаемся с позицией тех ученых, которые отстаивают необходимость существования единого обобщенного определения терроризма. Так, К. Вальтер отрицает практическую значимость дифференциации дефиниций этого понятия в зависимости от вида контртеррористической деятельности,

справедливо указывая, что единственным разумным оправданием имплементации концепции терроризма в национальное и международное право является опасность, которую представляют террористические преступления. В этом случае обеспечение ясности и правовой определенности возможно только при условии принятия как можно более обобщенного определения терроризма [16].

Похожее мнение высказывает А. Грин, который подчеркивает, что универсальное определение терроризма, в отличие от подхода, основанном на множественности дефиниций, способно обеспечить ясность и определенность [16]. Действительно, детальность изложения правовой нормы не всегда имеет следствием ее окончательность и однозначность; более того, дефинитивные нормы, устанавливающие исходные начала правового регулирования, всегда отмечаются определенной степенью абстракции, которая обеспечивает необходимую стабильность соответствующих норм и позволяет уточнять, корректировать и обогащать их содержание в конкретных ситуациях без ущерба текстуальному наполнению. В этом смысле важным требованием к конструированию дефиниции терроризма и соответствующих правовых механизмов ее реализации является их гибкость, способность достигать определенности в действиях субъектов права с учетом требований целесообразности и оптимальности правового регулирования, соблюдение которой обеспечивается закреплением универсального определения понятия «терроризм».

Отсутствие единого взгляда на сущность и значение терроризма, закрепленного на законодательном уровне, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В частности, наличие дефиниции позволяет решить вопрос криминализации деяний, связанных с терроризмом, закрепление террористического мотива в качестве отягчающего обстоятельства в контексте общеуголовной преступности, определение юрисдикции террористических преступлений, а также приоритетных сфер, в которых допускается предоставление дополнительных или чрезвычайных полномочий правоохранительным органам и спецслужбам.

Кроме того, отсутствие общепризнанных определений понятий «терроризм» и «международный терроризм» приводит к осложнениям международного сотрудничества и координации в процессе уголовного преследования террористических преступлений, значение которого существенно увеличилось за последние годы из-за беспрецедентной интернационализации террористической деятельности. Одним из краеугольных камней этой проблемы является невозможность обеспечения реализации принципа двойной уголовной ответственности, которая является базовым принципом международного уголовного права и важной составляющей принципа правовой определенности.

Современная практика уголовного процессуального сотрудничества национальных государств в сфере борьбы с терроризмом исходит из того, что применение требований non bis in idem к этой категории дел не является обязательным, а остается вопросом усмотрения соответствующих государств. Такая позиция последовательно поддерживается на уровне ООН, эксперты которой в ходе подготовки международной конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов указывали, что применение этого принципа не является одинаковым во всех государствах, вследствие чего, принимая решение о выдаче, соответствующие государства будут в каждом случае руководствоваться собственными нормами, конституирующими данный принцип [17].

Национальное государство может распространить действие этого процесса на решения, принимаемые иностранными судами, в одностороннем порядке или путем двусторонней договоренности. При этом, условия применения от соответствующего принципа определяются в каждом конкретном случае с учетом обстановки и специфики преступления.

Что касается терроризма, то практика национальных государств в части применения non bis in idem в этой сфере отмечается вариативностью. Так, например, Верховным судом Испании принят постулат, согласно которому члены ЭТА[2], осужденные за принадлежность к преступному сообществу во Франции, не могут быть судимы испанским судом, поскольку считается, что они уже понесли уголовную ответственность.

Основанием для этого является то, что организация ЭТА имеет пирамидальную структуру, ее преступная деятельность подчинена единой стратегии, которая формируется руководящими органами, между ее членами существует четкая иерархическая структура и разделение функций, а именно членство в ЭТА является объективным фактом, который не зависит от того, на какой территории находится соответствующее лицо [17]. Зато уголовная ответственность членов террористических организаций, в которых перерастают горизонтальные связи, а структурные элементы наделены автономией, наступает отдельно в каждом государстве.

Противоположный подход наблюдается в странах англосаксонского блока. В США на террористические преступления в одностороннем порядке была распространена экстратерриториальная юрисдикция, которая

[2] ЭТА (eng. Euskadi Ta Askatasuna (трл. Эускади Та Аскатасуна, рус. «Страна басков и свобода») — баскская леворадикальная, националистическая организация сепаратистов, выступавшая за независимость Страны басков (регион, расположенный на севере Испании и юго-западе Франции с 1959 по 2018 годы, принимающая активное участие в Баскском конфликте).

фактически предоставила правоохранительным органам и, особенно, спецслужбам данного государства возможность осуществлять досудебное расследование и судебное преследование любых лиц, подозреваемых в терроризме, в т. ч. тех, которые не являются гражданами США, или совершили преступления на территории третьих стран. С. Борелли акцентирует внимание на том, что экстратерриториальное задержание стало привычной практикой для США в ходе так называемой «войны с терроризмом», причем количество задержанных лиц не ограничивается пленными в ходе военных операций: с 11 сентября 2001 г. осуществлялись другие аресты и задержания в ходе правоприменительных операций по всему миру.

Лишь в некоторых случаях лица, захваченные США, были переданы компетентным органам государства соответствующей территориальной юрисдикции; вместо этого в большинстве случаев они были переведены в залив Гуантанамо или другие места содержания под стражей, находящиеся вне пределов Соединенных Штатов [14].

Возможным способом оптимального и эффективного решение вопроса применения принципа non bis in idem относительно террористических преступлений, особенно международного характера, является наделение их универсальной юрисдикцией, которая позволит осуществлять уголовное преследование преступников независимо от их места нахождения, гражданства или территории, на которой было совершено конкретное преступление.

Обсуждение и заключение. В условиях глобализации происходит стремительная универсализация угроз и вызовов, в т. ч. тех, которые ранее считались сферой исключительной компетенции национального государства. В таких условиях увеличивается роль и значение принципов права, в частности, принципа правовой определенности, который, устанавливая требования к правотворчеству, правореализации, обеспечивает эффективность, разумность и справедливость правового регулирования общественных отношений, правопорядок и стабильность в национальном и международном измерении.

Современный опыт убедительно свидетельствует о недостаточном уровне сотрудничества и координации между национальными государствами и международными организациями в борьбе с международным терроризмом, который в основном остается ситуативным. Важным источником незнания в контртеррористической политике и деятельности на международном уровне является отсутствие универсального определения понятия «терроризм» и сущности террористической деятельности, определение которых по большей части остается вопросом внутренней компетенции государства, пользующегося значительной свободой усмотрения. Множественность подходов и недостаточная координация контртеррористической деятельности может иметь следствием «дефицит легитимности» усилий тех или других национальных государств или региональных организаций в борьбе с терроризмом, особенно в условиях обострения политического противостояния между субъектами международного права, что является характерным для современного этапа развития международных отношений, в т. ч. в контртеррористической сфере.

В ходе осуществления контртеррористической деятельности спецификой отмечается реализация требования non bis in idem, которая является важной составляющей принципа правовой определённости. В рамках международного правового пространства консенсусной является точка зрения, в соответствии с которой соблюдение этого требования в ходе уголовного преследования за террористические преступления не являются обязательными и остаются вопросом на усмотрение конкретных государств. Реализация такого подхода грозит создать ситуацию, при которой возможным является неоднократное привлечение лица к уголовной ответственности за совершение террористических преступлений, в первую очередь тех, которые по своей сути или последствиям являются транснациональными.

Чрезмерно широкое толкование данного положения при определенных обстоятельствах может служить оправданием установления экстратерриториальной юрисдикции над такими преступлениями, что на практике будет иметь следствием неограниченность полномочий, в т. ч. чрезвычайных, того или иного государства в уголовном преследовании лиц, которые действительно или мнимо могут иметь отношение к террористической деятельности.

Список литературы

1. Смирнова А.В. О соотношении понятий «принципы права», «аксиомы права» и «правовые презумпции». *Право и государство: теория и практика*. 2020;(4(184)):25–29.

2. Rodriguez P.M. The Principle of Legal Certainty and the Limits to the Applicability of EU Law. *Cahiers de Droit Europeen*. 2016;(1):115–140.

3. Рехтина И.В., Боловнев М.А. Правовая определенность как оценочная категория в гражданском процессе. *Российско-азиатский правовой журнал.* 2019;(1):33–38.

4. Султанов А.Р. Ложь и правовая определенность. *Вестник Гуманитарного университета.* 2019;4(27):154–159.

5. Кузьмина О.В. Правовая определенность судебных решений как необходимое условие правосудия по уголовным делам. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки.* 2019;(1–2):81–89.

6. Велиева Д.С., Пресняков МВ. Определенность содержания основополагающих прав и свобод с позиции общепризнанных принципов и норм международного права и Конституции РФ. *Современное право.* 2019;(6):11–17. https://doi.org/10.25799/NI.2019.59.60.017.

7. Милинчук Д.С. Правовая неопределенность в системе дефектов права. *Государственно-правовые исследования*. 2021;(4):149–152. https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-149-152.

8. *Global Terrorism Index 2024. Institute for Economics and Peace.* URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

9. Попова Л.И. Глобальная угроза терроризма: современное состояние и меры противодействия. *Вопросы безопасности.* 2021;(2):41–53. https://doi.org/10.25136/2409-7543.2021.2.34913.

10. Бекленищев Д.М. Терроризм как угроза национальной безопасности России. *Приднепровский научный вестник.* 2023;11(1):29–32.

11. Эльназаров Д.Х. Международно-правовые основы противодействия терроризму. *Государственное управление*: 2021;(2(51)):150–155.

12. Дмитриева Э.С. Анализ российских и зарубежных правовых актов о терроризме. *Наука. Общество. Государство.* 2019;7(2(26)):61–67.

13. Цветаева А.Ю. Международный терроризм в XXI веке. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2022;(1(65)):126–129.

14. Манаев Г.Н. Международный терроризм и борьба с ним. *Матрица научного познания.* 2021;(12–2):257–261.

15. Greene A. Defining Terrorism: One Size Fits All? *International and Comparative Law Quarterly*. 2017;66(2):411–440. https://doi.org/10.1017/S0020589317000070

16. Walter C, Vöneky S, Röben V, Schorkopf F. *Terrorism as a Challenge for National and International Law — Security versus Liberty?* Heidelberg: Springer Berlin; 2004. 1479 p.

17. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Международный терроризм и современные противоречия мировых глобальных процессов. *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2019;(7–8(174–175)):1–9.

References

1. Smirnova AV. On the Relationship of the Concepts of “Principles of Law”, “Axioms of Law” and “Legal Presumption”. *Law and State: The Theory and Practice*. 2020;(4(184)):25–29. (In Russ.).

2. Rodriguez PM. The Principle of Legal Certainty and the Limits to the Applicability of EU Law. *Cahiers de Droit Europeen*. 2016;(1):115–140.

3. Rekhtina IV, Bolovnev MA. Legal Certainty as an Evaluative Category in Civil Proceedings. *Russian-Asian Law Journal*. 2019;(1):33–38. (In Russ.).

4. Sultanov AR. A Lie, and Legal Certainty. *Bulletin of the Liberal Arts University*. 2019;4(27):154–159. (In Russ.).

5. Kuzmina OV. Legal Certainty of Court Decisions as a Necessary Condition of Justice in Criminal Cases. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural and social science*s. 2019;(1–2):81–89. (In Russ.).

6. Veliyeva JaS, Presniakov MV. Determination of the Content of Fundamental Rights and Freedoms from the Position of Generally Recognized Principles and Norms of International Law and the Constitution of the Russian Federation. *Sovremennoe pravo*. 2019;(6):11–17. https://doi.org/10.25799/NI.2019.59.60.017 (In Russ.).

7. Milinchuk DS. Legal Uncertainty in the System of Legal Defects. *State Legal Research*. 2021;(4):149–152. https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-149-152 (In Russ.).

8. *Global Terrorism Index 2024. Institute for Economics and Peace.* URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf (accessed: 18.01.2024).

9. Popova LI. Global Terrorism Threat: Current Situation and Preventive Measures. *Voprosy bezopasnosti*. 2021;(2):41–53. https://doi.org/10.25136/2409-7543.2021.2.34913 (In Russ.).

10. Beklenishchev DM. Terrorism as a Threat to the National Security of Russia. *Pridneprovskii nauchnyi vestnik*. 2023;11(1):29–32. (In Russ.).

11. Elnazarov DKh. International Legal Framework for Countering Terrorism. *Gosudarstvennoe upravlenie.* 2021;(2(51)):150–155. (In Russ.).

12. Dmitrieva ES. Analysis of the Russian and Foreign Legal Acts of Terrorism. *Science. Society. State*. 2019;7(2(26)):61–67. (In Russ.).

13. Tsvetaeva AYu. International Terrorism in the XXI Century. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*. 2022;(1(65)):126–129. (In Russ.).

14. Manaev GN. International Terrorism and the Fight against It. *Matritsa nauchnogo poznaniya.* 2021;(12–2):257–261. (In Russ.).

15. Greene A. Defining Terrorism: One Size Fits All? *International and Comparative Law Quarterly*. 2017;66(2):411–440. https://doi.org/10.1017/S0020589317000070

16. Walter C, Vöneky S, Röben V, Schorkopf F. *Terrorism as a Challenge for National and International Law — Security versus Liberty?* Heidelberg: Springer Berlin; 2004. 1479 p.

17. Karpovich OG, Shangaraev RN. International Terrorism and Contemporary Contradictions Global Processes. *Representative Power — 21st Century*: *Legislation, Comments, Problems.* 2019;(7–8(174–175)):1–9. (In Russ.).

Об авторах:

Алексей Алексеевич Кузубов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, alexceyk@gmail.com

Александр Николаевич Максименко, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, manzel@yandex.ru

Заявленный вклад соавторов:

А.А. Кузубов — формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.Н. Максименко — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 03.02.2024
Поступила после рецензирования 04.03.2024
Принята к публикации 11.03.2024

About the Authors:

Alexey A. Kuzubov, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Economics Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, alexceyk@gmail.com

Aleksandr N. Maksimenko, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Economics Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), ORCID, manzel@yandex.ru

Claimed contributorship:

AA Kuzubov: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

AN Maksimenko: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of interest statement: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Received 03.02.2024
Revised 04.03.2024
Accepted 11.03.2024